Т. Минникова, Ю. Кожевин

Два имени на круге вечном

СПб, 2018

Т. Минникова
Ю. Кожевин

ДВА ИМЕНИ НА КРУГЕ ВЕЧНОМ

Посвящается Александру Клейну

Санкт-Петербург
2018 г.

Оглавление

Александр Клейн: жизнь как подвиг духа **6**
ДВА ИМЕНИ НА КРУГЕ ВЕЧНОМ **12**
Предисловие ***12***
Глава I **13**
Глава II **28**
Глава III **40**
Глава IV **49**
Глава V **59**
Глава VI **71**
Глава VII **84**
Глава VIII **96**
Глава IX **108**
Глава X **117**
Глава XI **126**
Глава XII **135**
Глава XIII **147**
Глава XIV **154**
Биография А. Клейна **164**
Воспоминания А. Клейна о пребывании в немецком плену в г. Чудово **171**
Презумпция виновности **175**
Валентин Гринер об А. Клейне **180**
Театр за колючей проволокой (на территории Коми края) **189**
Письма Александра Клейна **194**
Тамара Владиславовна Петкевич ***195***
Юрий Иосифович Кожевин ***195***
О составителе: **196**
Письма. 1993 – 2005 годы **197**
А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 13 октября 1993. ..... *197*
А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 28 января 1996. ..... *199*
А. Клейн – Т.В. Петкевич. 5 августа 1996 ..... *200*
А. Клейн – Т.В. Петкевич. 3 ноября 1996. ..... *202*
А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 23 декабря 1996. ..... *205*
А. Клейн – Т.Н. Петкевич. 13 февраля 1997. ..... *206*
А. Клейн – Т.В. Петкевич. 14 ноября 1997. ..... *206*
А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 23 марта 1998. ..... *207*
А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 1 декабря 1998. ..... *208*
А. Клейн – Т.В. Петкевич. 22 марта 1999. ..... *209*
А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 19 июня 2000. ..... *210*
А. Клейн – Ю.И.Кожевину. 5 февраля 2001. ..... *211*
А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 6 сентября 2001. ..... *212*
А. Клейн – Ю.И. Кожевину. Декабрь 2001. ..... *212*
А. Клейн – Ю.И Кожевину. 15 апреля 2002. ..... *212*
А. Клейн – Ю.И. Кожевину. Зима 2003. ..... *213*
А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 16 июня 2005. ..... *213*
ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ НАГРУЗКИ **213**

Минникова Т.

АЛЕКСАНДР КЛЕЙН: ЖИЗНЬ КАК ПОДВИГ ДУХА

Что мы знаем о людях 41-го года? Кажется много и... почти ничего. Что мы знаем о тех, кто пережил сталинское время? Опять же много и... почти ничего. В чём смысл происходивших в XX веке событий и какой опыт должен был вынести народ из тех жесточайших обстоятельств? Возможно, главный итог того тяжёлого пути заключается в понимании им необходимости сохранения в себе человечности – особенного качества, отличающего человека от животного. Вот почему нас интересует судьба Александра Клейна, – человека, сумевшего это сделать; человека, проведшего в фашистском плену, а затем в лагерях ГУЛАГа в общей сложности почти 15 лет и оставившего миру поразительные воспоминания – романы «Дитя смерти», «Клеймёные или Один среди одиноких» и «Улыбки неволи», которые по праву можно поставить в один ряд с лучшими образцами российской мемуарной прозы XX века.

Итак, представим себе 19-летнего юношу, только что закончившего II-й курс Ленинградского театрального института и отправившегося на фронт добровольцем в составе 1-й Дивизии Народного Ополчения. Августовские бои на Лужском рубеже, окружение, контузия и затем многодневные блуждания по буреломным, заболоченным лесам в попытках пробраться через линию фронта к своим, в Ленинград.

В мыслях отступающих солдат царит полная растерянность – «где же, наконец, фронт?! Где наши?» Повсюду в деревнях хозяйничают немцы, население напугано. И вот на фоне этой неразберихи и безнадёжности мы узнаём: «*…а я всё шёл, таща на себе винтовку номер сто два девять девять один выпуска тысяча девятьсот восемнадцатого года, а в сумке для противогаза – патроны. Матерчатые подсумки порвались ещё до прихода на передовую. У всех… В вещевом мешке лежали засохшие цветы. Их принесла Валя на вокзал. А среди них – дешёвенький томик Пушкина – «Лирика». Запасное бельё, противогаз, ещё какие-то мелочи – всё выкинул: сил не было тащить во время голодного выхода из окружения. А вот это оставил*» («Дитя смерти»).

Так он брёл вдоль Московского шоссе и всё никак не мог его перейти, по-

тому что по дороге в сторону Тосно непрерывным потоком двигалась военная техника, и шли немецкие войска. Но на десятый день такого пути Александру стало совсем плохо: давала знать о себе контузия. В деревне Кривино он спрятался в каком-то сарае: *«Кровь шла из носа и ушей. Под утро я потерял сознанье. Когда снова началась рвота, а голова раскалывалась от страшной боли… – я расшнуровал правый ботинок, размотал портянку. Снял винтовку с предохранителя, вставил дуло в рот…»*. Но выстрела не последовало. Судьба готовила ему иные испытания, и это было лишь началом их.

Случайно на него наткнулись деревенские мальчишки. Местная фельдшерица поставила на ноги, а жители деревни не выдали карателям, хотя могли бы, ведь все они, до единого, рисковали жизнью, укрывая незнакомого красноармейца-комсомольца, да к тому же ещё и еврея по национальности.

Да, имя «Александр» не было подлинным именем нашего героя, он присвоил его себе ради собственной безопасности, выходя из окружения. В действительности же его звали Рафаилом Соломоновичем Клейном, и он, как многие другие евреи-красноармейцы, не мог быть взят в плен, а должен был быть немедленно уничтожен согласно немецким военным предписаниям. Так что, в этом смысле, смерть встала у него за плечами уже с той минуты, как его войсковое подразделение утратило боеспособность под Лугой.

В сущности, Рафаил-Александр был обречён: рано или поздно он должен был попасть в лапы фашистам, что и случилось под Любанью в деревушке Вороний Остров где-то в конце сентября-начале октября 41-го года. От неминуемого расстрела его спасли безупречное знание немецкого языка, природный артистизм и удивительная находчивость. А ещё – люди, которых он встретил на своём жизненном пути, и которые не всегда выполняли жестокие приказы вышестоящих командиров.

Тем не менее, под угрозой разоблачения Александр Клейн жил все годы немецкого плена, прекрасно понимая, что немцы ни за что не простят ему его еврейского происхождения. Можно представить, какой ужас он должен был испытывать, переводя офицерам СС рассказ тосненского старосты о том, как комендант Тосно майор Краузе утопил в нечистотах часового мастера-еврея Якова Цепнякова: «*Не знаю, способен ли человек, не побывавший в моём положении, а таких на всём земном шаре найдутся, уверен, единицы, понять, ощутить тяжесть висевшего днём и ночью над моей головой Дамоклова меча. Но я его чувствовал. Я гнал прочь мысли о том, что сделают со мной, если узнают – кто я. Это было бы слишком ужасно*». Однако судьба словно хранила его, и секрет за все годы плена раскрыт так и не был.

Судьба пленных во все времена была тяжела. Выжить в условиях плена, а особенно немецкого, было крайне трудно. И здесь, как это ни странно, знание языка, а также общий высокий уровень культуры заключённого вовсе не гарантировали ему безопасности. Наоборот, в иных случаях они могли даже

приблизить его к смертельной черте. Один из немецких генералов, увидев в колонне пленных Александра, приказал немедленно его расстрелять, мотивируя свой приказ тем, что у того было «слишком интеллигентное лицо». Лишь чудо спасло последнего от гибели.

Чем же так не понравился гитлеровцу этот скромный 19-летний юноша? Ответ можно найти в книге профессора психологии, доктора Бруно Бёттельгейма «Просвещённое сердце», написанной автором после пребывания в качестве узника в лагерях смерти Дахау и Бухенвальд. В силу того, что концлагеря для советских военнопленных являлись, по сути, действующими «лагерями смерти» на территории СССР, то все положения данной книги будут верны и по отношению к этим местам заключения наших воинов.

Итак, согласно наблюдениям Бруно Бёттельгейма, главным принципом, положенным в основу немецкой машины уничтожения в таких лагерях, был принцип «добровольного умирания»: «Миллионы приняли смерть, потому что СС заставила их увидеть в ней единственный способ положить конец той жизни, в которой они больше не чувствовали себя людьми». Иными словами, требовалось так организовать жизнь в лагере, чтобы люди, попавшие в загон за колючей проволокой, лишённые элементарных условий для существования, еды, тепла и, главное – надежды, начали терять способность оценивать и контролировать происходящее. Отсутствие такой возможности позволяло полностью разрушить их самооценку и таким образом уничтожить их личностно. Распад же личности превращал таких людей в покорных невольников, готовых безропотно подчиняться не только любым приказаниям своих мучителей, но и «добровольно умирать».

Что можно было противопоставить в условиях плена этому глобальному разрушению? Ответ опять находим у доктора Бёттельгейма: «Опыт показывает, что даже в безнадёжном положении существует определённая самозащита. Главное – понять, что с человеком происходит и почему». То есть, человек будет оставаться человеком до тех пор, пока он будет способен сознательно сопротивляться разрушению (любому), – если не действием, то хотя бы мыслью.

И Александр, попав в безвыходную ситуацию, начинает наблюдать за происходящим, анализировать его: «*Дико… Сутки тому назад ещё был свободным, а теперь – бесправный пленный. Почему овладевает тобой проклятая покорность? Неужели под влиянием остальных? Стараешься быть незаметным, растворённым в грязно-серой массе измятых шинелей…*». А размышляющий пленный – это уже не раб. И если он всё же умирает в условиях лагерной неволи, то умирает как несломленный духом человек, как воин, готовый при любой возможности взяться за оружие. Вот почему гитлеровцы опасались людей, подобных Александру Клейну.

Не будучи знакомым с трудами доктора Бёттельгейма, он мог бы подпи-

саться и под следующими его словами: «Чтобы выжить в нечеловеческих условиях подавления, нужна внутренняя сила. Такой человек не станет себя обманывать верой в то, что приспосабливаясь, он сможет выжить. Многое, внешне кажущееся защитой, в действительности приводит к распаду». Распад же личности – это путь к «добровольному умиранию». Вот почему для Александра такой путь был страшнее физической смерти. Он не раз вступался за честь пленных, защищал слабых и больных от побоев. За это ему доставалось от надзирателей, он приговаривался к расстрелу, его помещали в лагерную штрафную зону концлагеря совхоза «Коммунар» (Чудово) на верную гибель. Но и здесь он продолжал вести себя самым удивительным (по меркам обыденного сознания) образом: «*Подгоняемый плетьми, избитый, глотая струившуюся из носа кровь, я прошёл через множество огороженных проволокой каре к воротам, которые, как мне показалось с первого взгляда, выходили в поле. Это была отдельная, сравнительно большая зона, углом врезавшаяся в поле, за которым чернел лес. Зона находилась на краю лагеря и с трёх сторон её поднимались деревянные вышки с немецкими охранниками. Только низенькие срубы, выступавшие из снега на полметра, указывали на места бывших бараков. И внутри этих низеньких загородок толпилась вокруг тлеющих костров серая масса пленных.*

Я подошёл к одному. Никто не обратил на меня внимания. Вокруг были безразличные, утомлённые, ничего не выражавшие лица. Дико смотрели с них красные, слезящиеся, воспалённые глаза.

Греться у огня пришлось недолго. Выстрел с вышки оповестил, что нужно немедленно загасить костры или затемнить так, чтобы никакой отблеск огня не был виден: фрицы дико боялись налётов нашей авиации.

Не успели пленные прикрыть своими фигурами костёр, как по ним хлестнула пулемётная очередь. Вопли огласили «слепой барак».

Вполголоса мне объяснили. Что здесь каждую ночь творится такое… Штрафная зона… Говорили, что люди, пробывшие здесь две недели, слепли: дым выедал глаза. Поэтому барак называли «слепым». А самого барака давно нет: на дрова разобрали, как и соседний. Остатки стен занесло снегом… Раньше здесь был огромный свиносовхоз. То, что мы называем бараками – это всё свинарники. Теперь в них больше десяти тысяч пленных, если не двадцать.

Несмотря на едкий дым, ухитряемся дремать, опираясь на товарищей, или присаживаясь. Но лечь нельзя, можно только упасть… Время от времени трескали выстрелы с вышек. Опять кого-нибудь убивали или ранили. Иногда караульные стреляли по кучкам пленных от скуки… Раненые оставались на снегу до утра.

Утром нас стали выгонять на работу, подхлёстывая плётками. Но истощённые, измученные бессонными ночами, мы, надрываясь, еле-еле ухитря-

лись вчетвером тащить один мешок. Немцы ругались. Иногда возмущаясь «медлительностью ленивых русских», хватали палки и колотили кого попало, куда попало.

Вечер. Обратный путь в лагерь. У обочины всё чаще попадаются убитые пленные, и чем ближе к лагерю, тем больше валялось их у обочин, маленьких, скрюченных… А мы шли мимо, мимо, словно не замечая их…».

«Истощение, которому не могли препятствовать отдельные крохи подачек, холод, грязь – вся гнусная обстановка, я сознавал, притупили мои чувства, как и чувства моих товарищей. Чтобы не потерять остатки человеческого, я ночами у костра, задыхаясь от дыма, читал окружающим стихи и поэмы Пушкина и Лермонтова, задыхался. Но читал…».

Александр Клейн был самым обычным, внешне – совсем не героическим человеком. Он, как и все нормальные люди, хотел жить и испытывал страх перед фашистами. Но «жить» для него не значило «жить любой ценой», т.е. за счёт других. Наоборот, находясь даже в самых крайних обстоятельствах, он помогал выживать слабым, а будучи по призванию артистом, старался ещё и дарить окружающим радость, состояние надежды и веры в добро.

Несколько раз он пытался бежать из плена к партизанам, но всё неудачно, пока судьба не забросила его в деревню Вохоново под Гатчиной. Здесь в качестве переводчика он два года проработал в «штатсгуте» – государственном имении, созданном немцами на основе бывшего совхоза для обеспечения армии продовольствием. Наблюдения, связанные с взаимоотношениями вохоновских крестьян и немцев, составляют интереснейшую часть его книги «Дитя смерти».

Люди ждали освобождения, верили в победу Красной Армии. Мечтал об этом и Александр Клейн. Конечно, ему приходилось слышать о том, что все, кто побывал в плену, подвергаются особой проверке, но он был уверен, что перед Родиной чист: «*За что меня сажать? Да я наделал фрицам больше, чем тысячи наших листовок. И наших подбадриваю. Из Вохонова ни один при мне не вступил в «хиви» (добровольные помощники вермахта. – Авт.), ни в РОА (Русскую освободительную армию генерала Власова. – Авт.), никого не повесили, не расстреляли, не упекли к чёрту на рога, не посадили*».

Однако в СМЕРШе рассудили иначе. Путём жестоких избиений там добились от него «собственноручного признания» в том, что он вербовал наших людей во власовскую армию, что участвовал в немецкой пропаганде, что прислуживал фашистам. И, самое главное, – что «скрыл происхождение, чтобы спасти собственную шкуру» (!)

Его приговорили к расстрелу, заменённому затем двадцатью годами каторги, и в каком-то смысле его судьба была типична для судеб того времени – прежде всего, своей абсурдностью: «*Пробыть два года с половиной в плену неузнанным, убежать неузнанным, обдурить всех «знатоков» расовой тео-*

рии, не сменить своей формы, не уронить чести солдата, принести столько вреда врагу и пользы своим, никого не предать, не продать, не одного и не одну спасти – и за всё это получить «Высшую меру награды» – расстрел и клеймо «врага народа»!? Такое в мозгу не укладывалось».

Казалось бы, новое испытание должно было сломить дух этого человека. Но нет, он остался верен самому себе:

Забыв про голод и усталость,
Я после каторжного дня
Делился тем, чего хоть малость
Во мне осталось от меня.

И в пересказе книжки старой
Рождался грохот баррикад,
И кто-то всхлипывал на нарах,
А кто-то ахал невпопад,

И каждый видел ход подземный,
Которым, не жалея сил,
Герой, как я, от стен тюремных
Друзей к свободе уводил.

В ноябре 1955 года Александра Клейна освободили по амнистии, но только спустя одиннадцать лет он был полностью реабилитирован и восстановлен в правах. Ему вернули звание ветерана Великой Отечественной войны и положенные награды (главная – медаль «За оборону Ленинграда»). Местом жительства для него стала сначала Воркута, а затем – город Сыктывкар. Двенадцать тяжелейших лет заключения в ГУЛАГе не сломили его ничуть: актёр кукольного театра, театральный критик, педагог, кандидат искусствоведения, преподаватель сценической речи и мировой художественной культуры, поэт, автор детских книг и пьес. Он многое успел в жизни, а ушёл тихо 8 апреля 2009 года в Песах – праздник еврейской Пасхи...

Ушёл тихо... Но оставил нам бесценное сокровище – важнейший урок своей жизни, заключающийся в том, что никакая «жажда жизни», никакая «воля к жизни» ничем не может помочь человеку в экстремальных условиях, если она в то же время не укоренена в его чувстве любви к человеку, к Родине или к Богу. Этот наиважнейший опыт важен всем людям в любые времена.

Юрий Кожевин

ДВА ИМЕНИ НА КРУГЕ ВЕЧНОМ

Роман-биография

Предисловие

Роман-биография «Два имени на круге вечном» об Александре (Рафаиле) Соломоновиче Клейне, кандидате искусствоведения, писателе и артисте, участнике Великой Отечественной войны, родном человеке и Учителе, с которым мы дружили почти сорок лет, поднимает ввысь, в надмирное пространство свободы.

Повествование в романе ведётся от двух имён: Александра и Рафаила. Имя Александр, спасшее его в немецком плену, до конца жизни оставалось значимым в обращении.

В романе ярко представлены истории его встреч с известными военачальниками, музыкантами, актёрами, театральными педагогами, у которых он познавал профессию, стремился быть признанным в искусстве. Пережив смутное время сталинизма, потери и унижения, А. Клейн никогда не пытался отягощать прошлое трагическими мазками личных переживаний. Наоборот, в свойственной только ему манере, он с самоиронией относился к себе в этом неумном мире. Поэтому роман написан легко, несёт в себе некую комичность ситуаций и всё благодаря личности А.С. Клейна. В трагедии абсурда тех немыслимых лет «уничтожения» он являлся «пришельцем» с доброй планеты Разума.

Он обладал феноменальной памятью, знал наизусть десятки произведений классиков литературы. Как мастер сценической речи, великолепно исполнял их со сцены и учил этому будущих профессионалов. В книге нет ни одного надуманного эпизода. Все они накапливались и записывались мной на протяжении десятков лет.

«И только когда я умру, ты, Юра, попытаешься рассказать всем правду обо мне. Каким я был, не залакированным, а открытым для каждого доброго сердца», – повторял мой старший друг в последние годы жизни.

Надеюсь, современный читатель найдёт в романе необходимые для себя примеры из опыта жизни великого человека. Человека, который всегда мог достойно выйти из непредсказуемых ловушек судьбы, сохраняя при этом человеческое лицо и незапятнанную душу.

Глава I

Чёрные дрозды кружили над ржавой тундрой, выписывая иероглифы спелых радуг вокруг деревянных вышек многочисленных лагерей Воркуты. Шёл 1952 год.

В одном из бараков, столовой лагпункта шахты № 25, идёт спектакль. И вдруг, о, невиданное чудо! Шекспир, не в Уэльсе, а здесь, – на заполярном «острове» зла, где бесправие и жестокость, предательство и ненависть правят бесправными. Их здесь тысячи, сотни тысяч каторжан. От мозаики пёстрых латок с номерами рябит глаза. Словно зоопарк, невиданный в мире. На импровизированной сцене кипят шекспировские страсти. И вдруг, на подмостках, появляется он, любимец публики, принц Гамлет. И начинает звучать мудрый голос актёра. Голос правды, который указует путь в храм Свободы.

Это – Александр (Рафаил) Клейн (личный номер зэка Клейна – 2П-904). Его уважают как работягу. Любят за ум и высочайшее искусство пересказывать «романы» (на тюремном жаргоне «тискать ро́ман»). А назавтра опять. Решётки. Тундра. Прожектор. Собаки. Конвой. И так длится уже двенадцать из двадцати клеймёных сталинских лет.

Всё могло быть иначе. Мозаика разбитых проклятой войной, пленом, тюрьмой лет не складывается в чёткий рисунок судьбы сразу. Всё у него было «над …» – «надсадно», «надрывно», «надяростно»!

* * *

Вот июль 1941 года. Ленинград. Первые недели войны. Рафаил и его сокурсники из театрального института вместе идут на передовую ополченцами. Рафа определён в 3-й стрелковый полк 1-й Кировской дивизии Ленинграда. А уже осенью в одном из боёв полк попадает в окружение. Из окружения выходят по одному, по два – кто как может и как хочет. Контузия и плен!

– На, читай, – унтер протянул Александру небольшую бумажку с печатью.

«Военнопленного русского Александра за враждебную пропаганду расстрелять».

Внизу стояла подпись командира роты полевой жандармерии главнокомандования 16-й армии обер-лейтенанта Нимайера.

– Понял?

Александр кивнул.

– Сперва приказали повесить, но за тебя вступились и вот… Приказ есть приказ… Что будем делать?..

Так и стояли втроём переглядываясь: унтер, конвоир и он.

Наконец унтер-офицер заговорил:

– Ты – дитя смерти («кинд дес тодес»). Научись молчать. Понял?

Александр ждал, что будет дальше.

– Ладно, пошли, – унтер указал в сторону шоссе.

Той машины, на которой везли на расстрел Александра, за поворотом видно не было. Конвоиры начали «голосовать», пытаясь остановить мчавшиеся грузовики. Вскоре один из них остановился, и конвоиры начали шептаться с водителем. Александру предложили залезть в кузов. Дорога лежала в соседний лагерь для советских военнопленных.

* * *

«3-й Дзержинский стрелковый полк 1-й Кировской дивизии Ленинградской армии народного ополчения был сформирован из трудящихся Дзержинского района Дзержинским райвоенкоматом 3-9 июля 1941 года, а отправлен на фронт 10 июля 1941 года.

Совместно с кадровыми войсками Советской Армии он участвовал в защите Ленинграда на дальних подступах к нему (Лужский рубеж обороны, июль-август 1941 года) и на ближних (Сестрорецк-Белоостров, сентябрь-ноябрь 1941 года), а также на Волховском фронте»

Официальный документ всегда сухо передаёт факты, свершившейся истории без эмоций и психологизмов. В числе первых ополченцев Рафаил и его институтские друзья были определены в один взвод.

В середине августа 41-го немцы бомбили от зари до темна. Как тараканы при дезинфекции, ополченцы ползали по заваленным ходам сообщения своих окопов и не в том направлении, откуда появлялся противник. Товарищ по институту Матвей Сергеев, который полз за Рафаилом, совсем было растерялся. Он был старше Рафы.

– Рафа, давай махнём к немцам! Говорят, с пленными они обращаются по-доброму, – заскулил на ухо Рафаилу Сергеев.

– Мотя! Ты обалдел! Это же предательство! Как ты можешь? Терпи! – песок вперемешку с камнями глины осыпался на голову Рафаила.

Неприятное ощущение земли за шиворотом вызвало у него отвращение.

– Много ты понимаешь! Салага, – Мотя продолжал ползти дальше.

Впереди виднелся полуразрушенный дзот.

– Забудь, что ты сказал. Я буду молчать. Ползи! – Рафа приблизился к дзоту.

– Я больше не могу! Ты как хочешь! – Матвей сквозь артобстрел пытался перекричать и заглушить реальный голос войны.

Но Рафаил, свернувшись калачиком, крепко заснул. Он уже находился далеко-далеко от разрывов и бомб. Видел себя совсем маленьким, когда в самарские морозы из печных труб домов стройными рядами поднимался

дым, пронизанный январским солнцем. Лёгкие, узорчатые столбы медленно танцевали, пытаясь дотянуться до неба. Он, как заворожённый, глядел на это чудо и рисовал в воображении сказочные, запредельные картины. Радужные горы, дворцовые залы великанов…

– Вставай! Живо – на построение! – голос приказал Рафаилу возвратиться в действительность.

Рафа открыл глаза. Его, уже совсем малочисленная, рота строилась в ходах сообщения.

Лейтенант Чадов сделал перекличку.

– Кто видел рядового Сергеева?

Все молчали. Вопрос повторили.

– Наверное, погиб, – из темноты донеслась чья-то догадка.

Немногочисленный отряд, сквозь молочный туман двинулся в темноте к речке, потом к лесу. Бой завязался у переправы. На другой берег реки, не занятый врагом, раньше всех успели перебраться начальники. Только один лейтенант оставался вместе с солдатами на вражеской стороне.

После боя немцы опять замкнули кольцо. Молодой командир собрал вокруг себя человек двести из разных подразделений. Плутали суток девять. Прорвавшись с боями через две шоссейные дороги и одну железную, всё надеялись: близко свои. Но фронт отодвигался всё дальше и дальше.

И тут лейтенант заявил:

– Всё, больше пробиться не сможем, надо выходить по одному!

Рафаил возразил:

– Товарищ лейтенант, как это – не сможем?.. Мы уже не раз пробивались через немецкие заслоны. Обходили… Сумеем.

Младший политрук Фадеев резко прикрикнул:

– Молчать! Сосунок! Сказал командир: уходим по одному, значит, так и будет! – он подошёл к лейтенанту, и они вдвоём пошли в лес, быстро удаляясь вглубь.

Рафаил обратился к двум товарищам, стоявшим рядом:

– Ребята, вы чего? Обалдели? У нас же ни карт, ни компаса. Айда за ними, – перескакивая болотные кочки, Рафаил побежал за быстро исчезающими фигурами командиров.

Неожиданно политрук остановился и навёл наган на Рафаила.

– Только двинься за нами – пристрелю!

– Всё по-дурацки на этой войне! Мужики! Давайте думать, где можно достать еды…

Тусклые ответы посыпались в адрес Рафаила, как будто он виновен в провале и катаклизме военных действий. Кто-то из них злобно рыкнул:

– Да иди ты! Командир! Вечно всех баламутишь! Сами, каждый за себя, будем выживать!

– Точно! Пошли! Кто куда хочет. Как Иванушка в сказке, га-га-га.

Рафаил молчал. Он понимал, что психология вооружённой озлобленной толпы бывает непредсказуема.

Подняв свой изорвавшийся подсумок и тощий вещмешок, Рафаил двинулся в неизвестность.

* * *

Киев. Двадцатые годы двадцатого века. Недавно закончилась Гражданская война. Борис Ильич тогда заведовал кафедрой микробиологии во втором Киевском мединституте и сывороточным отделением бактериологического института. Вёл огромную научную работу, а дома имел частную химико-бактериологическую лабораторию. Во всех мединститутах и сегодня изучают труды Б.И. Клейна. «Мой старик» – ласково называл Рафаил родного человека, заменившего рано ушедших из жизни отца и мать.

Дина Яковлевна, мама, ещё в Гражданскую войну служила врачом санитарного поезда у легендарного командарма Михаила Фрунзе. Лечебное дело изучала в Бернском университете (Швейцария). Её братья, белогвардейские офицеры, гордились красавицей-сестрой, но содрогались при одной мысли, что она из «красных». Отец, Соломон Ильич, был известным профессором медицины. Жили в Самаре.

Но в конце 20-х родители погибли почти в одночасье! Чем не шекспировская драма?

Столица Украины… В доме на углу Большой Житомирской и Стрелецкой живут семьи врачей, профессоров, строителей. Маленький Рафаил сегодня нападающий дворовой футбольной команды.

– Рафа, так нечестно! Ты рукой держишь мяч! – отчаянно кричит Жорик, внук известного кардиолога С.Ф. Тартаковского.

– Не рукой! А прижимаю коленом! Это не считается! – огрызается разгорячённый Рафа

Их футбольное поле необычно располагается на плоской крыше дома. Пас влево… и мяч летит вниз, прямо с крыши, в подковообразный двор.

– Рафа! Бей нижним пасом!

Вратарь Жорик, боясь упасть на бетонную крышу, спотыкается… падает… Разбит нос… Вой! Игра окончена.

Рёв Жорика, словно сирена, будоражит весь двор. Несостоявшиеся чемпионы в отчаянье. Матч прерван. И, как всегда, последствия горе-игры: в открытых окнах то тут, то там появляются родители, бабушки, няньки, и в один голос кричат: «Домой!!!». Но его никто не зовёт.

Рафа, минуя чердачную лестницу, первым оказывается возле дверей родной пятикомнатной квартиры. Дядя Борис, заядлый холостяк, учёный с ми-

ровым именем, не особо усердствовал в детской педагогике. На все шалости Рафы всегда была заготовлена одна-единственная фраза:

– Только замечу, что ты нарушил дисциплину, отправлю назад, в Самару.

После смерти родителей в Самаре оставались ещё другие родственники, и Рафа не очень хотел туда возвращаться.

– А теперь, милый друг, читать! – Борис Ильич резко поворачивается и быстро уходит в кабинет-лабораторию.

А Рафаилу, как в наказание, необходимо срочно идти в соседнюю залу, где располагалась библиотека раритетных изданий семьи Клейн.

Вся квартира была заставлена высокими книжными шкафами. Не было ковров, дорогой мебели, фарфора. Лишь… стеклянные небоскрёбы мыслей! Только книги, книги, книги! Они, казалось, всюду и везде: бумажная пыль прошлых времён не поддавалась уборке. Ещё дедушка Рафы, Илья Борисович, учитель местной школы собирал её по книжным развалам, обменивал на продукты, одежду.

Здесь Пушкин, Лев Толстой, Гюго, Шекспир, Шиллер, научные книги Брема, Фабра Камилла Фламмариона. Рафа живёт в чудесном городе великих гениев. Вот книги с автографами Брюсова, Блока, Бунина, Горького. Самые ценные экземпляры. Они всегда под замком. Ключ от этого шкафчика хранится в лаборатории дяди Бориса. Но Рафа знает это потаённое место. Никелированный медицинский бикс для дезинфекции мединструментов. Здесь лежат пожелтевшие письма, а в зелёном плотном конверте – маленький серебряный ключик. Сегодня до вечера необходимо выучить балладу Гейне «Два брата» и перед сном наизусть прочитать дяде на языке оригинала – немецком. Затем «Перчатку» Шиллера и, обязательно, Пушкина.

Борис Ильич свободно владел восемнадцатью языками. Рафаил пока знал лишь немецкий и французский, до дяди ещё шагать и шагать. А ритуал вечернего чтения повторялся изо дня в день. Рафа, уже на уровне рефлекса тянулся к книгам. Перелистывал древние страницы и в полный голос повторял и повторял любимые строки:

Перед своим зверинцем
Король сидел
С бароном, с наследным принцем
На поприще сраженья ожидая…

* * *

За три дня до прибытия в пересыльный лагерь всех построили и предложили выйти вперёд комиссарам, политрукам, евреям и цыганам. На оккупационных территориях Ленинградской области всюду висели объявления:

«За укрывательство красноармейцев – расстрел», «За укрывательство политработников и евреев – казнь через повешение». Местное население было напугано.

Сутки тому назад Рафаил ещё был свободным, а теперь бесправный пленный – Александр. Да ещё какой! Если кому-то покажется, что ты похож на еврея – всё!

В загоне для пленных, в Любани располагался пересыльный пункт лагеря военнопленных. Внутри этого квадрата яблоку негде было упасть. Посреди толкучки шёл бойкий обмен. Меняли кирзовые сапоги на ботинки с добавлением махорки или жмыха, портянки на ножичек и так далее. Один «продавец» охотно уступил Александру шинель за несколько пачек махорки и десяток печёных картофелин.

Саша тут же нарядился в шинель и теперь уже ничем не отличался от остальной массы. Он судорожно искал знакомые лица однополчан, но никого не было.

* * *

– Шнель! Бистра, бистра!

Пленных набили, как дрова, в грузовики. Подгоняли прикладами.

Через час – выгрузка.

Вдруг немцы заметили, что пол грузовика мокрый. Многие, ослабленные голодом, мочились. В страшной тесноте грузовика пленные, прижатые друг к другу, лежали рядом на полу и мочились под себя. Лица конвоиров исказились злобой, и они заставили шинелями вытирать полы грузовиков.

Ночь. Мокрый снег. Пронизывающий ветер. Выстраивают на обочине. Все дрожат от холода. Многие опять мочатся прямо в брюки. Над пленными стоит облачко вонючего пара.

Кого-то потеряли. Который раз пересчитывают. Наконец, нашли?.. Из грузовика сбросили два трупа. Из рядов выхватывают несколько человек. Вручают лопаты, торопят: «Лёс, лёс, бистра!»

Закопали. Построили по три и погнали бегом в сторону развалившегося складского типа здания у железнодорожной насыпи. Дрожа, в безнадёжно мокрых шинелях пленные прижимаются друг к дружке.

Рафа беспрерывно повторяет своё новое имя: «Я – Александр Ксенин». Он еврей, его не узнали… Пока…

Спасение – документы убитого русского солдата, которые нашёл, выходя из окружения под Лугой. В документы он вклеил свою фотографию и исправил фамилию на придуманный псевдоним – Ксенин. Оставил только имя убитого солдата. Имя, спасшее жизнь.

* * *

Это всё будет потом. А пока наступила чудесная пора окончания школы. На праздничной линейке звучат слова учителей о том, что только Коммунистическая партия и вождь всех народов товарищ Сталин «указуют каждому верный и выверенный в жизни путь!»

Рафаил Клейн невнимательно слушает трафаретные цитаты партийных лозунгов из уст педагогов. Жаль, что среди них нет и никогда больше не будет классного руководителя, отличного математика, «человека-энциклопедии», как его называли ученики, – Александра Ивановича Финицкого.

Однажды, на уроке, он сказал:

– Если завтра я не приду, чтобы вы хорошо занимались! Не воспринимайте жизнь слишком серьёзно, всё равно живым из неё никто не выходил.

Назавтра и послезавтра он так и не появился. Только через несколько дней, в газете, в рубрике «Прокуратура СССР», школьники прочитали в «расстрельном списке» его фамилию.

За что? Почему?

Сына учителя тоже расстреляли. Рафа знал ещё с детства, о чём можно говорить, о чём нельзя…

Он с трудом пытался сплести воедино нити судеб, идей, но получался лишь спутанный клубок из обрывков потрёпанных линий.

– Он (Сталин) правдивый отец! Всех нас направит… устремит… победит… – вбивали, как гвозди, учителя в головы молодых «вечные» партшаблоны.

В голове Рафы вдруг мелькнула своеобычная «крамольная» мысль:

– Сталин мне не указ!

Неужели Иосиф Виссарионович научит Рафу актёрскому мастерству? Нет! Он самостоятельно пробьётся и станет известным артистом. Решено окончательно!

Последний звонок включил Рафаила в действительность. В потоке белых фартуков девчонок, бантов и цветов, мальчишки-выпускники выглядят беспечными. Они стремительно сбегают по школьной лестнице вниз, на проспект. Запах лип будоражит юношеское воображение вразлёт.

* * *

Дядя Арон, родной брат мамы Рафаила Клейна, был известным врачом в Куйбышеве. Рафаил стал для него третьим сыном. Два сына от первого брака жили не с родной матерью, а с отцом.

Арон Яковлевич как-то вызвал Рафу на откровенный разговор в центральную поликлинику, где он был главным врачом. Рафаил не понимал: почему

в поликлинику, да ещё в рабочее время?

Поднявшись по каменной лестнице на второй этаж, увидел множество людей, которые ожидали свою очередь в кабинет к Арону Яковлевичу, Рафа взглянул на часы, висевшие перед кабинетом: рабочее время заканчивалось, а людей всё не убывало. Через пять минут из кабинета выглянула медсестра:

– Рафаил Клейн! Вас к врачу! – толпа стала возмущаться.

Рафа быстро протиснулся к дверям и постучал.

– Рафа, входи! Время дорого! – услышал он родной голос.

Дядя Арон выглядел непривычно – величественно и уверенно. Рафаил не привык видеть его таким белоснежно-нарядным.

– Ну, сынок, присаживайся!

– Дядя Арон, я же здоров?! – возмутился племянник.

– Ну и благо! Послушай меня внимательно. Через полгода определиться твоя будущая профессия. Актёрство – мгновение на ловца! А врач – помощь болящему, и постоянно.

– Но-о-о, я же не очень хочу… – дядя прервал Рафаила:

– В нашем роду все врачи, а как же ты?.. Оставишь семейную династию без продолжения?! Решайся! А сейчас надевай-ка халат, для виду возьми ручку и бумагу, как будто ты что-то записываешь. Ну, готов?

– Готов. Чего ж не сыграть профессора Клейна?!

– Главное – входи во вкус профессии. Галина Николаевна, – обратился дядя к медсестре, – Зовите пока мужчин.

В кабинет вошёл пожилой мужчина. Арон Яковлевич попросил его снять одежду по пояс. Старик стал медленно возиться с пуговицами, застёжками…

– Коллега, – серьёзно обратился он к Рафе, – помогите пациенту.

Рафаил подскочил к старику и стал высвобождать больного от нательных рубах и прочих одёжек.

– Готово! Отчеканил ассистент врача.

– Руки! – как промежду прочим продолжил дядя Арон и указал ему на рукомойник. Рафаил пытался выполнять всё быстро и чётко, по-медицински правильно. Вдруг его взгляд остановился на иссечённом теле пациента. Плечи, грудь, спина были в высохших коричнево-чёрных ранах. Старик заметил цепкий взгляд Рафы:

– Гражданская. Пули разрывные. Моложе был ничего, а теперь… маюсь, товарищ доктор.

– Да, конечно, – Рафаил опустил взгляд и стал якобы писать.

Он писал строки из пушкинской лирики. Старик-пациент надрывно закашлял. Арон Яковлевич продиктовал медсестре названия микстур и лекарств, а Рафу попросил вновь помочь деду одеться.

Приём длился ещё часа полтора. Кто-то заходил выписать рецепт, кто-то долго жаловался на ноющие боли в спине, кто-то обижался на то, что его

болезни медики не принимают всерьёз, и так далее. Когда всё закончилось, Рафаил неожиданно ощутил в себе непонятную энергетику тяжести и внутренней боли. Он, эмоциональный от природы, понимал, что уж очень вошёл в образ больного и сострадающего. Ему казалось, что все болезни прошли сквозь него, и осталась одна опустошённость и боль.

– Ну, Рафа, доволен?! – ободряюще спросил его дядя Арон, – Быть тебе Гиппократом.

– Я огорчу Вас, – Рафаил сделал паузу, – никогда не смогу быть таким, как Вы.

– Не понял… Я и пригласил тебя, чтобы врачевание ты увидел изнутри. Затем учёба всю жизнь, практика, опыт…

Рафаил пытался остановить словесные убеждения Арона Яковлевича.

– Я решил, что театр – это что-то близкое к медицине. Буду лечить души людей своим искусством. Они тоже болеют, и очень в этом нуждаются.

– Не спорю, Рафа. Это так! Жаль, что ты не приемлешь генное мастерство, а уходишь в далёкое «облако души»! – дядя Арон направился в вестибюль.

Рафаил, недолго думая, решительно догнал его:

– Дядя Арон, не обижайтесь! Уж мои дети обязательно станут врачами, а я… и так… обойдусь лишь театром и первичными навыками медицинской доврачебной помощи. Вы же учили меня.

– Будем надеяться! – дядя Арон громко засмеялся, – Ишь ты, хватил! Его дети?! Сам ещё дитя!

* * *

Лето 1939 года в Москве было яростно жарким. Выйдя с Киевского вокзала, Рафаил решил действовать сразу. Ещё в вагоне поезда надел новый твидовый костюм. Рафа – артист! Ему покорится Москва театральная.

Здание ГИТИСа переполнено страждущими. Сегодня прослушивание проводит «сам» Леонид Леонидов, а в Малом театре – Зубов. Аудитории множатся будущими «звёздами» сцены. И вот, он в центре внимания. Читает монологи Барона («Скупой рыцарь»), Чацкого, Фердинанда, Отелло. В комиссии переглядываются, перед ними будущий «премьер». Но… группа уже набрана. Леонидов что-то быстро пишет на обрывке бумаги.

– Срочно найдите Москвина. И не огорчайтесь. Вы почти состоялись.

Рафа не знал: то ли плакать, то ли радоваться. На листочке чётким убористым почерком – адрес великого Ивана Михайловича Москвина.

И вот он возле огромного нового дома на улице Немировича-Данченко. Время тянется, переливается в пустоту. Сверху, со стороны улицы Горького

начал спускаться Он, знакомый по спектаклям, по фильмам и портретам.

Когда Москвин приблизился к своему подъезду, Рафа подбежал к нему и выпалил:

– Вы Иван Михайлович Москвин?

Он глянул чуть поверх очков и от «пылкого» вопроса несколько опешил.

– Да, я.

Рафа молитвенно прижал руки к груди:

– Прошу вас… очень прошу… Прослушайте меня, я… хочу работать в театре… я сделал выбор… Очень прошу…

Москвин задумчиво посмотрел; потом опустил голову, потом поднял: «Сегодня в пять часов вечера позвоните мне. Запишите номер телефона…» – и вошёл в подъезд…

* * *

Москвина удивило, что кучерявый красавец с великолепным драматическим баритоном так много знает наизусть. А исполнение диалогов за обоих персонажей привело его в неописуемый восторг:

– Рафаил, ты молодец! Но послушай, как надо читать.

Сидя в кресле, Москвин стал читать монолог Чацкого, Скупого, басни. Чуть заметным движением головы, взглядом, паузой дополнял мысль, которую так чётко доносила речь.

По окончании мини-спектакля Москвин предложил Рафе чай с молоком и сушки с мёдом. В доме великого актёра он провёл весь вечер.

Они пили чай, вдруг Иван Михайлович сокрушённо сказал:

– Ну как же Леонид Миронович мог вас не взять? Он, вероятно, невнимательно слушал.

– Да, может это и не судьба, – Рафа пытался искать оправдание.

– А не попытать ли вам счастье в Ленинграде? Там сейчас открыли Театральный институт. Кстати, вы давно носите этот костюм?

– Впервые надел вчера.

– Снимите его на прослушивании. Вы к нему не привыкли. Он будет мешать.

Рафаил тогда не понимал слов патриарха сцены.

– До свидания, Иван Михайлович! Спасибо за урок!

Рафаил, сбегая по лестнице, летел. Он будто переродился заново. Всё внутри обретало гигантские размеры и объёмы.

На Ленинградском вокзале, к кассам, толпились безумные очереди. Но для Рафы все люди в тот миг казались добрыми, открытыми счастью и взаимной выручке. Наступало время творить.

* * *

Шла к концу третья неделя пребывания Александра в плену. В этот день их построили и повели к центру.

Грязно-серая вереница пленных медленно тянулась мимо складских помещений возле железной дороги.

Завернув в боковую улицу, подошли к большому деревянному бараку. Бывших красноармейцев построили. Длинный как жердь фельдфебель вышел на крылечко: «Есть ли тут жиди или цигайнер?»

Кто-то из рядов за всех ответил: «Нету. Кто был, тех давно расстреляли».

– Крош, – одобрил фельдфебель, – Но ми будим смотреч.

В Александре всё замерло. Казалось, часы жизни отсчитывали последние минуты. Саша понимал: рано или поздно, это должно было случиться. Он «обрезной» – это древняя религиозная еврейская традиция.

Всех загнали в большое помещение; оно сразу стало тесным, когда его заполнили двести с лишним человек. В огромном предбаннике было несколько дверей. Одна вела в моечную, другая, в дальнем конце бани, – в комнатку, где за столом сидел санитар-фельдфебель. Войдя, пленные должны были раздеться догола, подойти к фельдфебелю. Он, убедившись, что перед ним не еврей, давал железный жетон, вроде номерка в гардеробе. Вещи отправляли в «прожарку», в дезинфекционную камеру.

Александр судорожно соображал: «Как быть?.. Что делать?..» Что-то следовало предпринять – и срочно.

Рядом с Сашей оказался пожилой пленный, уже прошедший осмотр. У него была куча одежды, и он с ней завозился. В тот момент, когда старик повернулся спиной, Александр заметил среди его одежды жетон, незаметно взял его и направился к моечной.

– Мать твою так – выругался пожилой, – Где он?!

Саша получил шайку и быстро побежал в мойку. Сопровождавший пленных унтер бросил фельдфебелю: «Я же тебе говорил, что жидов у нас нет. Мог и не осматривать».

Через годы Рафаил понял, что таких, как он – единицы. Как могло такое случиться? Еврей выжил в немецком плену, ушёл незамеченным, непобеждённым. За весь свой народ!

* * *

«В Большой Драматический Театр идёт набор во вспомогательный состав». Рафаил читал объявление и не верил. В Москве уже закрыты двери всех театров, а здесь только набор начинается.

Борис Андреевич Бабочкин, бессмертный Чапаев, был любим всеми со-

ветскими кинозрителями. Он герой! Он – Чапаев! Сегодня набирает студию будущих актёров БДТ.

Бабочкин был очень внимателен. Рафаил для экзаменов сменил репертуар. Борис Андреевич, выслушав Рафаила, прервал выступление:

– Молодец! Актёрище! А голос! Вы зачислены в труппу.

Рафаил знал, что ему предстоит назавтра пройти ещё один экзамен, но уже в театральный институт. На Моховой, 34.

Сам Леонид Сергеевич Вивьен набирал новый курс. Известный режиссёр, профессор, народный артист СССР, педагог, воспитавший блистательных актёров Н. Симонова, В. Меркурьева, Ю. Толубеева и десятки других. Сегодня он по-особому прослушивал новых, молодых ребят, решивших посвятить себя театру. Сколько возможностей и невозможностей сколько…

Конкурс среди поступавших был огромен, как никогда.

Рафа волновался; сжимая и разжимая руки, пытался растереть свои ладони. Он где-то читал, что это снимает волнение. Наконец, аудитория. И… Свет! Высокий, на редкость красивый мужчина стоит возле окна.

– Ну-с, молодой человек. Чем порадуете Мельпомену?

Рафаил, собравшись в комок, вдруг выпалил:

– Радостью – жить!

– Ну-ну, живите!

И он начал читать. Советы и мастер-класс Москвина помогли.

Леонид Сергеевич прервал чтение Рафы и неожиданно направил вопрос секретарю приёмной комиссии:

– Почему мы должны принимать обязательно двадцать студентов, если в этом году перспективных, стоящих оказалось только двенадцать?

– Но вы же знаете, что идёт «орабочивание» театра. Нам необходимы люди из трудового народа.

Рафаил как бы отключился. Не понимал, что происходит вокруг. Бурлят непонятные страсти?

Леонид Сергеевич быстро перевёл разговор:

– Молодой человек, вы зачислены ко мне. Поздравляю!

Рафа, не помня себя, вылетел из аудитории. Он принят! Актёр! То, к чему шёл, состоялось!

«Вивьен, какое лёгкое слово? Летящее, устремлённое к недостижимому. Это был сам Вивьен «де Шатобренъ»! Человек из поры мазурок», – Рафа переплетал в мыслях образ творца, впервые сказавшего его таланту «Да»!

* * *

Кухонный рабочий бил плёткой лежащего на скамье пленного. Саша вырвал у него нагайку: «Как ты можешь?!». Тут из глубины кухни выступил,

незамеченный Александром, фельдфебель Никиш:

– Ты какое право имеешь отменять приказ немецкого фельдфебеля?! Ты что?.. Хочешь получить остаток на своей спине?!

Лежавший на скамейке молодой парень тихо скулил. Обвиняли бедолагу в одном: он пытался незаметно стать второй раз в очередь за баландой. Но раздатчик его приметил и указал Никишу. Тот сразу распорядился «всыпать двадцать пять»

Полицейских рядом не оказалось, и Никиш вручил свою плётку кухонному рабочему.

– Хочешь получить остаток на своей спине?! – повторил Никиш.

– Не хочу, но… воля ваша, господин фельдфебель.

– Ложись!

Саша задрал гимнастёрку и лёг на живот, положив голову на скрещенные руки и прикусил зубами тыльную сторону ладони. Последовали удары. Никиш приговаривал:

– Ты слишком много себе позволяешь, Алекс. Мне кажется, ты настроен враждебно…

Удары не прекращались. Саша молчал.

– Нох! Нох![1]

С кухни доносился знакомый запах баланды.

Недавно немцам-фронтовикам доставили вагон кровяной колбасы в жестяных банках. Все банки почему-то вздулись и немецкие врачи опасались, что консервы испорчены и поэтому их решили скормить пленным. Кровяная колбаса пошла в баланду и недели две служила поддержкой раненым. Немцы решили, что у русских «лужёные желудки».

– Генуг![2]

Александр поднялся. Скамья была в крови. Клавиши мыслей невольно возвращали к случившемуся: «Я в плену!.. Где наши? Почему среди выходящих из окружения так мало было командиров?»

И многие военнопленные убеждались, что те, которые твердили об измене, правы: их предали. Где сила, которая так блистала на парадах, славилась в песнях? Их «Могучий удар» в 41-м был провален!

* * *

Иона Эммануилович Якир, известный военачальник времён Гражданской войны, в середине тридцатых годов был командующим Киевского военного округа. Он часто по медицинским вопросам обращался к дяде Борису.

Как-то возле дома Рафаила остановилась широкая открытая машина. В ней остались шофёр и адъютант, а вышли Губергриц и Якир. Последний

1 «Ещё! Ещё!» - нем.

2 «Хватит» - нем.

чуть прихрамывал. Когда они скрылись в подъезде, Рафа помчался во двор, через чёрный ход вошёл в квартиру. У них в доме настоящий герой – красный командир. Рафа с бьющимся сердцем отворил дверь в приёмную. Ему очень хотелось приблизиться к человеку-легенде. Герою. Командующий, увидев взволнованного Рафаила, спросил дядю:

– Это ваш сын?

– Племянник, сын погибшего брата, – как обычно ответил дядя. Эта фраза звучала как должное, не терпящее пояснений.

– Ну, как же ты учишься, солдат?

Рафа растерялся. Миндалевидные бархатные глаза Якира смотрели на него с какой-то любовью и теплотой.

– Учусь на «отлично»! – попытался по-военному отчеканить Рафаил.

Командарм засмеялся.

– Ну-ну, молодец! Вот мой сын не очень старается. А ты такой громкоголосый – быть тебе командиром.

На другой день, в школе, Рафа рассказывал мальчишкам о том, что сам Якир назначил его командиром! Никто, конечно, не верил фантазёру, но слушали с интересом.

* * *

Для Рафаила навсегда запомнился сентябрь 1928 года.

Дядя Борис вернулся в тот день очень расстроенным. На обычные приветствия Рафы пытался не отвечать. Сока мгновенно догадалась: что-то произошло. Сняв пальто, Борис Ильич прошёл в кабинет, Сока последовала за ним. Рафаил наблюдал со стороны за сценой, и вдруг какое-то щемящее чувство тоски «придавило» его сердце.

Наконец, родной голос окликнул его. Рафаил в одно мгновение уже сидел на коленях профессора. Дядя начал издалека.

– Рафаил, ты уже взрослый. Хочу рассказать тебе одну страшную историю…

Рафаил заслушивался, когда дядя рассказывал ему различные мифы, легенды.

– С твоим папой произошло самое ужасное…

Борис Ильич выдержал паузу.

– Он, как всегда, пошёл на приём к больному домой. И… спускаясь на лифте, сорвался в шахту. Металл всмятку, а Соломон… погиб. Ты теперь один. Без родителей. Вот такое горе...

Борис Ильич замолчал. Он задумался о чём-то своём. Вдруг Рафаил, словно после озарения, тихо спросил его:

– Теперь мы вдвоём? А как же мне без мамы и папы? Я теперь сирота, что ли?..

– Да, мы будем вдвоём. А мама и папа встретились на небе. Человек умирает, но потом рождается вновь.

– Как это рождается? Я стану большим, а они ещё будут маленькими? Это нечестно.

– Рафаил, иди, пожалуйста, к Соке. Она всё объяснит, – дядя отрешённо отвернулся.

Неожиданно для себя Рафаил заплакал. Ему показалось, что где-то высоко в небе сейчас шагают его маленькие родители. Они бредут по горам-облакам и никак не могут преодолеть вершину. А он внизу, совсем один, плачет оттого, что не может помочь.

Сока прижала Рафаила к себе и тихо зарыдала. Рафа не любил с детства, когда плакали женщины. Он начинал злиться.

– Сока, перестань! Они живы, только ещё очень маленькие. Когда я вырасту, то буду их воспитывать. А пока, они спят! Не шуми!

Удивлённая от услышанного, Сока вдруг замолчала.

– Рафа, пошли на кухню. Чего-нибудь поедим.

– Сока, что-то не хочется. Я пойду лучше читать.

Повторяя все действия Бориса Ильича, Рафа осторожно прикрыл дверь в свою комнату.

* * *

Офицер говорил тихо, комендант громко переводил:

– Военнопленные! Вчера в проволоке вокруг вашей зоны обнаружили дыру. А под ней в снегу – следы сапог. Кто-то посмел убежать. Никто из вас не предупредил немецкую охрану о побеге.

По законам военного времени, за побег одного отвечают все его товарищи. Я считаю до десяти – если никто не признается, мы будем расстреливать каждого десятого из вас. Поняли? Я считаю…

Никто не вышел. Над головами повисла судорожная тишина. По знаку офицера к правому флангу шеренги быстро подошёл обер-офицер. Нижнюю часть его лица до самых глаз закрывало чёрное кашне. Из-под надвинутой на брови пилотки сверлили чёрные злые глаза.

Тыча каждого кулаком в грудь, он считал: «Один, два, три… девять, десять! – и за отворот шинели выдёргивал десятого, – Цейн шрит фор![3]

– Хаклеген![4] – приказывал шедший за счётчиком ефрейтор и толкал выхваченного из рядов лицом в снег.

Каждый напряжённо вслушивался в счёт: «Айнс… цвай… драй… фир… фюнф… зибен… ахт… нойн… цейн!» – снова пленный бухался лицом в снег.

– Айн, цвай, драй, – в лицо Александру пахнуло запахом спирта.

3 «Десять шагов вперёд!» - нем.

4 «Ложиться!» - нем.

Он оказался третьим. Смерть обминула… И где-то, уже за порогом сознания напомнила о себе: «Цейн!»

На снегу, не чувствуя холода, лежали шестнадцать человек.

– Можно мне?! – вырвался из шеренги надтреснутый голос

– В чём дело?

– Разрешите, господин офицер, я лягу вместо моего земляка, – попросил пожилой морщинистый пленный с добрым измученным лицом, – он молодой. А мне… разрешите…

Присутствующие переглянулись. Пленный снял пилотку и поклонился офицеру, просительно приложив руку к груди.

– Что ж, – хмыкнул офицер и повернулся к своей свите, – пожалуй, можно разрешить. Ложись на его место, – заключил он, обращаясь к пожилому.

– Спасибо.

Молоденький встал в строй, обнявшись со своим спасителем. Офицер скомандовал – несколько немецких солдат, выхватив пистолеты, подскочили к лежащим.

Александр не мог отвести взгляд. «Секунда решает жизнь. Был ты и нет! Уже никогда!»

Обер-ефрейтор, на всякий случай, обошёл ряд лежащих. Разрядил пистолет в голову одного.

– Пусть это послужит для вас уроком, – провозгласил Нелюдь.

Глава II

Витовт Казимирович Путна по роковому стечению судьбы жил в квартире под номером 37 в доме недалеко от киевского цирка. Его сын, Альгис, был одноклассником Рафаила. Носил всегда широкие штаны типа галифе, приспособленные для верховой езды.

Учился он плохо, Рафа помогал ему писать сочинения, решал уравнения. Они дружили всегда.

Комкор Путна как советский военачальник часто бывал в длительных командировках, и как военный атташе – служил в Японии, Финляндии, Германии, Великобритании. При очередных приездах в Киев сыну часто повторял:

– Держись Рафаила, он тебе поможет школу закончить. Учись!

Рафа пытался защищать друга:

– Да, он и сам может. Если, правда, немного подсказать.

Но однажды, в июне 1937-го, Рафа, как всегда, прибежал к Путне. В квартире происходило необъяснимое. Всюду валялись вещи, посуда, книги.

– Отца арестовали! Он враг народа! Что нам делать?.. – услышал он голос Альгиса из глубины коридора.

Рафа понимал, что к списку известных военачальников Советского Союза

М.Н. Тухачевскому, И.П. Уборевичу, А.И. Корку, Я.Б. Гамарнику, Р.П. Эйдеману, Б.М. Фельдману, В.М. Примакову прибавилось ещё одно – имя В.К. Путны. Все они специальным судебным решением Верховного Суда СССР были приговорены в 1937 году к смертной казни.

– Неужели такие военные могли изменять стране?

Альгис подал Рафе стопку перевязанных книг.

– Они мне уже не нужны. А тебе ещё пригодятся!

Больше они никогда уже не встречались.

* * *

Когда Александра захватили в плен, никто даже не поинтересовался, есть ли у него оружие и где оно…

– Цум лейтенант! – прибежавший солдат махнул рукой и пристроился позади, держа руку на кобуре.

Пистолеты они носили с левой стороны.

– Шнель![5] – Он привёл Александра к маленькому домику за сараем.

Через минуту появился денщик:

– Херойн![6]

Когда Александр вошёл, лейтенант как-то странно скривился, словно у него болел живот, и, придвинув скамейку к столу, сел. При входе пленный Александр стал по команде «смирно». Офицер не обратил на это внимания, махнул рукой: «Хайль!»

– Вы просили передать мне свои часы?

– Так точно.

– Почему?

– А зачем они мне? Моя песенка спета. Пусть же они достанутся тому, кто честно взял меня в плен.

Офицер помолчал, раздумывая.

– Война есть война, – вздохнул он.

– Конечно.

Он опять уставился на пленного:

– Сколько вам лет?

– Двадцать три.[7]

– Вы превосходно владеете немецким языком.

– Французским и английским тоже.

– А ваш родной язык?

– Русский, конечно.

– Почему вы сказали, что вы еврейского происхождения?

5 «Быстро!» - нем.

6 «Входите!» - нем.

7 На самом деле Александру Соломоновичу на тот момент было 19 лет

Александр сделал жест, поясняющий, что в детстве перенёс ритуальную операцию.

– Родители были атеисты. Её сделал не раввин, а хирург. А зачем?..

– А-а, – досадливо протянул офицер, – кто там будет смотреть. Вы совсем не похожи. Никому не говорите? Поняли? Хайль! А часы вам ещё пригодятся.

– Ауфвидерзэен.[8]

Он кивнул, Саша подошёл к конвоиру. В голове пульсировало только: «Я спасён?.. Что это было?..»

* * *

Некоторые ефрейторы и солдаты постоянно придирались к пленным, искали повод толкнуть беззащитных, ударить прикладом, обругать, унизить. Среди таких мелких гадов особо выделялся жандармский обер-ефрейтор Шульц. Когда он дежурил в зоне, повсюду разносилась его ругань, крики о «низшей расе», «скотах» и т.п.

Однажды Кольц и обер-фельдфебель Никиш пересчитывали пленных, которых после этапа оставалось около ста человек. Среди них был Александр. Немцы без конца ошибались; в конце концов, махнули рукой и ушли к себе за зону.

Шагах в двадцати от барака (весь лагерь размещался в одном бараке) Кольц приказал снести старую уборную и выкопать яму для новой. На месте старой осталась огромная квадратная яма метра четыре шириной, заполненная зловонной жижей.

Обер-ефрейтор Шульц, пьяный вдрызг, подошёл к бараку. Он заметил Александра, взмахнул карабином, чтобы ударить. Саша увернулся от удара и юркнул в барак. Шульц, успевший гаркнуть: «Хайль, Гитлер!», поскользнулся, бухнулся в яму с нечистотами и по шею погрузился в невообразимую дрянь. Напрасно он пытался вырваться, руки соскальзывали с ледяных краёв ямы. Шульц орал, стонал и вопил. Снова и снова, пытаясь выкарабкаться, плюхался в жижу.

Трудно сказать, сколько это продолжалось. Крики «утопающего» становились всё слабее.

Наконец появился унтер-офицер Шталь, при виде утопающего подчинённого выпучил глаза, схватился за бока и несколько минут хохотал. Затем подошёл к пленным:

– Алекс! – приказал он Клейну, сходи в тот сарай к обозникам, скажи, что я тебя послал, и попроси у них верёвку.

– Яволь![9] – ответил Александр и отправился исполнять приказание.

8 «До свидания» - нем.

9 «Так точно!» - нем.

В одном из полуразрушенных бараков недавно поселились обозники.

– Хальт! Во гест ду хин?[10] – остановили Александра.

– Меня послал унтер-офицер Шталь, чтобы я попросил у вас верёвку, чтобы вытащить упавшего в дерьмо пьяного обер-ефрейтора полевой жандармерии.

– Что-о?? – удивился часовой, – А ну-ка, зайди и повтори моим «камраден»[11] своё поручение.

Саша зашёл внутрь и повторил приказание Шталя.

– Да какое он имеет право нами командовать, жандарм вонючий! И с какой стати мы будем пачкать свои красивые верёвки в дерьме, чтобы вытаскивать пьяного жандарма?! Пусть ищут в другом месте!

– Алекс! – раздалось у входа. Кричал Шталь.

Саша вышел и сообщил о неудаче своей дипломатической миссии.

– А вытаскивать надо. Смех смехом, но если он утонет, нагорит всем, – резюмировал Шталь, – надо принести доски!

Двое пленных пошли к лежащим у забора доскам. Взяли и протянули утопающему. Через некоторое время бедолага выбрался.

Поднявшись из ямы, этот остолоп у её края ещё попытался приложить коричневую от нечистот руку к пилотке, отдавая честь унтеру.

Шталь брезгливо отмахнулся:

– Убирайтесь вон! Скажите, чтоб вам прислали замену.

Обер-ефрейтор несколько дней не показывался, а когда появился, не только немцы, но и пленные при виде него морщили носы.

* * *

1939 год... Во всех театрах в это время продолжали идти наскоро сляпанные пьесы о врагах народа, шпионах, диверсантах и т. д.

«Образ врага нам абсолютно не нужен. Нам нужен приговор над ним. Нам нужен враг как социальная маска», – говорил художественный руководитель ТРАМа Михаил Соколовский.

Вивьен в это время продолжал создавать «свой театр» в стенах Академического театра драмы имени А.С. Пушкина. На одном из занятий по актёрскому мастерству он сказал:

– Друзья! Я должен сообщить радостную для некоторых из вас весть. На будущей неделе в спектакле В. Романова «Родной дом» вместе со мной в массовке будут играть…

Он назвал фамилию Рафаила и ещё двух сокурсников Клейна. Они знали, что за последние годы это была только единственная премьера Л.С. Вивьена. Мастер пытался спасти театр и его учеников.

10 «Стой! Куда идёшь?»

11 «товарищам» - нем.

В ходе сводных репетиций группа массовки всегда находилась безропотно за сценой. Особый запах старых театральных кулис потом долгие годы преследовал Рафаила – это было неописуемое волшебство и магия духа.

Вот на сцену выходит Вивьен, он – маскирующийся троцкист Шатов. Но Вивьен почему-то не добавляет краски к образу... Как выходил в маске исторического злодея, так и уходил, не скрывая отвращения ни к самому персонажу, ни к тому унылому тексту, который ему приходилось произносить.

Рафа, только спустя годы поймёт, почему Вивьен так играл Шатова: он вынужден был принимать условия той политической игры, «иначе – холмик».

* * *

Шпиономанией Александр страдал в меньшей степени, чем многие его сверстники. В плену он понял, что наше окружение и поведение в нём командного состава – не предательство, не измена, а обычное наше головотяпство, трусость и глупость. Эгоизм старших командиров, заботящихся о своей шкуре и боящихся Сталина куда больше, чем Гитлера.

Нередко, в разговорах с немцами звучали имена этих «вождей». Солдаты и унтер-офицеры поражали своей наивностью. Ленин для большинства оставался фигурой неприкосновенной. Сталина ругали. Считали, что Молотов – друг Германии. Хвалили Ворошилова: он уже хотел сдать Ленинград, чтоб скорее заключить мир, но Сталин помешал. Они не понимали: столкнулись не просто Гитлер и Сталин, а два разных строя, две противоположные системы, непримиримые взгляды на всю историю, на всё человечество.

– После победы, – как-то сказал Александру старший лейтенант Конаш, попавший в плен при отступлении, – всех прижмут ещё больше. Нам, побывавшим в плену, ждать нечего. Даже после проверки, даже если ещё и пройдёшь её, ты останешься клеймёным на всю жизнь.

Сашка возмутился:

– Как это так?!.

– Никаких прав не жди. При первом удобном случае тебя посадят, даже после войны.

* * *

Вошедший в зону пожилой зондерфюрер на плохом, но понятном русском языке спросил, как ему повидать коменданта и удалился к нему в помещение.

У зондерфюрера на петлицах были неизвестные Александру знаки различия, и он забеспокоился. Беседа у коменданта продолжалась долго.

– В полицию агитирует, – пояснил Конаш, – сулит златые горы.

– Вы согласились? – спросил Саша.

– Нет. Погоди – он и тебя вызовет.

Зондерфюрер вызвал Александра и попытался заговорить с ним по-немецки. Саша «забывал» слова и переходил на русский. Он спросил:

– Алекс, как вы отнесётесь к тому, чтобы поступить в полицию?

Александр улыбнулся и ответил:

– Как это я, актёр, превращусь в полицейского?..

Зондерфюрер недовольно скривился и пробормотал:

– Пожалуй из интеллигента на этом поприще ничего не выйдет. Идите, горе-вояка!

Всю ночь Конаш не спал. Утром подошёл к Александру и сказал:

– Я решил согласиться. У меня там, – он кивнул в сторону фронта, – семья, жена и дочь. Но, поверь, что увидеть их у меня нет шансов. Учти – у нас пленных нет, есть только изменники.

Александр возмутился:

– Но я же не перебежчик и не служу у них. Если перевожу, то этим только облегчало положение товарищей, иначе за непонимание им бы доставалось ещё больше. Кто скажет, что я кого-то обворовал или обидел?

– А зондерфюрер прав: ты – глупый, недобитый интеллигентик. Ты хорошо читаешь, у тебя феноменальная память. Всего Пушкина и Лермонтова наизусть знаешь?

– Почти.

– Вот видишь, – и такой наивный. Уверяю – чуть наши придут, они посадят или перестреляют всех, кто чуть меньше голодал в этом лагере. И тебя...

Саша покачал головой. Про себя он был уверен, что наши поймут, что он, еврей, не мог симпатизировать оккупантам. В случае их победы он бы сам повесился.

– Моя карьера кончена, – продолжал Конаш, – уверен, что и ты не увидишь больше сцены. Эх, Сашка, Сашка! Ты ещё желторотый, хотя и артист.

– Но я же попал в плен раненый, – Александр пытался защищаться.

– Кому там будет интересно знать. Я тебя не агитирую. Сам с тяжёлым сердцем соглашаюсь. Жребий брошен, – заключил Конаш.

На другой день Конаша, уже переодетого в полицейского, увезли навсегда в другой лагерь. Они больше не встречались. Никогда.

* * *

Тосно в годы войны был огромным посёлком, прорезанным двумя дорогами, шоссейной и железной. Посёлок как бы делился на две части: железнодорожную и поселковую. На указателе у перекрёстка стояло: «Ленинград: 51 километр».

Тут же были другие указатели: «Шапки», «Любань», «Ушаки», а перпендикулярно шоссе – стрелки с надписями: «Мга», «Банхоф»[12], «Ортскомендатур»[13].

Комендантом был майор СС Краузе. Его имя даже немцы произносили с боязнью. О жестокости Краузе только тихонько шептались. Если уж сами эсэсовцы боялись коменданта, то местные жители – подавно.

Александра определили переводчиком при полевой жандармерии главнокомандования 16-й армии («АОК зэхцейн»). Но его пугало слово «жандарм», оно вселяло подозрительность и настороженность. Носатый и чернявый обер-офицер Турехт мог бы вполне сойти за типичного еврея. И, как обычно в подобных случаях, кто похож – ненавидит похожего. По дороге в Тосно он распылялся перед военнопленными:

– Можешь еврея поставить ко мне спиной за три километра – я узнаю собаку, – и он стал описывать приметы «проклятых евреев», – я ненавижу Ротшильда, Моисея, Христа. Евреи создали Советскую власть, чтобы жить при ней хорошо, – далее следовали неприлично переводимые слова.

Александр, съёжившись от промозглого ветра, молча сидел на полу грузовика. Он впервые встретил такого фанатика и человеконенавистника. Страшно было подумать – он, еврей, в центре самых жестоких, отборных войск СС. Но, с другой стороны, он может кого-то спасти из тех, кто вынужден жить бок о бок с оккупантами. Пускай переводчик – невелика должность, но местные жители, зачастую не зная языка, подвергались ужасным наказаниям и пыткам. Он нашёл себе цель: будет помогать людям, а там сбежит к партизанам – и на фронт.

* * *

В общежитии театрального института никто не ложился спать. До поздней ночи кто-то пел, читал какие-то монологи, хохотал. Словом, студенческая жизнь разливалась по всем комнатам до часов трёх ночи. Разгуляй, да и только!

Недалеко от комнаты Рафаила жила его однокурсница из Саратова Валентина Борецкая. Неописуемой красоты златовласая девушка. Рафа, да и другие мальчишки часто останавливались возле её комнаты и судорожно придумывали повод, чтобы туда войти и немного пообщаться.

Валя была открыта в общении, но не позволяла себе мальчишеских вольностей. Никто не смел даже и приобнять её. Иначе – дружбе конец.

Рафаил тоже искал причину для знакомства. Наконец, придумал. Осторожно постучал в обитую чёрным дерматином дверь.

– Входите, не заперто! – знакомый голос, словно колокольчик отозвался в надтреснуто влюблённом сердце Рафы.

12 «Вокзал» - нем.

13 «Местная комендатура»

– Добрый вечер, простите, я, Валентина, хотел бы с вами посоветоваться… В системе Станиславского не всё достаточно прорисовано в методе «Если бы…»

– Рафаил, почему так официально? Расслабься, ты же будущий актёр. Будешь чай пить?

– Не только чай, я на всё готов, лишь бы быть рядом с Вами.

– Рафа, не надо ничего придумывать, может быть, сходим в кино?

Рафаил, обезумев от радости, что ему не стоит ничего приспосабливать, лгать, искать психологические ловушки, выпалил:

– Конечно, я давно не был в кино! Сегодня как раз премьера фильма «Сто мужчин и одна девушка». Говорят, там музыка замечательная и певцы что надо!

Был поздний вечер, Рафа с Валей шагали по Невскому…

А утром в общежитии переполох. В стране введено ещё одно жёсткое испытание – закон об опозданиях. За двадцатиминутное опоздание могли арестовать на 2-3 года. После этого человека уже можно было исключить из жизни: он навсегда считался «бывшим» и дороги ему были закрыты.

По переходу на втором этаже, из общежития в институт, табунный топот – это студенты. Немытые и нечёсаные, они влетали в аудиторию. Педагоги жалели студентов. К примеру, после звонка Лидия Аркадьевна Левбарг, преподаватель истории западно-европейской литературы, всегда, открывая дверь в кабинет, начинала беседовать с ассистентом. А за их спинами ещё добрых минут пять шмыгали опоздавшие. Так что по закону об опозданиях никого из института не исключили. Педагоги спасали своих подопечных.

* * *

Каждую ночь Тосно бомбили. Старались попасть в товарные поезда, склады, станционные постройки. Они располагались недалеко от шоссе. От взрывов ветхие дома и приомороженная земля вздрагивали.

Однажды Александр очутился в компании с двумя офицерами СС. Им необходимо было срочно найти часовщика. Офицеры решили спросить о нём у старосты, «бюргер-майстера». По пути, узнав, что пленный русский Алекс «шаушпиллер»[14], стали спрашивать о театре.

– Алекс, играл ли ты в постановках пьес Шиллера? – оберштурмбанфюрер[15] как-то странно посмотрел на Александра.

– Да, в «Заговоре Фиеско в Генуе»[16] играл роль Веррины.

Почему Александр назвал Веррину – возрастную крупную роль: её бы

14 «актёр» - нем.
15 Майор СС
16 Эта драма Шиллера действительно шла в Ленинграде

не поручили начинающему актёру?.. Но раз сорвалось с языка, он не стал поправлять себя.

– А сколько ты рублей получал в месяц как молодой артист?

Александру пришлось прибавлять зарплату. Но она показалась мизерной по сравнению с заработками немецких актёров.

– Играл ли ты в «пропаганда штюке»[17]?

– Да нет! В репертуаре были русская и зарубежная классика: Шекспир, Мольер, Гольдони, Гауптман.

– Да, артисты всегда вне политики, – констатировал обер, – Им всё равно, что играть.

На каждом шагу встречались эсэсовцы, приветствовавшие офицеров. Только и слышалось: «Хайль!», «Хайль унд зиг!»[18]

Наконец остановились у домика старосты. Навстречу вышел высоченный костлявый старик с обветренным лицом, с которого на гостей глядел единственный глаз. Староста предложил сесть. Эсэсовцы брезгливо оглядели убогую обстановку и остались стоять.

Оберштурмбанфюрер объяснил, зачем пришёл: где найти часовщика?

– Переведи им, – обратился к Александру староста, – Не надо было жида в говне топить.

Саша вздрогнул, подумал, что ослышался.

– Что значат эти слова?

– Когда немцы заняли Тосно, эсэсовцы утопили часовщика-еврея в уборной.

Офицеры переглянулись. Староста неторопливо разъяснял, как беднягу окунали, вытаскивали, снова окунали, пока он окончательно не захлебнулся. Жену его, русскую, не тронули. Дочь расстреляли: очень уж лицом походила на отца.

– Так что, – заключил староста, – часовщика у нас нет, единственный был.

– Нда-а-а, – протянул обер, – часовщика бы можно было пока оставить в живых. Перестарались...

Староста, узнав, что Александр актёр, оживился:

– А ты смотрел фильм «Дворец и крепость»?

– Конечно, там же моя сестра Лида, Лидия Клейменова, играла одну из центральных ролей. Вы её помните, такая худенькая?

– Я там в эпизоде играл кузнеца, – тряхнул головой староста.

– Запомнились! – соврал Саша, хотя совсем и не помнил фильма, а роман Ольги Форш «Одеты камнем» читал.

Офицеры повздыхали и вышли.

Александр по натуре был весёлый и озорной человек, но на душе постоянно лежал камень тревоги и разоблачения. Он постоянно повторял, как

17 «пропагандистские пьесы» - нем.

18 «Да здравствует победа!» - нем.

молитву: «Нужно бежать к своим. Перестать быть выдуманным «Сашкой» с выдуманной биографией». Убежав в лес, найдя партизан (он полагал, что это не составит большого труда), он, уже зная повадки врага, мог нанести ему настоящий большой вред, и, если бы пришлось вторично отдавать жизнь, она бы уже имела другую цену. И не была бы безвестной.

Александр достаточно хорошо изучил Тосно и быстро шагал к его окраине. Улицы были пустынны. Никто не останавливал. Близился вечер, окна затемнялись. С бьющимся сердцем он завернул за последний дом посёлка и направился к лесу. Ни одного немца не показывалось. Ещё несколько шагов. Справа и слева от него встали первые деревья…

Тр-рах! – выстрел. «Хальт!»[19] – и одновременно с окриком второй предупредительный выстрел. Снег посыпался с веток.

С карабинами наперевес к нему кинулись два эсэсовца. Здесь была засада. Только через час, всё выяснив, его отпустили. Побег не удался.

* * *

Учебный спектакль в театральном институте начинался в шесть часов вечера. Рафаил где-то часа за четыре прибежал в гримёрную комнату. Его сокурсники тоже волновались. Сам мастер курса А.В. Соколов, большой души человек, будет смотреть их первую работу.

Необходимо представить пьесу по новелле Эмиля Золя «Жак Дамур». Рафаил в главной роли, а его бывшую жену играет Валя.

– Важно ничего не забыть. Быть сегодня на высоте, – Рафаил попытался сосредоточиться, пересчитывая разъехавшиеся по стене маленькие трещинки.

Спектакль начался. Простота оформления – стол и стулья, сделанные не специально для спектакля, а принесённые из общежития, потёртые и даже ветхие.

Первый диалог, Рафаил уже Жак, а его Валя – жена, предавшая мужа. Напряжённый диалог разворачивается при скудном освещении одной свечи. Она как бы выхватывала вырывающиеся из мрака сцены лица Жака Дамура и его бывшей жены, которая, не ведая, что её муж не погиб на каторге, а выжил, стала женой другого человека и родила от него ребёнка. Приглушённо звучат голоса героев, то переходят на шёпот, то готовы выплеснуться в гневном крике.

Рафаил, наделённый от природы эмоциональной непосредственностью, искренностью и силой чувства, по окончании показа вызвал шквал аплодисментов. Валя долго плакала в гримёрке. Никак не могла понять, что это и есть первый актёрский успех. Ради этого стоит жить и учиться!

19 «Стой» - нем.

При закрытом разборе спектакля Николай Андреевич Тенуев, ассистент Соколова, сказал Рафаилу:

– Рафа, в будущем ты станешь мастером психологической детали. И ещё, у тебя могучий природный темперамент. Не растеряй его!

Через несколько лет судьбы всех сокурсников и преподавателей театрального института будут «перемолоты» войной.

* * *

Главный поднял голову. Посмотрел на Александра. Прищурился. Это был хауптман Гофман. Он долго всматривался в него, покусывая губы. Потом картинно вскинул руки вверх и воскликнул:

– О Боже, О Боже! Жид стал у нас министром пропаганды!

Никто ничего не понял. Саша стоял с безразличным лицом: конечно, он узнал его. Зондерфюрер, сопровождавший Александра, растерялся.

– Ну да, – продолжал Гофман, – ты, по-моему, меня должен знать. А?!?! Узнаёшь?!..

– Обождите, – по-русски обратился Саша к зондерфюреру, – мне что-то не совсем ясно, что ему надо?

– Я сам не понимаю, – прошептал бледный зондерфюрер.

– Да что вы притворяетесь, – повысил голос Гофман, – ну, вот сейчас вы меня узнаете, – и он надел очки, в которых Александр его видел при первой встрече. Но узнавать свою смерть в очках, или без них, не хотелось.

Офицеры переглядывались, смотрели то на Александра, то на Гофмана.

– Как же ты меня не узнаёшь? – продолжал Гофман, – Ты когда попал в плен?

– В ноябре.

– А не в октябре?

– В октябре я ещё не был пленным.

– Где ты попал?

– Под Мгой, – Саша назвал место, в котором не был.

– А где был в плену?

– В Тосно и теперь в Чудово.

– Не может быть, – поразился Гофман неправде.

Весь разговор Александр вёл по-русски и зондерфюрер переводил. Это давало ему время, пусть малое, на обдумывание ответов.

– Да нет! – вспыхнул Гофман, – У тебя мать или отец еврей. Мать, по-моему… Ты всё врёшь!

Зондерфюрер пытался переводить.

– Да что вы ему переводите, он говорит по-немецки не хуже вас, а заодно и по-французски.

Когда зондерфюрер перевёл Алескандру, что его мать «жидовка», и он, стало быть, «жид», Саша сверкнул глазами, стремительно распахнул шинель и с дикой руганью (русской!) рванул ремень на брюках, словно собираясь их спустить.

– Мать его... Пусть выкусит... Меня проверяли!

Офицеры поняли его жест и, когда Саша коснулся верхней пуговицы брюк, хором закричали:

– Найн, найн, найн![20]

– Абэр, фердаммт эйнлих! – исподлобья глянув на Александра, буркнул Гофман. Затем пожал плечами, – А, может быть, и ошибся. Но похожи... А! Война говно. Чуть не расстреляли вас, – и удалился.

Зондерфюрер был очень доволен, что Алекс оказался не евреем.

– Слава Богу, что так обошлось, – заключил он, – А ведь поблизости стояли войска СС.

Если б к ним поехали... Впрочем, они в плен не берут. Допросят наскоро и расстреливают всех – и русских, и не русских.

Александр был счастлив, что его вновь поддержала Судьба. Неожиданно вспомнились слова великого комика Чаплина: «Жизнь есть чередование похорон». Значит, он будет жить, пока есть везение. Но кто знает, как ещё долго?..

* * *

Припудренный алый закат над Невой по всем метеоприметам обещал на другой день недождливую погоду. Рафаил бегал по комнатам общежития: искал единственный утюг, который выручал всех в особо праздничные дни. Он должен быть при полном параде. Белая рубашка, купленная на стипендию в Гостином дворе, сияла особым блеском.

Наконец, он нашёл утюг в комнате первокурсников. Какой-то грустный парень, но очень яркий на вид, открыл дверь последней комнаты.

– Аркадий Кацман, – представился, – проходите. Простите, что не сразу вернул этот признак красоты и быта.

– Рафаил, – удивлённо произнёс Клейн, – как ты назвал эту железяку?

– Признак джентельментской красоты!

– Здорово!

– Можете здесь и погладить вашу рубаху. Утюг пока не остыл, да и стол очень удобен для глажки.

Рафаил поразился, как легко ещё совсем «зелёный» актёр входит в контакт.

– Аркадий, над чем сейчас работаете? – Рафа, с умелостью белошвейки стал гладить рубашку.

– Да так, учусь думать на сцене, насыщенно жить в «зоне молчания»… Этюды.

20 «Нет, нет, нет» - нем.

– А разве мало приходилось тебе выдумывать сюжеты этюдов? – продолжал Рафаил.

– Ох, не вспоминай! Всегда хотелось изобрести сюжет поострее, да посмешнее... Разве это развитие актёрской фантазии? – как-то с сожалением произнёс Аркаша.

– Вроде бы, нет, – Рафаил засомневался, – неужели этот Кацман только лишь первокурсник?..

– Когда я получаю готовую роль, мне надо углубиться (а глубина – бездонна) в детали.

Рафаил, забыв об утюге на рубашке, стал спорить с Аркадием... Разговаривали недолго. Пригарный, едкий запах палёной ткани вдруг остановил дискуссию студентов.

– Да что же это такое?! Единственная! Завтра праздник!

– Вот вам и актёрская правда: и этюд, и сюжет! – заключил Кацман.

Только через десятилетия они вновь встретились. Профессор А.И. Кацман стал ведущим педагогом по актёрскому мастерству в родном институте. При встрече всегда напоминал Рафаилу про рубашку, разрешившую их творческий спор.

Глава III

Весна 1942 года принесла немало «сюрпризов». Возле лазарета в Чудово из таявшего снега показались ампутированные руки, ноги, даже несколько трупов.

Александр неожиданно вспомнил старинный медицинский альбом из киевской библиотеки, где ярко были представлены человеческие конечности. Внутри закралась некая мерзость и неприятие живым человеком его же отторгнутых частей.

«Нехорошо», – подумал Саша.

– Алекс! Срочно приказано очистить территорию! – унтер-офицер был бескомпромиссен. Его крик возвратил Сашу в действительность.

– Их складывать? Или закапывать? – он попытался выйти на диалог, чтобы оттянуть неприятную процедуру.

– Сбрасывать в яму! – рявкнул унтер

Ничего не оставалось делать, надо было принимать данность бремени. Саша и вся обслуга лазарета занялись очисткой территории. Они соорудили носилки и стали таскать части из анатомического театра. Могилы начинались в двух-трёх шагах от ворот. Вырыли несколько ям три на четыре метра и в несколько слоёв стали складывать трупы и всё, что осталось от них.

Мартовское солнце в этот день светило щедро. Снег стал резко таять. Ручейки луж, словно серая кровь вен, сбегали в свежевырытые ямы. Талая

вода быстро наполняла «трупные» бассейны.

Александру стало плохо.

– Почему не работаем, переводчик? Забыл, как своих закапывать? – унтер-офицер наслаждался садистской картинкой унижения пленных.

– Да я их и не закапывал. Они всегда будут жить! – Александр поднял из лужи мокрые носилки.

– Ты работай, не заговаривайся! От нас живым ещё никто не уходил, – выплюнув сигарету, он двинулся к зданию лазарета. Смятая сигарета, словно маленький парусник, побежала по руслу ручья в яму смерти.

Трупы всплывали и в разных позах: кто на боку, кто на спине, кто на животе, некоторые с открытыми глазами – плавали в этом «бассейне».

С большим трудом Александр преодолел первые несколько вырытых могил.

К вечеру у всей команды копальщиков случилось «непредвиденное»: открылась рвота.

Александр понимал, что это отравление. Ассистенц-врач посоветовал всем пострадавшим выпить крутого кипятку и постараться самоочиститься. Александр перевёл всем зажимающим от боли животы слова эскулапа.

Саша, то ли от боли, то ли от страха, что немцы раскроют его еврейское происхождение, и он погибнет вот так. За многие месяцы войны вдруг заплакал. У него не оставалось никаких сил тащить на себе груз отчаянья и унижения. Только одна мысль бесконечно билась внутри: ему необходимо срочно бежать к своим. Чего бы это ни стоило.

* * *

– Флекфибер[21]! – покачал головой врач.

Жар охватывал трещавшую голову, смыкал веки, сдавливал грудь. С каждой минутой становилось хуже. Санитар принёс Александру пайку хлеба. Есть он не мог.

– Сыпной тиф! – заключил немецкий врач.

Вызвали санитара, и он отвёл Сашу в тифозный барак. Санитар выбрал местечко на нижних нарах недалеко от корыта, в которое мочились за дощатой перегородкой. В этом бараке лежали умирающие.

По каким признакам определяли, кто будет жить, а кто умрёт, оставалось загадкой. Единственным медикаментом в бараке являлся… термометр. Каждое утро с нар снимали несколько трупов.

У Александра невыносимо разболелись зубы, он попросил санитара принести полотенце, чтобы стянуть не успокаивающуюся челюсть.

Рядом кто-то постоянно бредил. Саша понял, что сознание стало мутиться.

21 «сыпной тиф» - нем.

В голове царил сумбур. Какие-то льдины лезли на костры, всё пылало багровым пламенем. В этом окружающем кровавом зареве иногда двигались чёрные тени.

Александр понимал, что в бреду он может проговориться. Вдруг мелькнула неожиданная мысль. Ему необходимо вспомнить, что знал. Всю прозу, стихи. И повторять…повторять… И он начал бормотать монолог Барона из «Скупого рыцаря»; потом «Моцарт и Сальери», «Полтаву», «Демона», «Горе от ума». Текст тёк механически, безошибочно.

Санитар, забирая термометр, заключил: 41,8.

В бараках уже не хватало места. Военнопленные всё прибывали и прибывали. Их уже было около трёх тысяч. Многие ночевали на улице.

– Откуда столько пленных? – вновь Саша впадал в забытьи. Перед глазами всё плыло, пылало и колыхалось. Он был доской на досках, мягкой доской.

Однажды до Александра долетела фраза санитара, он кому-то рассказывал: «Доставили... с обмороженными ногами... её зовут Валя...»

– Валя?! Кого зовут Валей? – очнулся Александр.

– Да это мы так... промеж себя... Тут одна в плен попала... ну, санинструктор...

– Сколько ей лет? Откуда она?

– Молодая, красивая. Лет девятнадцати. Без сознания взяли. Ноги обморожены. Худющая, из Ленинграда.

– Где она? Я хочу её видеть.

– Да что вы, Александр. Вам нельзя двигаться, а вы – ходить! Сами не пойдёте, я вас не потащу. Лежите, – урезонил пленный санитар.

Неужели это она?.. Валя. В его вещмешке ещё сохранились засохшие, ставшие трухой, цветы. С ними она прорвалась сквозь ограждение на Витебском вокзале, откуда отправляли их эшелон.

– Валя... – шептали губы Александра. Он знал, что это имя произнесёт перед расстрелом или повешением.

– Прошу, – обратился Саша к санитару, – отведи меня к ней. Может, эта Валя мня на фронт провожала?..

– Раз провожала – надо, конечно.

– Помоги мне одеться.

Санитар и Александр подошли к бараку, где поместили Валю. С бьющимся сердцем, придерживаясь за верхние нары, он подошёл к комнатке, где лечили её. Тихонько постучал: «Можно?..»

– Войдите.

Будто от яркого света, прикрыл глаза ладонью, чтобы Валя сразу не вскрикнула, не назвала его настоящим именем.

У маленького окошечка на столике стоял обломок зеркала – женщина есть женщина. Она поднялась навстречу. Стройная, очень худая блондинка с

бледным красивым лицом. Лицо было ясное и волевое... Но это была не его Валя. Они поздоровались.

– Что я могу сделать для вас? – спросил Саша, – Всё-таки знание языка даёт мне многие преимущества.

Она посмотрела понимающе и грустно.

– Ничего вы сделать не сможете, – повернулась к двери и тихо продолжила, – Завтра всех сыпнотифозных отправят в Гатчину. Вот там, прошу, если удастся, повидайте... – она назвала имя полковника. Он попал в плен тяжелораненым. У него обе ноги оторваны. Передайте, что я жива, что я всегда люблю и помню...

– Разыщу и передам, если отправят.

В дверь постучали, и вошёл комендант.

На следующее утро больных и раненых вывели во двор. Поддерживая друг друга, они вышли за ворота. Александра вместе с другими затолкали в грязные грузовики и через несколько минут уже погружали на станции в теплушки: действительно, поступило распоряжение перевезти из лазарета всех, за исключением нетранспортабельных, в гатчинские «Красные казармы».

* * *

В Гатчине держали тысячи пленных, и жизнь их была несладкой. Но здесь тоже нужны были переводчики. Александра вызвали отдельно. Пока опрос вёл зондерфюрер, он не волновался. Но вдруг в комнату вошёл плотный в тёмных очках (сущий Гиммлер) офицер в чёрном эсэсовском мундире. Он кивнул зондерфюреру: продолжайте. Зондерфюрер доложил, что сидящий здесь русский прилично владеет немецким и вполне может быть «дольмечером» (переводчиком).

Эсэсовец в свою очередь поинтересовался, откуда Александр, и, услышав, что тот уже более полугода в плену, довольно закивал головой. Он ещё спросил о семье и о том, верит ли Александр в бога. Видимо, полученные ответы немца удовлетворили и ему предложили подождать в вестибюле. Через минуту, когда эсэсовец вышел, его позвали:

– Вы понравились шефу, – сказал зондерфюрер. – Вы будете у нас переводчиком в «дулаг фюнф» (пересыльном лагере номер пять).

– Простите, господин зондерфюрер, я ещё очень слаб... я после сыпного тифа... я не могу.

– Ерунда! Вы будете переводчиком. Вас здесь подкормят, и вы быстро встанете на ноги.

– Но я не могу!.. У меня нет сил. Кроме того, штабс-врач хотел оставить меня при лазарете.

– Это неважно. Вы сейчас подождите немного. Придёт ассистенц-врач и

осмотрит вас.

– Меня осматривали в лазарете.

– О, это – особый осмотр. Понимаете ли, мы ввели его с некоторых пор, чтобы определить, еврей или не еврей. Так что можете ничего не опасаться. Выйдите и подождите. Вас позовут.

Александр сидел в коридоре и мучительно думал: «Что делать?.. Что делать?.. За кого себя выдавать? За армянина, грузина, татарина?..» Но ни одним из языков этих народов он не владел.

А между тем время шло. Из своего кабинета выглянул расстроенный зондерфюрер:

– Ассистенц-врач вызван на срочные операции. Возвращайтесь в лазарет. Вас осмотрят завтра.

Александр вернулся в зону. И тут ему навстречу устремился незнакомый немецкий офицер.

– Вы Александр?

– Так точно.

– Вы говорите по-немецки?

– Да, немного владею языком.

– Нам нужен «дольмечер» в штатсгут (государственное имение – совхоз). Случайно от штабс-врача услышал про вас, мы хотим вас взять к себе, чтобы вы помогли нам общаться с местными крестьянами.

– Но меня завтра утром должны взять в «дулаг пять» и назначить там переводчиком…

– Когда вы завтра должны быть там?

– В шесть утра.

– В шесть? Мы будем здесь в четыре!

Так судьба военнопленного Александра Клейна вновь переменилась. Он попал в деревню Вохоново, расположенную недалеко от Гатчины, под начало управляющего государственным имением обер-лейтенанта фон Бляйхерта.

* * *

А через неделю после выздоровления, когда Александр помогал скотницам в совхозном дворе носить воду для коров, неподалёку от забора остановились две легковые машины. Из первой вылез маленький худощавый майор, из второй – два жандарма.

Майор кивнул козырнувшему ему солдату штатсгута[22], что-то спросил, и солдат жестом указал на Сашу. Майор громко крикнул:

– Дольмечер Александр![23] – ему ничего не оставалось, как с полными вёдрами воды повернуть к дороге и остановиться перед майором.

22 «совхоза» - нем.

23 «переводчик Александр» - нем.

– Вы – военнопленный Александр?

– Так точно.

– Сейчас же собирайте свои вещи. Вы арестованы. Быстро.

Спорить не приходилось. Жандармы стояли рядом.

– Абэр шнэль![24]

Александр направился к своему чулану, подгоняемый сзади окриками: «Шнеллер!»[25]. В голове роились мысли: как выкрутиться?.. Бежать было бесполезно: жандармы ждали у дороги. Догонят, и это только усугубит положение.

Александр окрикнул солдата-возчика и попросил: «Немедленно беги к обер-лейтенанту и скажи, что его срочно требуют сюда. Только быстро!» Солдат поспешил к канцелярии. Александр, скрывшись за угол дома, замедлил шаг. В чулане ему необходимо было взять шинель, дрянное одеяло, котелок и ложку... Да ещё томик пушкинской лирики. Всё.

Присел на топчан, грустно оглядел конуру, ставшую уже почти родной. Между тем приехал барон фон Бляйхерт. Под окном раздался его нетерпеливый окрик: «Сколько это ещё будет длиться?! Вон!». Сверху донёсся треск мотоцикла. Ситуация разрядилась.

* * *

В начале тридцатых дядю Бориса арестовали органы НКВД и увели из дома без объяснения причин. Затем отпустили. Домой он вернулся каким-то внутренне погасшим. Сворачивался и закрывался, отгораживаясь от всех знакомых и близких. Он уходил словно в тоннель тишины, где существует только его распластанная душа и больше никого и ничего. Рафаил понимал, что в такие растерзанные судьбой минуты лучше молчать и не проявлять ярких чувств.

– Рафа! Подойти, пожалуйста, ко мне.

Рафаил знал, что он позовёт его обязательно.

– Да, дядя Борис! – Рафа пытался бодриться, как будто ничего и не произошло.

– Как твоя учёба, театр?

Рафаил играл в театре Киевского Дворца пионеров.

– Ежедневные репетиции. Учусь быть Гамлетом. Скоро будет новогодний спектакль, где Гамлет...

Борис Ильич прервал племянника:

– Как ты громко долдонишь! Какое время, такие и нравы! Даже вы, молодые, научились рапортовать.

24 «Но, быстро!» - нем.

25 «Быстрее!» - нем.

Рафа поправил упавший угол верблюжьего одеяла на диванчике, где лежал дядя Борис.

– Рафаил, ты уже взрослый парень. И запомни навсегда, что сегодня всё так, а завтра будет иначе. Увы, наше бремя от времени не спрячешь, оно тебя всегда найдёт и каждому отдаст своё.

Рафаил понял, что эта философская установка – есть что-то новое и глубокое в текущей жизни.

– Я всё понял, – Рафаил замолчал.

– А теперь, иди. И будь очень внимателен с людьми. Сегодня они готовы на разное. Пакостное и бесчеловечное.

Рафаил с трудом переосмысливал сказанное дядей Борисом. Ему вдруг расхотелось делать уроки. Взяв любимый томик лирики Пушкина, он пошёл на кухню.

Сока уже разливала чай. На столе искрилось шелковичное варенье. Оно было припасено к празднику. Казалось, что семья теперь в сборе и можно жить наполненно и светло. Но она ошиблась. Впереди уже маячили годы Большого террора.

* * *

Когда фон Бляйхерт появлялся на утреннем разводе в лагере, направо и налево летели приказы о сокращении полка, о переводе в низшую категорию, а при прогулах – о штрафах.

На развод, когда собирались рабочие, первыми выходили солдаты, ответственные за те или иные участки, и Александр (как переводчик). И представление начиналось. Саша, будучи человеком весёлого нрава, любил на публику показывать «этюды» на немцев. Солдаты и рабочие хохотали и требовали повторить их ещё раз.

К примеру, популярными в его исполнении стали зарисовки о том, как «Мартин[26] садится верхом, а лошадь брыкается», «барон едет на мотоцикле, а очки поминутно сваливаются с его солидного носа» и так далее.

К чести зрителей, никто даже не подумал об этом донести не только «барону» или Мартину, но даже понимавшему по-русски коменданту Райнеру.

Во время очередного «представления» солдат толкнул Александра в бок. Саша сразу принял официальный вид. Появился дежурный унтер. Начиналась перекличка. Её делал унтер, спотыкаясь на русских и финских фамилиях. Вспотев от усердия, сопровождаемый смехом, унтер кричал на собравшихся и передавал тетрадь со списком Александру.

Саша делал перекличку: «ВаняКоляВоваСтёпаСашаПаша...». Одними именами, произнося их скороговоркой, слитно, как учили по сценической речи.

26 командир

Благодаря этому весёлому способу, Александру удавалось пропустить фамилию кого-либо из неявившихся, оберегая их от наказания. Но если «ошибка» выяснялась, Александр объяснял, что «спешил, хотел как лучше...».

В интересах Саши было не озлобить против себя рабочих (люди часто путали, где вина оккупанта, где – переводчика) и «не попадать на зуб» немцам, подозрительно поглядывавшим на оживление рабочих во время переклички.

Узнал бы кто из высших чинов о весёлом даре Александра копировать людей – загремел бы молниеносно в штрафной лагерь, а там?..

Но молодость, жизнерадостная и озорная, никак не хотела расстаться с Александром.

* * *

В газетном киоске на Владимирском проспекте Ленинграда в 1939 году Рафаил купил роман-газету «Первый удар» Шпанова. Никто ещё не знал, что это была своего рода пропагандистская акция перед подписанием договора с Германией о дружбе и ненападении.

Рафаил в свободное время любил почитать что-нибудь занимательное. Тем более на лекции по истории ВКП(б) педагог посоветовал ознакомиться с лучшим романом современности.

Рафаил расположился на скамеечке в Летнем саду, и, начав читать, сразу почувствовал – очень уж автор легко хочет добыть победу. В первой главе рассказывалось, как во время первомайского парада в Москву пришло известие о нападении фашистской Германии на нашу Родину.

Рафаил внутренне содрогнулся. Неужели это возможно?.. Наша страна, такая мощная и легендарная, позволила кому-то так запросто, на параде в Москве, и – напасть!

Рядом, на скамье, сидел пожилой, интеллигентного вида ленинградец. Он кормил надоедливых голубей. Заметив удивлённую мимику читателя, вдруг произнёс:

– Счастливая молодёжь. Всё о любви читаем, о светлом будущем?

Рафаил прервал чтение:

– Простите, как раз о любви, да, но не к девушке, а к Родине! «Первый удар» называется роман. Рафаил, будем знакомы.

– Лион Сергеевич, главный инженер Кировского завода, – представился сосед по скамеечке.

– Лион Сергеевич, вот что меня поразило в романе: после нападения на Москву, за несколько часов наша авиация уничтожает почти всю Германию – и победа. Как такое возможно? – Рафа вопросительно глянул в глаза собеседника. Тот лишь улыбнулся.

– Рафа, вам этого пока не понять. Победа быть скорой не может. Я воевал

с немцами, ещё... в четырнадцатом. Думаю, если такое случится, всё произойдёт ужасно трагично, – Лион Сергеевич, искрошив последний кусочек хлеба голубям, поднялся, извинился:

– Простите, мне необходимо спешить. Приятного чтения, – его силуэт ещё долго уходил вдаль по центральной аллее.

Рафа только через несколько дней узнал, что книгу Шпакова «Первый удар» запретили продавать. Она оказалась пропагандистски несвоевременной. Шёл 1939 год.

* * *

Сегодня в театральном институте танцы. Вечеринка по поводу окончания первого курса. Рафаил готовился к ней тщательно. Вместе с друзьями они решили превратить Рафу в легендарного танцора Фреда Астера – кинозвезды Голливуда.

– Ребята, а как же полуботинки? Астера они белые с чёрным носком и задником, да ещё металлические набойки, – Рафаил стоял посреди комнаты, пытаясь зацепить взглядом что-нибудь подходящее.

– Я придумал! – сказал сосед по комнате Виктор Галагаев, – У меня есть чёрная битумная краска, будут не белые, а светло-жёлтые ботинки. Будем импровизировать. Рафаилу и в голову не могло прийти такое, чтобы туфли красить непонятной краской, но он согласился.

В конце коридора общежития располагалась бытовая комната. Взяв старые газеты, обрывок плюша и баночку с краской, Рафа и Виктор поспешили в импровизированную мастерскую.

– Виктор, а не будут ли туфли-«корреспонденты» слишком антисоветскими?

– Ты что, Рафа! Это же клоунада, театр. Мало ли в чём я приду на танцы, – Виктор чётко очерчивал края ободков туфлей, чтобы определить будущий рисунок на обуви, – Всё как в фильме «Снижаясь под Рио», помнишь?

Рафаил замахал головой:

– Конечно. Только не торопись, чтобы быть точным.

Весь процесс покраски занял почти полчаса. Внешне всё выглядело необычно.

– Давай высушим, и можно идти.

Колючий запах краски разнёсся по этажу.

– У нас что, ремонт?! – то тут, то там выглядывали из дверей студенты.

– Рафа опять химичит, что – не знаем, но будет весело! – повторяли голоса одногруппников.

Прошло часа полтора. В 7 часов вечера начиналось танцевальное представление. Некоторые пары в зале уже танцевали танго. Звучал джаз-оркестр

из студентов. Преподаватели располагались невдалеке от входа, на скамеечке.

Танцоры исполняли непредсказуемые повороты. Одна пара после такого пассажа повернулась так резко, что туфель партнёрши улетел далеко под стулья. Зал загоготал. Девушка растерялась, обидевшись на юношу, выбежала из зала.

Микшируя импровизацию, в центр выбежала ведущая, студентка четвёртого курса Галина Аронович, и нарочито громко объявила:

– Уважаемая публика! Подарок от первокурсников. Чечётка от Рафы. Аплодисменты!

Музыканты рванули бешеный темпо-ритм голливудских мелодий. Рафаил, не помня себя от энергии радости, стал отбивать чечётку, которой учился по виденным фильмам. Толпа в восторге кричала, поддерживала, хлопала. Творилось в танцзале что-то невероятное. И когда в финале чечётки Рафа в прыжке сел на полу-шпагат Фреда, раздался шквал аплодисментов. Волшебные туфли Астера в дальнейшем для Рафаила стали неким пропуском на танцвечера института.

Глава IV

Дядю Бориса арестовывали дважды, в 1931 и в 1938 годах.

В доме никто не курил. Рафа проснулся: пахло дымом. Открыл глаза и увидел в проёме двери плечо офицера НКВД. Рафа быстро соскочил с дивана. Сердце надоедливо колотилось, меняя ритм от быстрого к учащённому.

Да сколько это может продолжаться?! Дядю Бориса вновь уводили в неизвестность. Рядом стоял огромного роста безбровый латыш, старший в этой бригаде. Дядя попросил стакан чаю. Латыш грубо рявкнул: «Там дадут». И повёл к выходу. Осталось три офицера, они лениво копались в дядиных бумагах. Из их разговора Рафа понял, что дядю обвиняют в хранении смертельного оружия.

Обыск закончился быстро.

На следующее утро директор школы вызвал Рафаила в кабинет.

– Клейн, ты как комсомолец, будущий коммунист обязан отречься от главного врага народа – твоего дяди, – директор, сузив глаза, пытался поверить в убедительность собственной лжи.

– Да вы что?! Это единственный человек, которому я обязан жизнью. Он меня не бросил, дал образование и умение чувствовать мир. А вы?.. – Рафа с обидой и сожалением смотрел в рыбьи, бесцветные глаза властителя школьных умов.

В учебных заведениях в те годы стало обязательным проводить общие собрания, на которых кто-то из учеников отказывался от своих родителей. Рафаил после беседы с директором не явился на подобное судилище, и его

поставили перед выбором: или школа, или...

А некоторые одноклассники, по поручению директора, стали следить за Рафаилом. Они были обязаны «воздействовать» на отпрыска «врага народа». Оба одноклассника-«чекиста» являлись отличниками, их родители неоднократно лечились у дяди, а теперь?..

Рафаилу надоела бесконечная слежка, и он принял непопулярное решение – послал их всех, далеко-далеко. Слежка прекратилась.

Да... Народ жил тяжело, и ему нужно было сорвать злость на ком-то. Сталин указывал на «врагов народа»: они во всём виноваты. И народ кричал: «Расстрелять их! Уничтожить!..».

И уничтожали, и придумывали новых врагов для оправдания своих страхов и промахов.

* * *

По всей округе расклеили воззвания Власова и призывы вступать в РОА[27] (под знамя борьбы со сталинским режимом). В то же время из пленных немцы набирали «хиви» – «добровольных помощников вермахта». Пленные получали форму, похожую на немецкую или трофейную.

Александру тоже неоднократно предлагали вступать в ряды «хиви», но он всегда находил десятки причин для отказа.

Унтер Мартин слыл мастером психологических ловушек. Однажды, возле домика гатчинского штатсгута[28], где проживал командир Бляйхерт, или как его все называли «Барон», Сашу остановили.

– Почему не в форме? Переводчик?! – сарказм и издёвка, словно плевок, выбросили слово «переводчик». Это был Мартин.

– Как это не в форме? – Саша сделал удивлённо-наивное лицо, – что было подрезал, подлатал и кафтан готов.

Мартин поморщился. Было заметно, что сейчас в нём борются два чувства – это ненависть и желание добить бесправного.

– На склад только что привезли французскую и чешскую униформу. Пойди и выбери по размеру, – Мартин ждал ответной реакции от Александра. Но Саша понимал, что в случае согласия, он невольно становился «хиви».

– Господин унтер, я думаю, не достоин носить новую форму. Мой вклад в победу немецкой армии жалок и не стоит больших затрат.

Мартин, носивший всегда с собой коричневый стек, резко перекинул его из левой руки в правую.

– Какая же ты мерзость, Александр-переводчик. Штильштанд![29] – унтер резко развернулся и чуть было не упал, поскользнувшись о наледь у тропинки.

27 Русская Освободительная Армия генерала Власова
28 «совхоз» - нем.
29 «Смирно!» - нем.

– Как скажете, герр унтер! – Александр по-актёрски ярко и с нажимом поставил точку в деле вербовки в ряды и «хиви», и РОА.

...В рельс ударили: обед! Немцы моментально бросили работу и штатские тоже последовали их примеру.

– Алекс, когда солдаты пообедают, пойдите на кухню к повару Ланге и скажите, что я распорядился отдать остатки пищи моей овчарке.

– Яволь[30], герр унтер-офицер! – отчеканил Саша.

Для Мартина его свирепая овчарка была важнее всех вместе взятых в штатсгуте людей. Александр внутренне уже выстраивал план выноса продуктов для себя и друзей по плену.

Без труда найдя ведро, он пошёл к кухне и стал ждать. Когда все немцы со своими котелками ушли, подал ведро Ланге. Повар наложил в него остатки из бака, самую гущу: картофель с мясом, залил остатки подливы, а сверху набросал куски плесневелого хлеба.

Александр рефлекторно глотал слюну, взирая на это невиданное богатство. От кухни он не шёл, а бежал по тропинке к рабочему бараку. Помахал рукой стоявшим рядом пленным. Подошло четыре человека. Тут же за кустом, присев на корточки, за несколько минут они умяли полведра. Псу Мартина пришлось довольствоваться недоедками.

* * *

Шёл уже четвёртый месяц после очередного ареста дяди Бориса. Рафаил был один в квартире. Недавно умерла любимая хозяйка дома Сока. Двери всех комнат, кроме одной, были запечатаны. Рафа лежал на неуклюжем диванчике. В его юношеской голове проносились картины первых свиданий. Он с девчонками и мальчишками в бесконечном походе на Крещатик показывали окружающим свою независимость и взрослость.

Его первый поцелуй с Мариной с соседнего двора запомнился навсегда. Всё тогда было как-то смешно и неуклюже. Рафаил пытался повторить киношную сцену поцелуя. Марина, на редкость красивая и открытая миру девчонка, была смелее Рафы.

– Ну что, целуй как взрослый, а потом скажу: правильно было или нет, – Марина закрыла глаза.

Рафаила будто обдали паром. Он растерялся. Мысли судорожно пытались контролировать его состояние. И вдруг... В глазах всё потемнело, не помня о том, где они и что будет дальше, Рафа решился. Получился затяжной и долгий поцелуй.

– Молодец! Не слюнявишь и дышишь ровно. Только давай немного передохнуть. А так – молодец! – со знанием дела заключила Марина.

30 «так точно» - нем.

Это потом узнал Рафа, что он был у неё далеко не первым и не последним героем.

Рафа лёжа потянулся за книгой. Вдруг раздался звонок в парадную дверь. «Неужели дядя», – мелькнуло в голове.

Он бросился к двери и приоткрыл её. Через цепочку увидел высокого человека лет тридцати.

– Откройте, пожалуйста, не бойтесь, я от Бориса Ильича, – быстрым шёпотом сказал он.

– Что с дядей? Где он? Здоров ли? – Рафаил засыпал незнакомца вопросами.

– Жив, здоров. Но завтра его будут отправлять этапом. Так он просил передать ему... денег. Рублей триста.

– Погодите минутку. Я сейчас.

Рафа быстро вернулся к незнакомцу и протянул ему пятьсот рублей.

– Я работаю в тюрьме и чтобы меня не подвести, не говорите никому о визите, – незнакомец скрылся.

Каждое утро Рафаил шёл по спящему городу к товарной станции за Лукьяновской тюрьмой, откуда отправляли арестованных. Ждал по несколько часов, всё дежурил, лишь бы не пропустить дядю и спросить его, получил ли он деньги. Рафа бегал дня три. Пропустил все уроки. Но среди арестованных так и не встретил Бориса Ильича.

Спустя время Рафа узнал, что никто никаких денег дядя не получал. Ночной незнакомец оказался аферистом. Он обходил многие квартиры пострадавших от НКВД и предлагал передать деньги.

Через неделю Рафа с друзьями совершенно случайно встретил его на улице. Молодые люди окружили его.

– Вы передали Клейну в тюрьму пятьсот рублей?

– Передал, конечно, – ответил тот и попытался уйти вперёд.

Но тут друзья Рафы загородили ему дорогу.

– Так я вас узнал. Вы – шантажист! – Рафа ударил обманщика.

Друзья поддали ему хорошенько, разбив нос. После стремительно разбежались по саду.

Рафаил после этого случая стал более осмотрительным.

* * *

С 1915 года в доме Клейн, в лаборатории с Борисом Ильичом работала замечательная женщина-врач Адель Генриховна Скоморовская (сестра руководителя известного оркестра Якова Скоморовского). Её муж, Григорий Яковлевич Козинский, юрист, был очень добрым человеком. Все считали эту пару «не от мира сего» за их честность, преданность и скромность.

Рафаил неоднократно это проверял на себе. Однажды, возле Киевского театра имени Ивана Франко (бывшего Соловцовского), в маленьком скверике, Рафа с друзьями затаились на перекур. Этот сквер возле театра очень уж нравился пятнадцатилетним мальчишкам. Нарядные и красивые девчонки из благородных семей зачастую ходили с родителями на премьерные спектакли. Мальчишки их бурно обсуждали, а если удавалось перекинуться двумя-тремя фразами, тогда воображали из себя незнамо что.

Так было и сегодня. По кругу «гуляла» дымная сигарета «Памир», и, вдруг, Рафа почувствовал, что кто-то зубами тянет его за новый свитер. Оглянулся. Замер. Это была любимица Адель Генриховны, болонка по кличке «Кукла».

Она по-собачьи всегда была рада встрече с Рафаилом, потому что он, приходя в гости, всегда приносил ей деликатесные конфеты-подушечки.

– Кукла, отойди! Домой! – не успел Рафа договорить, как сигарета упала.

– Ах, вот вы где прячетесь? – голос Григория Яковлевича неожиданно оборвался от увиденного.

– З-здравствуйте, – только и произнёс Рафаил.

Тлеющая сигарета начинала дымить в складках нового свитера.

– Рафаил, вы курите? Это – отвратная привычка. Остановитесь! Когда-нибудь сердце напомнит вам об ошибке.

– Я, я, я... побаловался, так, для себя, – Рафаил покраснел.

Казалось, что пунцовое лицо слилось с цветом красного свитера. Мальчишки притухли.

– Ты не задавался вопросом: почему собаки и кошки, да и вообще животные, не курят? – Григорий Яковлевич вопросительно приподнял ершистые брови-усы.

– У них нет денег, – опережая Рафу, ответил одноклассник.

– Потому что они разумнее нас и избирательней. Гадость они не вторгают в себя, в отличие от людей, – он повернулся и Кукла, переваливаясь с боку на бок, посеменила за ним.

Рафаилу вдруг стало стыдно. Он судорожно начал перебрасывать возможные ответы на вопросы дяди Бориса. Ему всё расскажут, и он с позором уедет в Куйбышев к дяде Арону. Неужели? Да и свитер с прогоревшими нитками будет не в радость для Адель Генриховны, которая вязала его целый месяц.

Уже возвращаясь поздно вечером домой, Рафаил дал себе слово никогда больше не курить. Но прошли недели, месяцы: дядя Борис так ни о чём и не догадался. Рафаил продолжал ходить в гости к людям, которые вдруг стали родными.

Этот урок совести в будущем помог Рафаилу преодолеть в себе слабости и жизненные приманки.

* * *

По распоряжению «барона» Мартин начал усиленно привлекать окрестных жителей на работу в штатсгуте. Вохоново было окружено финскими и эстонскими деревнями, которые славились добротным сельским хозяйством.

Для осуществления программы фон Бляйхерта, агронома по образованию («доктор Хорст фон Бляйхерт» – значилось в его карточке), помимо немецких солдат, здесь должны были работать местные жители. За свой труд им полагались деньги и паёк, в который входили хлеб, немного муки, крупы, маргарина, – всё в скромных количествах. Рабочие подразделялись на категории: специалисты и грузчики получали больше, женщины – меньше, дети – ещё меньше. Начиналась срочная постройка под одной крышей с кузницей «молькерай»[31] – фермы с глубоким погребом, выложенным цементом. Из Германии ожидалось прибытие коров ост-физской породы, племенного быка, жеребца, тонкорунных овец, свиней, а также сельхозмашин.

У Александра складывалось впечатление, что немцы рассчитывают остаться на Ленинградской земле навсегда.

Александр, как переводчик в штатсгуте, рассчитывал, что неразбериха и переустройство в хозяйстве дадут ему скорую возможность побега.

Столяр Эрих, обер-ефрейтор хозяйства, как-то вырезал из дерева шахматы и обыграл всех солдат. Александр предложил ему сыграть партию шахмат. Через пять минут Саша поставил ему «мат». На другой день, эта новость дошла до обер-лейтенанта. Он вызвал Александра.

– Русские хорошо играют в шахматы, – начал он издалека, – Я бы хотел с тобой сразиться. Только как? За одним столом нам сидеть не положено.

– Если вы ничего не имеете против, – предложил Саша, – я могу сыграть и без доски, вслепую; только с условием, чтобы не меняли ходов, не разбирали варианты, не меняли расположение фигур на доске во время игры.

– Он ещё ставит условия?! Дерзкий парень, – «оберст» рассмеялся, – Ладно, принимаю твои условия. Я беру себе белых. Мы нападаем!

Александр стоял за дверью, в его математически выверенном сознании чётко возникли 64 чёрно-белых квадрата. Шестнадцать различных белых фигур противника необходимо расчётливо снимать с доски. Игра началась.

Он избрал Сицилианскую защиту, и в стане «оберста» началось замешательство. Из комнаты доносились возгласы «оберста»:

– Дойчланд геген Руссланд… Вир геген Шталин…[32]

Оберст продолжал играть в совершенно безнадёжном положении и успокоился только, получив «мат». У Александра непроизвольно вырвалось:

– Россия выигрывает!

Наступила мёртвая, тревожная тишина. И вдруг офицеры заорали:

31 «молочная» - нем.

32 «Германия против России… Мы против Сталина…» – нем.

– Русский слишком нахален! Пристрелить его!

Тут выскочил фон Бляйхерт и приказал Александру срочно следовать за ним.

Через день подполковник заявился в штатсгут и уже без всякой злобы сказал Саше:

– Хорошо играешь. Опасный противник!

На что Александру оставалось ответить:

– Яволь![33]

В человеческом отношении к нашим людям со стороны немцев, Александр сыграл большую роль. Немцы стыдились при нём, «образованном русском», распускать свои страсти-мордасти. Саша, как мог, защищал слабых, чем мог помогал и поддерживал обездоленных. Никогда не сменил форму. Ни разу не произнёс слово «Хайль!». Ни разу не вскинул руку в фашистском приветствии.

Благодаря его убедительному слову, ни один не вступил ни в «хиви», ни в РОА, никого не повесили, не расстреляли. А ведь люди есть люди.

* * *

Жильцы киевского «Дома врача», в котором жил Рафаил, в конце тридцатых годов организовали в полуподвале общую кухню. Тогда было очень трудно с продуктами. Сносили в общую «копилку» кто что мог.

Рафаилу с Сокой предстояло очередное дежурство, но продуктов в доме оставалось совсем ничего. Рафаилу пришла, бредовая на первый взгляд, мысль. Он решил «продать» свой актёрский дар, временно, на муку или картошку. Рядом, на небольшом рынке шёл обмен натуральными продуктами.

В театральной студии Дворца пионеров, где с успехом он играл, выпросил старенький фрак и цилиндр. В пять часов утра только-только занимался рассвет в утреннем небе, а Рафа был уже на торговом «пятачке».

Переодевшись за картонным рядом коробок, Рафаил выглядел солидным и романтическим героем прошлого века. Торговцы стали как-то удивлённо разглядывать «пришельца». Им, вероятно, виделся в нём «богатый» конкурент. Но когда Рафа стал читать из лирики Пушкина, торговцы несколько успокоились. «Пускай читает, лишь бы не торговал» – мещански рассуждали они.

И тут началось внутреннее преображение публики. Вокруг Рафы образовалось плотное кольцо. Молодые и старые, особенно девушки, поддерживали отличного артиста. Из толпы летели реплики одобрения, кто-то стал уже на заказ предлагать Рафе прочесть то или иное произведение.

Благодаря редкой цепкой памяти Рафаила, он легко справлялся с «заказами». А когда одна дородная хохлушка-селянка попросила исполнить частушки про хлопца и «дивчину-гулёну», Рафа разошёлся.

33 «Так точно!» – нем.

Публика хохотала и аплодировала. Уже был полдень. Рядом с Рафой на газетке, как на скатерти-самобранке, скопилось достаточно продуктового гонорара. Здесь были лук, яйца, сало, мука, мармелад, кочан капусты, початки кукурузы. Словом, он – победил! Аккуратно свернув всё добытое во фрак, не помня себя от радости за то, что это была его первая плата за талант, он возвращался домой.

Забежал в полуподвал. Соки ещё не было. Жестом благотворителя, разгрузил содержимое фрака на стол и замер. По ступенькам зашаркала хлопотливым шагом Сока. Войдя в кухню, по выражению лица Рафы поняла: произошло что-то непредвиденное. Рафаил отошёл от стола, демонстрируя добычу. Сока, не поняв, спросила:

– Рафа, чьё это добро? Из какой квартиры?

– Из нашей! Я заработал! – Рафа продолжал победоносно улыбаться.

– Я не шучу. Чьё это?

Рафаил хорошо знал Соку, а она была очень доверчива. Лучше ей правду сказать, и она всё поймёт. Он так и поступил. Во всех подробностях раскрыл свой уличный актёрский план.

– С того бы и начинал. Но предупреждаю – это рискованно, в неумное время быть одному на виду у всех. Сколько банд, а милиция?.. – Сока между делом принялась мыть принесённые овощи и продукты.

– Сока, прости меня! Я больше не буду! Может, когда-нибудь, если очень захочется есть, – Рафа виноватой интонацией всегда её успокаивал и размягчал.

На этом все разговоры о «гастролях» Рафы на базар прекратились. Но ощущение адреналина, прямого диалога с неподготовленной публикой остались в нём навсегда. Этот своеобразный тренинг помог ему в будущей профессии актёра.

* * *

В вещмешок Александр положил найденные старые валенки. Портной штатсгута дядя Лёша за месячный паёк хлеба и всего, что к нему полагалось пленному, перешил его шинель, сделав из неё «москвичку» на овечьем меху с таким же меховым воротником. Из основной красноармейской формы Александра неизменными оставались пилотка, гимнастёрка и брюки из плащ-палатки. Звёздочку Саша хранил в подкладке «москвички».

«Чуть фронт сдвинется – убегу», – думал он.

В новом одеянии Саша выглядел щегольски и артистично. Фон Бляйхерт покосился на Александра:

– Что у вас за новая форма? Вы же военнопленный, а не победитель на параде? – он вопросительно посмотрел на замершего в стойке «смирно» Александра.

– Зима будет холодной. Пришлось кое-что придумать из лоскутков, – Саша

был доволен своей маленькой победой.

– Ну-ну-ну… Продолжайте модничать, только далеко не заходите. Не перехлёстывайте.

Рафа понимал, что его вид бесил немцев. Лучше быть раздетым, грязным и нищим, чем выглядеть перед «противником» достойно. Но нет! Этого он не допустит. Назло! Его внутренняя победа в данной ситуации лучшее оружие против врага.

В штатсгуте было много литовцев. Александр сразу нашёл с ними общий язык. Ребята были спокойные. Саша понял, что с ними можно сразу договориться о побеге. Они, не задумываясь, согласны были бежать вместе с переводчиком. С ними он обсуждал предстоящие действия.

– Надо быть готовыми к уходу в лес. Зимой снег глубок, далеко гнаться не будут, – по-командирски чётко объяснял Александр.

– Продукты надо заготовить и прятать их в лесу, чтобы немцы не догадались, – увлечённо добавил старший из литовской группы Ольгис.

– Не исключено, что в лесу пробудем не одни сутки. Иначе эвакуация неизбежна, – Александр замолчал. К их группе приближался «барон»

– Уж ты, Александр, нас не покидай. Мы, если что, все за тебя. Надо, главное, заранее нам сказать.

Уже поздно вечером, разместившись на деревянном топчане, Александр разглядывал разбег потрескавшихся линий и трещин на давно побелённой печке. Свет тлеющего в печи огня отражался тенями на полу.

Из сеточки линий он рисовал в воображении картины чудесного возвращения домой. Вот какой-то мифический конь, рядом всадник, гора с остроконечной вершиной, а вон бегут «пузатые» облака. Всё мирно и незыблемо.

Вдруг он услышал с улицы крики местных мальчишек: «Скоро русские придут, будет Гитлеру капут!»

– Кто же такой отчаянный и смелый? – подумал Александр.

Взглянув в окно, увидел десятилетнего сына плотника Егорова и ещё несколько пацанов. Что же они так раскричались? Надо бы их остановить. Саша выбежал во двор. Пашку, так звали митингующего оратора, держал за ухо немецкий капрал.

Мальчишка испугался и стал громко плакать, звать на помощь отца.

– Отпустите мальчишку, – Саша подбежал к капралу.

– Его будем повешать! – унтер продолжал тянуть малыша к дому фон Бляйхерта, – К жандармам его!

Вскоре, на шум вышел «барон» и часовой.

– В чём дело? – обратился он к Александру.

Саша чётко и быстро переложил в голове схожие русские слова, чтобы никто уже не придирался к услышанному. Он быстро шепнул малышу, чтобы он не признавался и молчал.

– Уважаемый барон, капрал ошибся. Я чётко слышал, что мальчишка кричал частушку «про грибы», «полегли» и «собрать их не смогли», а не как то, о чём послышалось унтер-офицеру, – Саша остался доволен придуманным «на ходу» переводом.

Фон Бляйхерт почесал нос:

– Мои унтер-офицеры меня часто обманывают. Отпусти его!

Счастливый паренёк, не помня себя, быстро побежал домой.

* * *

Последний раз Рафаил видел свою маму в больнице. Ему исполнилось пять лет, и он вполне уже осознавал себя как взрослая личность.

Свидание состоялось в самарской клинике. Рафа вместе с соседкой по квартире тётей Алиной пришёл проведать самого дорогого ему человека. Шёл октябрь 1927 года.

В гардеробной больницы, сняв цигейковую шубу, Рафа запутался в резинках, пришитых к рукавичкам, которые ещё вязала мама. На желание взрослых помочь ему, он всегда отвечал: «Я сам!», категорично и без пояснений.

Поднялись на третий этаж. По длинному коридору, словно пешеходы улицы Смерти, передвигались больные. Их было так много, что Рафе казалось, что это город каких-то волшебников из сказки Гофмана, которые на ночь читала няня. Вот ярко-рыжая, с папиросой в зубах женщина – «Яга», – так подумал Рафа, приблизилась к малышу:

– Ах, ты, кучеряшка, я твоя мама! – она зловеще улыбнулась.

Рафаил, ничуть не испугавшись, покрепче стиснул ладонь тёти Алины:

– Вы что говорите? Моя мама самая лучшая и самая красивая, а вы – чудовище, – Рафаил испытующе гордо посмотрел в бесцветные глаза «претендентки».

– Ишь, какой умный! Кто тебя такого воспитал, языкастого? Ну-ну, проходи! Ищи свою мамку, – язвительная тётка прошла к выходу.

В палате, где лежала Дина Яковлевна, кровати стояли почти вплотную, только узкий проход позволял пробраться к больному.

– Мама! Это я! Рафка! – закричал малыш.

Женщины встрепенулись. Кто-то недовольно заворчал. Но Рафаил не обращал ни на кого внимания, он бежал по скользкому паркетному полу, как на лыжах, бежал и радовался, что мама рядом с ним. Взобравшись на край кровати, он хотел только видеть и чувствовать её лицо.

– Мама, посмотри на меня! Это же я, Рафка!

Дина Яковлевна медленно открыла глаза. Ей очень трудно было дышать. Воспаление лёгких в тяжёлой форме «съело» всю её память.

– Рафа, малыш... Любимый... Крошка... – с трудом «выносила» она слова

откуда-то изнутри к сыну, – Ты слушайся старших. Учись. Главное – будь счастливым.

Рафаил с трудом понимал значение слов, но готов был на детскую игру в «темнилку», когда, шагая двумя пальцами рук, можно «бежать» по руке мамы в подмышку и щекотать соперника, пока тот не «сдастся».

– Рафаил, прекрати! – остановила его тётя Алина, – Мама устала.

– Ну, тогда я буду петь. Слушайте!

И Рафа запел очень грустную украинскую песню, которую часто пел сосед с Украины дядя Петя. Она звучала из уст ребёнка со «взрослыми» словами смешно и трогательно. Рафа пел её на украинском про то, что в доме «и ложки побиты, и горшки не мыты, ой, вернися жинка до домỳ».

Больные женщины в палате оживились. Кто-то плакал, но аплодисменты, перешедшие в овацию, были искренними.

Рафа держал маму за руку. Он её никому не отдаст, никуда не отпустит.

– Это всё, – произнесла мама и отвернулась.

Боль и улыбка бессильного счастья застыли на её лице.

– Она будет со мною всегда! – заключил маленький Рафаил.

Уходили быстро и без особых прощаний. В памяти на всю жизнь осталась бледная, тёплая и мраморно-прозрачная рука мамы. Он не знал, что это свидание с ней было последним.

Глава V

Александр спал. Его трясли настойчиво, толкая в бока.

- Штэй ауф, Алекс![34]

Над ним, чуть наклонясь, стоял длинный фельдфебель, а рядом ещё два солдата. Саша сделал гримасу и стал подниматься:

– Вас ист лёс?[35]

– Штэй ауф унд гей мит унс.[36]

– Цум альтен?[37]

Ответа не последовало. Они вышли и направились наверх по дороге к канцелярии с кухней. Шли мимо молчаливых затемнённых домов. Прошли всю деревню Вохоново. Подошли к комендатуре. Александр открыл дверь. В лицо ударил яркий свет и на чистейшем русском языке человек в немецкой форме сказал:

– Заходите и садитесь.

За столом сидели два власовских офицера в немецкой форме.

Помня о своих чёрных волосах, Саша подчёркнуто уверенно снял с головы засаленную пилотку и опустился на стул напротив них.

34 «Вставай, Алекс!» – нем.
35 «Что случилось?» – нем.
36 «Вставай и иди с нами» – нем.
37 «К старому?» – нем. (к обер-лейтенанту)

Сердце билось учащённо. Он понимал, что его вытащили по чьему-то доносу. Но в чём его могли заподозрить?

Власовцы внимательно оглядывали его с ног до головы.

Александр с безразличным видом устало наклонил голову над столом.

– Фамилия?!

– Ксенин.

– Имя-отчество?!

– Александр Степаныч.

– Год рождения?!

– 1918-й.

– Где родился?!

– В Челябинске.

– Точнее.

– Ленина 22, квартира 9.[38] Мать моя из кубанских казачек, отец – слесарь, сибиряк. Есть два брата, один – Алексей, старше меня, рабочий, сейчас в армии. Младший – Николай – учился в десятилетке. Я – артист, начинающий. Играл в Ленинградском Театре драмы и комедии.[39]

Воевал под Лугой в 237-й дивизии. Попал в плен при выходе из окружения, долго плутал по деревням. У немцев после Любанского лагеря был при полевой жандармерии АОК 16. Здесь уже почти 2 года. Немецкому учился в школе.

В таком чётком плане Александр спокойно выложил свою «биографию».

– А почему, когда все вступали в РОА или «хиви» ты не вступил тоже? – резко спросил один из допрашивавших.

– Я же вам сказал, что у меня два брата на фронте.

– А может, они уже тоже в плену, в РОА или в «хиви»?

– Не уверен. А если вступлю, что на мне, креста нет, что ли, вдруг заставят стрелять в братьев? Этого я себе никогда не прощу.

Вдруг перед глазами Александра что-то зачернело. Он не успел сообразить. Резкая боль заставила его отшатнуться: допрашивавший сунул Саше в левую ноздрю мушку пистолета, и, дёрнув её, разорвал. Потекла кровь. Второй приостановил агрессивного друга.

– А почему агитируете крестьян не поддаваться немецкой эвакуации, склоняете уходить в лес, говорите, что «скоро придут наши»?

– Не знаю, кто вам доставил такие сведения…

– И ты думаешь, – переходя на «ты», усмехнулся допрашивавший, – что Красная Армия, придя сюда, погладит тебя по головке?

Александр сделал паузу.

– Я понимаю, что ждать добра от наших мне не приходится, хотя никому я зла не сделал.

38 Саша назвал часть адреса Вали. К счастью, улицы Ленина были в каждом городе.

39 Где бы они нашли в театре актёра по фамилии Ксенин?

Власовцы переглянулись.

Саша продолжал:

– Войны не вечны, – тут он притворился наивнейшим, – Фронт же стоит незыблемо и, думаю, по его линии пройдёт перемирие.

«Собеседники» Александра несколько успокоились. Так продолжалось часа три.

– А почему вы, артист, не вступили в концертную труппу?

– Я уже давно здесь. Свыкся. Кончится война, вернусь к сцене.

– Так вам и дадут?!

– Я всё-таки надеюсь, что она кончится.

Власовцы переглянулись и хмыкнули.

– Завтра тебя отправят в Гатчину и там разберутся.

Затем дверь отворилась и Александру приказали выйти.

* * *

Первый снег в Киеве в 1939 выпал в конце ноября. Рафаил шагал по мокрому тротуару, пытаясь наступать на горбатые снежные холмики. Они издавали чвакающе-хрустящий писк, и это его забавляло. Сегодня вечером в школе состоится первый вечер поэзии.

Рафа давно пытался рифмовать, но понимал, что получаются какие-то «слащавые» виньетки, а не шедевры. Ему необходимо что-то предпринять. Сломать себя изнутри, чтобы стать лучшим школьным пиитом. Поднявшись к себе домой, прошёл в таинственную комнату дяди Бориса. «Утонув» в старом дерматиновом кресле учёного, стал размышлять. Тема сама по себе не рождается. Должно с ним что-то произойти, случиться что-то необычное. И вспомнил!

Неделю назад в классе появилась молодая учительница литературы Изольда Михайловна Сосновская. Редкой красоты и обаяния девушка, она пленила всех мальчишек. Девчонки даже почувствовали соперницу!

Она рассказывала о русском языке и значении каждого слова, о богатстве и ёмкости произведений. Но особенно Рафаил запомнил её высказывание о человеческой душе.

– Ребята, запомните, что бы в жизни не происходило, особенно тягостное, физически нестерпимое, помните: что душа по массе своей тяжелее физического тела. Учитесь помогать друг другу, поддерживать её. Не дайте душе упасть.

Класс завороженно слушал свою наставницу.

– Рафаил, какой ты видишь душу кого-нибудь из нас? Расскажи.

Рафа встрепенулся. Как и положено, он привстал, тарабаня пальцем по краю стола... Задумался.

– К примеру, ваша душа прозрачная, тёплая и очень пушистая, – Рафаил смутился от своих слов, но продолжал, – Она требует особого ухода, бережного и наделённого романтикой.

Изольда Михайловна, прищурив огромные синие глаза, присела на край учительского стула.

– Ну-ну, продолжай.

Рафа осмелел.

– А ещё, почему у вас такие синие глаза, в них можно утонуть?

Первыми засмеялись мальчишки, девчонки поддержали их хихиканьем.

– Рафаил, вы уже взрослый. Это – природа. А, внутренне, вы смогли проникнуться ко мне. Я благодарю за искренность.

Рафаил сел на место. Сосед по парте Федя Фесенко хохотал громче всех.

– Замолчи! – прервал его Рафа, – Твоя душонка скользкий, слизистый пень напоминает, не больше!

Изольда Михайловна прервала неожиданное веселье.

– Друзья, через неделю мы проведём поэтический час. Каждому из вас необходимо написать произведение и представить его на литературный суд.

В классе зашептались. Но Рафаил знал, что первое и серьёзное признание в стихах он посвятит Красоте.

Через час, сидя в кабинете Бориса Ильича, поджав ноги в кресле, Рафа выводил нужные слова о Ней.

«Появись хоть на миг, появись и…»

Рифма рождалась непроизвольно. Откуда-то сверху невидимый голос, словно диктовал нужные строки. Рафа знал, что через десятки лет, благодаря этой учительнице, он станет известным писателем и поэтом России.

* * *

Александр отсчитывал часы. Сегодня вместе с литовскими «партизанятами», так он их называл, они должны бежать. Вчера перед уходом из штатсгута «партизанята», по разработанному плану, порвали все телефонные провода. Так постарались, что вообще все части, находящиеся в Вохоново, потеряли связь с Гатчиной и Войсковицами. Наступил день спасения.

Через деревню струился густой поток отступающих. Низкие тревожные облака, словно грибы, повисли над селом. По разъезженной дороге Саша шёл быстро, стараясь быть неузнанным. Недалеко от хоздвора его остановил рявкающий голос:

– Хэй, Хайль! – это был жандарм-мотоциклист.

Благо он знал Александра как переводчика.

– Ничего тут не разберёшь! Связь прервана. Передай конверт коменданту фон Бляйхерту, – он сунул Александру в руку конверт.

Это был приказ о немедленной эвакуации гражданского населения. В ответ на Сашино «Яволь!» жандарм повернул мотоцикл и уехал. Поблизости никого нет. Александр засунул конверт за пазуху. Оглянулся и зашёл в уборную. На мелкие клочья порвал приказ гатчинского коменданта и пошёл дальше, искать путь скорейшей свободы.

Снующие вокруг немцы из штатсгута не обращали внимания ни на что. Каждый торопился ухватить себе что-либо из казённого имущества. Заранее предупредив вохоновцев о грозящей им эвакуации, Александр направился к литовцам. Предстоял побег в лес. Однако старший из них вышел к нему с огорчённым лицом.

– Мы ещё вчера посоветовались с товарищами и решили пока воздержаться от побега.

Александр начал пытаться переубедить их:

– Как же так?! Мы же столько готовились! Запасли продукты! Если не сейчас, то никогда нам не вернуться к своим!

Литовцы качали головами и наотрез отказывались бежать. Александру предстояло уходить к своим одному.

* * *

Быстро темнело. Александр продолжал путь, часто останавливаясь и прислушиваясь. Шум доносился со стороны Вохонова, стрельба со стороны Низковиц и Большого Ондрова. Иногда стрельба вдруг прекращалась.

Саша подкрался к опушке у дороги на Березнёво. Вот проехала одна машина, потом другая. Снова дорога опустела. Есть ли кто тут? Стоят ли посты? Патрулируется ли дорога? Выход из леса для Александра стал проблемой. Он понимал: поймают – всё! Не отговориться никаким немецким.

В кармане Саша сжал изготовленный нож с наборной ручкой из разноцветного оргстекла. «В случае внезапного столкновения с патрульным, скажу 2-3 слова по-немецки и ударю» – ему нечего было терять.

Приглядываясь и прислушиваясь, Александр двинулся вдоль дороги. Никого. Быстро перебежал опушку.

Вдруг в нескольких шагах рявкнула немецкая команда и грохнул залп миномётов. Стараясь не наступать на ветки, он осторожно отходил опять вглубь леса. Александр выбрал место под густой елью с низко нависшими над землёй длинными ветками. Немного разгрёб снег. Вытащил из вещмешка валенки. Надел вместо сапог.

Со стороны Елизаветино[40] ухнул выстрел тяжёлого железнодорожного орудия.

– Сволочи, – подумал он, – С Ленинградом прощаются. Из Гатчины, верно, орудие привезли…

40 Сейчас – Николаевка.

По расчётам Александра, немцы должны были оставить Вохоново буквально часа через четыре после его бегства. Перед рассветом стрельба стихла; заурчали машины. Он догадался: отступили.

Александр решил пробраться к Вохонову, даже зайти в деревню, чтобы выяснить положение. К посёлку подошёл со стороны леса. Не заметив никого, пересёк узкую улочку. Осторожно постучался в окошко первого попавшегося дома. В нём жила вдова Вера Наукас. Она выглянула и тихонько отворила дверь:

– Сашка?!

– Тётя Вера, немцев у вас нет?

– Нет. Заходи, Саня.

– Тебя позавчера искали. Приходили в деревню. Спрашивали. Ну, мы, конечно, ничего не знали. Говорили: ещё придут.

– А где наши?

– Никто ничего не знает. Переоденься.

Саша надел картуз вместо пилотки. Какой-то шарф.

– Убежал всё-таки!.. Молодец!.. – причитала Тётя Вера.

– Надо уходить в лес, – настойчиво повторял Александр.

Неожиданно на улице послышались беспокойные голоса местных беженцев, которые, сбившись в кучу, не знали, куда им иди дальше.

Тётя Вера наспех свернула в свой платок остатки провизии для Саши. Она понимала, что его не удержать! Александр выбежал на улицу. В этот миг он почувствовал себя свободным.

Вдруг свистнул один снаряд, за ним – другой, и рядом, у самого края леса, загремели разрывы. Воздух наполнился свистом, шипением и грохотом.

– Давайте быстрей! – приказывал Саша, – Уходим!

Через несколько минут возле дома вытянулся небольшой обоз. Человек тридцать из разных семей пристроились за обозом.

– Пошли! – скомандовал Александр, и направился к лесу. За ним тянулся весь обоз. Вновь засвистели снаряды.

– Скорей в лес! – кричал колонне Александр.

Весь обоз отступающих въехал в лес.

* * *

В Вохонове уже стояли части красноармейцев. Александр и его колонна из стариков и детей уверенно направилась в деревню. Александр в глубине души полагал, что если не орден Ленина, то даже Героя Советского Союза ему дадут (казалось, что он достоин этих отличий: ведь в плену не уронил чести русского солдата, никого не предал, не сменил грязнущую латанную и перелетанную красноармейскую форму на вражескую, даже пятиконечную

звёздочку сберёг в прокладке фуфайки).

Вышли из леса поблизости от дома старосты Василия Миронова.

– Зайди сюда, – указал он, – Я нашему батальонному сказал, что ты убежал из плена. Так он хотел тебя видеть.

Майор хмуро глянул на Сашу.

– Вы знаете, что такое «контрразведка»?

– Догадываюсь, – ответил Александр, – Это, наверное, для борьбы со шпионами и разведкой противника.

Майор утвердительно кивнул. Александру приказали сесть в машину. Его было велено отвезти в соседнее Березнево. Саша не сразу понял куда.

День 26 января 1944 года он будет помнить всю жизнь.

Шофёр майора провёл Сашу в соседний от Березневской школы, где располагался временный штаб, дом, и сдал часовому.

В большой комнате на полу лежали красноармейцы. Ещё толком не понимая, где он находится, Александр с нетерпением ждал, когда он сможет свои знания, приобретённые в плену, свою жизнь, поставить на службу Красной Армии.[41] Часа через два Александра вызвали и отвели на допрос в соседнюю избу.

В избе сидели два майора. Александр, долго сдерживавшийся в плену, захлёбываясь от нетерпения, стал рассказывать о своих приключениях. Щеголеватый майор слушал, покачивая ногой в блестящем добротном сапоге.

Вдруг майор резко поднялся и спросил:

– Ты можешь доказать, что ты еврей?!

Александр смущённо улыбнулся и ответил:

– Конечно, могу. Спустить брюки?

– И ты говоришь, немцы не знали, что ты еврей?..

– Если б они знали, поверьте, я бы не стоял здесь.

– Ах ты, жидовская морда! – возгласил щёголь и ногой ударил Сашу в живот.

Саша, вдруг задохнувшись, упал.

– Что ты всё врёшь?! Говори... с каким заданием послан?! Кем завербован?! Когда?! Сколько продал?! Сколько повесил?! Тварь! Кличка?! – он орал, а Александр, корчась от боли, пытался подняться с пола.

Наконец, Саша кое-как вдохнул и сказал:

– Я не предатель. Никого не предал и не продал, обо мне можно спросить в Вохоново.

Щеголеватый вскипел:

– Говори, где перебежал к ним?!.

Нелепые вопросы сыпались градом. Майор, озверев, стал избивать Алек-

41 Через десятки лет А. С. Клейну от имени Президиума Верховного совета СССР от 22 декабря 1942 года будет вручена медаль «За оборону Ленинграда». Награда за его героическое участие в воинских операциях 3-го Дзержинского стрелкового полка на Лужском рубеже.

сандра. А ночью, отёкшего и обессиленного от побоев, его вытащили во двор, инсценируя расстрел.

Александр понял, что в подобной ситуации ему необходимо говорить то, что хотят от него слышать. Фантазии ему было не занимать. По подсказкам следователя он назвал фамилии тех, кого помнил:

– Фон Бляйхерт меня завербовал. Сколько вам надо чтобы я написал человек, которых агитировал вступать во Власовскую армию – тысячу, двести, восемьдесят?..

Довольный следователь успокоился.

– Хватит и восемьдесят. Пиши.

Конечно ни одной фамилии из «завербованных» Алескандр «не помнил». Хотя сам следователь на эту нелепость внимания не обратил.

Александр никак не мог «признать», что «добровольно сдался в плен» и, что «немцы знали, что он еврей». Тут его фантазия истощалась. Когда Саша писал на себя самонаклёп, ординарец указал, что будет лучше, если Александр припомнит, что участвовал в немецкой пропаганде.

После всей «увертюры» унизительных допросов Александра перевезли в Ленинград на улицу Воинова, в следственную тюрьму.

Без свидетелей и защиты он предстал перед военным трибуналом.

* * *

В одиночной смертной камере Александра держали несколько суток. Камера находилась в конце «мостков», своеобразного коридора тюрьмы. Саша боялся, что расстреляют его совершенно голодным. А умирать натощак не очень хотелось. Он знал, что если что… тюремщики съедят его пайку. Обидно.

В первую ночь он спал с перерывами. Ему постоянно снились немцы, посёлок Тосно, побег. Во сне было гораздо страшнее, чем на самом деле. Смешивались события, рядом оказывались люди, знавшие, что он еврей. Разоблачение в его снах представало в образе огромного пня, покрытого слизью и отвратительной зеленью. Фантастический пень мог разговаривать с ним. Произносил мерзкие, трескучие слова презрения в адрес Александра. Саша просыпался, мысленно стряхнув с себя ужасные картины прошлого.

Дежурные в тюрьме к «смертникам» относились с неким сочувствием и равнодушием. В момент, когда «кормушка» открывалась, можно было перекинуться несколькими фразами-обрывками о текущем дне. В очередной раз Саша решил признаться одному из них в том, что он здесь находится «по ошибке».

Дежурный Егор Палыч был по-отечески добр. Открывая кормушку, всегда обращался как-то по-домашнему.

– Сынок, хлебать подано! Не торопись, я подожду.

Черпаком, скрежеща по дну кастрюли, выгребал гущу баланды.

– Спасибо, Палыч. Я ведь не «смертник». Из плена убежал, а себя заставили оклеветать!

– Да брось ты! Если б убежал – наградили бы орденом, а так… не ври!

На ходу глотая из глиняной тарелки похлёбку, Саша пытался доказать обратное.

– Палыч, ты простой мужик. Неужели не понимаешь. Что происходит вокруг?! Правды нет, особенно – к нам.

– Ну, верю-верю. А выжил-то как?

– К тому же ещё я еврей и в гуще немцев остаться невредимым – это нонсенс!

– Говоришь по-нерусскому. Но что-то кумекаю. Перевидал этих подлюг-предателей. Взгляд у них другой, продажный. А ты – открыт и вроде бы честно говоришь!

– То-то и оно, честно!

– Ладно, давай ещё пайку налью. Тебе крепиться надо. Ешь!

Саша покрошил дополнительную пайку хлеба в похлёбку и продолжал:

– Не знаешь, Палыч, когда меня?.. – Саша жестом показал на себе выстрел в висок.

– Нет, сынок, это нам запрещено знать! Жалко тебя, ребёнок, дитя смерти ты! – Палыч на минуту задумался от умного, ёмкого выражения, которое неожиданно пришло в его голову.

И затем добавил:

– Ты не обижайся на нас. Мы тоже подневольные. Нам приказали – мы выполнили. Хотя на душе паскудно. Прости! – и захлопнул дверцу кормушки.

Пошли вторые сутки пребывания в камере смертников. Саша, от нечего делать, беспрерывно мерил камеру из угла в угол шагами по диагонали. Неожиданно стал думать о том, как бы ему убежать?!

Если бы он был настоящим предателем, ушёл бы с немцами. Добрался бы до Парижа к брату матери, дяде Симе. Получил бы любимую профессию – и прощай, проблемы, а тут…

Александр понял, что он разговаривает на несколько голосов вслух сам с собой. Задаёт вопросы и отвечает, не задумываясь: «Я правильно сделал, что убежал. Я спокоен. Расстреляют, – одна секунда – и всё! Главное, я – есть я. Комеди-я!

На исходе четвёртого дня снаружи лязгнул железный замок. Это был знак: выходи. В голове Саши, как в детском калейдоскопе, забегали эпизоды детства, войны, лица родных. Он понимал, что это всё. Мурашки обдали холодом его тело. Он поднял голову, перешагнул через порог камеры. Руки по привычке приросли к спине сзади. Охранники молча повели его в дру-

гой переход тюрьмы. Кованые сапоги до остервенения лязгали, выстукивая мерные призмы железных шагов. Остановились около другой камеры, на ней был номер «7». Вновь лязгнул замок. Его пренебрежительно втолкнули внутрь. Это была обычная одиночка. Под потолком, как показалось Саше, комфортно горела сиротливая лампочка.

«Что бы это значило?» – Саша находился в полной растерянности.

В камере были настланы доски, как нары. На них, прикрытые тряпьём, неподвижно лежали тела. Саше показалось, что это трупы. Вдруг, тряпьё зашевелилось и один «труп» приподнял голову на длинной шее, покрытой седыми волосами.

– Вы сколько часов здесь? – обратился Саша к «трупу». Рядом лежащие начали удивлённо поднимать головы.

«Труп» непонимающе, бесцветными белками глаз посмотрел на Александра.

– А вы?

– Я – четверо суток, 96 часов.

– Ох ты! И не расстреляли?..

– Мать твою так, ложитесь. Придурки! Дайте перед смертью поспать! – матерно выругался рядом лежащий доходяга.

В дверной замок глянул коридорный. Стукнул в кормушку:

– Тише! Спать!

– Значит тебе замена, если из «смертников» к нам перевели, – пробурчал старик, первым встретивший Александра, – Ложитесь! Теперь будешь доживать, значит, Богу угодно. Не грешный.

– Прекрати свои проповеди! – вновь взвизгнул сосед.

– Не обращай внимания, он бывший преподаватель немецкой школы разведки в Риге, а выдаёт себя за начальника советской контрразведки. Спи.

И «трупы», кряхтя и постанывая, вновь закопались в чрево своих омерзительных тряпок.

* * *

Рафаил, как и все старшеклассники, особое внимание уделял своему внешнему виду. Девчонки зачастую его называли «мудрый барашка», за кучерявую шапку чёрных волос. Для Рафы было мучительным испытанием, просыпаясь утром, расчёсывать непокорные пряди. А сегодня предстоял ответственный день – первое свидание с Никой, десятиклассницей с параллельного класса.

– Дядя Борис, посоветуй, как мне уложить мои спиральки? – Борис Ильич отложил в сторону карандаш.

– А что, они тебе в тягость?

– Да надоело уже их разгребать по рядам, хотелось бы чего-то особенного, чтобы без муки.

Дядя Борис лукаво улыбнулся:

– Ну, мой друг, есть у меня одно супер-средство. Ученик привёз из Германии. «Бриолин» называется.

– Что-то о таком и не слышал, – Рафа стал вспоминать производные слова, но ничего не шло на ум.

– Всё просто, возьми на столике вон ту зелёную коробочку, слегка намажь субстанцию на волосы и равномерно распредели по всей голове.

– И это всё? А дальше? – Рафа открыл коробочку, изнутри исходил запах лаванды и камыша.

– И, конечно же, не жалей! Мажь и мажь! – Дядя вновь погрузился в тишину своих книг.

Рафаил, весёлый от нового приобретения, вышел в свою комнату. На комоде стоял зеркальный трельяж. Себя можно было видеть с трёх ракурсов. Рафа открыл коробочку, и густой, липкий бриолин постепенно стал перемещаться на его голову.

Наконец, процедура была завершена. В последний раз, аккуратно промокнув полотенце на голове, Рафаил взглянул в зеркало. Время поджимало. На него из отражения смотрел другой юноша. Примазано-блестящий череп, как у трактирных приказчиков, условно напоминал пушистую голову с кучеряшками. Стерев с лица жирные потёки, Рафа вздохнул: «Красота требует жертв!» – и выбежал на улицу

То ли от яркого солнца, то ли оттого, что Рафаил явно переборщил, неожиданно бриолиновое покрытие стало расплываться.

Ника ждала возле школы. Как только Рафа незаметно к ней подкрался и крикнул: «А вот и я!», раздался неимоверный крик. Ника, увидев непривычно замазанного Рафу, стала кричать:

– Сатана! Помогите! Сатана!

На её крик выбежала учительница математики Берта Аркадьевна.

– Клейн! Ты опять юродствуешь?! Школа – это не театр! Прекрати пугать людей!

Рафаил растерялся. Он не мог понять: чем испугал окружающих его внешний вид? Ника продолжала кричать:

– Бриолиновое пугало! Как ты мог?! Уходи! Не прощу! – резко повернувшись, она побежала со школьного двора прочь.

Рафаил, словно побитый щенок, в отчаянье побежал домой. Одна только мысль пульсировала внутри:

– Скорее домой! Смыть весь этот позор! Никогда!..

Дядя Борис и Сока встретили его заливистым смехом.

– Как ты мог поверить, что бриолина чем больше, тем лучше?.. Какой ты ещё наивный! – хохотал Борис Ильич.

Рафаил вдруг осознал свою ошибку. Смех обиды неожиданно разобрал его изнутри.

– Жених, бескурчавый жмых! – он теперь смеялся вместе со всеми.

Неожиданно в стену требовательно постучали соседи:

– Прекратите! У нас ребёнок спит!

Сока вскипятила воду для мытья головы. Огромный коричневый кусок хозяйственного мыла она берегла для особого случая:

– Иди, превращайся в себя!

Рафа пошёл в ванную комнату. Больше никогда он не экспериментировал над собой.

Жизнь в самом себе – продолжалась.

* * *

– Вот оно – искупление, Господи!.. – мелькнула мысль, почти неосознанная, и Александр вошёл в кабинет, где заседал военный трибунал Ленинградского фронта. Шёл апрель 1944 года.

За столиком сидел старшина, а рядом с ним – ещё два надзирателя. Александр замер, как в прыжке со стены высотного дома.

– Фамилия?! Имя?! Отчество?!..

Он назвал.

– Помилование писали?

– Писал. Сразу после суда дали бумагу: пиши.

Старший почесал под носом и пристально посмотрел на Александра.

– Так вот, на ваше помилование пришёл ответ, – сказал старшина. В руках он держал какую-то бумажку.

Александр замер. Взгляд его становился напряжённо-внимательным. Он неотрывно следил за рукой старшины, которая теребила толстую самокрутку. Табак из неё то сыпался, то вновь обретал форму. Все затихли, он начал медленно читать:

«…Верховного Совета... Союза Советских Социалистических Республик… приговор Клей-ну Рафа-илу Со-ло-мо-но-ви-чу… расстрел…»

Читающий не мог отказать себе в психологической пытке, в удовольствии потянуть время. Это, вероятно, доставляло ему наслаждение.

– Дай прикурить, – обратился читавший к дежурному. – Опять погасла.

Затем он что-то промычал, шаря глазами по листку, и снова начал:

– Та-ак… Приговор… Клейну… Рафаилу Соломоновичу… расстрел, – он сделал паузу и продолжал по слогам, – за-ме-нить, – снова пауза, – двадцатью годами каторжных работ. Распишись.

Александр ещё не мог осознать толком, что такое «каторжных», но понял главное: расстрел заменён.

– Дайте, пожалуйста, докурить, гражданин начальник!

– На! – и он протянул недокуренную цигарку.

Глава VI

В камеру вошёл заключённый с вещмешком, довольно объёмистым, в огромной шапке-ушанке. Глянув на Сашу, он кинул мешок на койку и произнёс:

– Сколько?

– Чего?

– Сроку, не понимаешь, что ли?

– Замена вышки: двадцать лет каторги.

Вошедший свистнул.

Снова лязгнул замок. Втолкнули ещё одного. Тот глянул на сокамерников и молча стал, едва кивнув в знак приветствия, устраивать своё ложе.

– Вы все тоже из смертной? – прервал Александр молчание.

Те замотали головами. Первый спросил:

– Из смертной? По пятьдесят восьмой? – Саша кивнул. Он усмехнулся:

– Позднее подохнешь.

– А вам сколько дали?

Он матюгнулся:

– Нам – что?! Мы честные советские люди, не враги народа, не фашисты. Хотели припаять политику, да не вышло. Понимаешь?

– Не понял…

– Мы здесь временные. Наша статья «за воровство», безопасная.

Снова лязгнул замок. В дверях появился худой молодой человек. Он быстро окинул взглядом присутствующих:

– Вы тоже из смертной?

– Я из смертной, – Саша подал руку.

– Повезло.

Интеллигента звали Станиславом Гайдовым. Был врачом на фронте, но при выходе из окружения попал в плен. В виду нужды в медиках немцы его освободили и он стал врачом в Гдове. При подходе Красной армии убежал в лес. Александр почувствовал в нём родственную душу.

– А ты? – спросил Станислав.

Саша почувствовал, что его душат слёзы:

– Я всё время был пленным, скрывал, кто я… Убежал и… Сам себя оклеветал в СМЕРШе. Наговорил то, чего вообще не было и быть не могло.

Надзиратель открыл «кормушку», выдал утреннюю пайку хлеба и баланду, в которой плавало несколько крупинок. Сокамерники принялись быстро поедать содержимое варева.

Стас как-то настороженно продолжил начатый разговор:

– Как же ты, еврей, выжил у немцев?..

– Я избегал медосмотры, особенно будучи у жандармов, эсэсовцев в Тосно. За «враждебную пропаганду» был осуждён ими на расстрел и спасся. Был в лагерях в Чудове, Любани, Гатчине, а потом – в штатсгуте (совхозе) Вохоново.

– Вероятно, ты на допросе проявил малодушие. Испугался, – Стас задумался, вспомнив о чём-то своём.

– Да, мои нервы не выдержали. Я осознал свою глупость – воображал себя чуть ли не героем, а тут… Вырвался.

В камере, словно двухголосый баян, раздался храп уголовников. На Александра и Станислава, политических, им было плевать, «58-я» – «изменники», а «обычные» уголовники – «народ».

Александр продолжал. В окно прорывался серый поток белых ночей, он обозначил чёткий квадрат на бетонном полу. Запах хлорки доносился из коридора. Наступало утро нового дня.

– Меня не били, – продолжил Стас, – но ставили в унизительное положение, брали измором, требовали лжи.

– Веришь, Стас, я никогда не мог подумать, что есть целая каста штатных «служителей Фемиды», чья жизнь посвящена извращению правды «во имя высших государственных интересов…»

– Ещё какая. Но как ты смог выжить у немцев? Никак не пойму? – Стас покачал головой.

К утру в камеру втолкнули ещё несколько человек. Дежурный предложил:

– Кто хочет во двор дрова пилить?

Александр и Станислав выказали желание быть первыми. Весеннее солнышко пригревало, и после смертной, откуда на прогулку не выводили, этот тюремный двор казался светлым преддверием новой жизни, в которую он вступал.

Александру казалось, что он не в «Крестах», а на Моховой, в родном институте. Отсюда, лишь час ходьбы – и он свободен. Но голос охранника прервал весенние мечты:

– Клейн и Гайдов, вы каторжане, и вас не положено выводить! Руки за спину! Назад в камеру!

Так, впервые, Александр почувствовал, что для политических не всё будет просто в тюрьме. На них висело клеймо «врагов народа».

* * *

Впервые Рафаил решил устроить домашний театр, когда ему исполнилось восемь лет. В тот день взрослых в квартире не было. Он знал, что дядя в ин-

ституте, а Сока в деревне. Прочитав сказки Гофмана, Рафа решил: поставить свою, самую что ни на есть лучшую пьесу, не повторять же классиков?

Во дворе Рафа провёл массовый отбор актёров.

– Мне на роль нужна самая полная девчонка. Она будет играть Королеву Сытости! – Рафа пытался перекричать толпу гомонливых сверстников.

– Муся! Муська будет! Она жирнее коровы! – кричали претенденты.

Из толпы вышла гордая Мария. Не по годам она была очень крупной и пухленькой. Курносый нос, обгоревший на солнце, придавал ей некую характерность и комичность.

– Ну и буду! Хватит орать! Мальки худосочные! – Этот ответ у неё был всегда заготовлен для тех, кто дразнил девчонку.

– Ещё! Выбираем самого маленького гномика-замарашку. Он станет врагом Королевы.

Толпа с шумом и гиканьем вытолкнула маленького Егора.

– Ну, Егорка, хочешь в театр? – Рафа по-отечески приобнял малыша.

– Не знаю… – он судорожно стал подтягивать лямки от штанов, которые так и норовили упасть.

– Берём! И последнее. Выбираем принцессу!

Толпа одобрительно загудела. Все знали, что красавицей среди них была Ленка Музы́ка. С такой звучной украинской фамилией. Действительно, редкой, светлой красоты девочка. Всегда гордая и независимая, она шла по двору, что даже взрослые оборачивались ей вслед и говорили: «Наша Фея идёт».

Рафаил определился с труппой быстро. Но прежде громко объявил:

– Через полчаса – ко мне домой! На спектакль! Входной билет – конфета! Любая!

Малыши о чём-то заспорили, но Рафаил вместе с актёрами побежал готовиться к премьере.

В тёмном чулане Соки хранился старый зелёный сундук; в нём было видимо-невидимо: шляпок, шалей, курточек, бантов, перчаток, словом, всего так необходимого для театра.

Рафа, как заядлый костюмер, начал быстро одевать исполнителей. Муся возмущалась:

– Разве это королева? Почему я должна носить драного кролика, а не соболя?

– Успокойся, представь, что тебя обокрали и всё, что осталось – это пальто огромного размера.

– Так не интересно, – вдруг она увидела гипюровую кофту с серебряными нитями, – Вот, она! Я хочу так, чтобы блестеть, как тётя Изольда из 15-й квартиры.

– Ладно. Успокойся. Блестеть, так блестеть! Леночка, а тебе самый красивый наряд. Кусочек парчовой ткани. Заколи его булавками. Торопись.

Лена – красавица – поморщилась. Ей, вероятно, не по душе был бордовый отрез Соки. А Рафаил продолжал торопить актёров. Самому медленному среди них, Гному, он достал нелепую по цвету летнюю панаму. На себя набросил белую жилетку дяди Бориса. Словом, актёры были готовы.

Ровно в назначенный час зрители затарабанили в дверь. Рафаил, как актёр, но в данный момент кассир, побежал открывать дверь. Билеты-конфеты были разными. Подушечки, монпансье, и даже одна среди них шоколадная. Всё это торжество первого гонорара складировалось на газету возле входа. Рассаживались шумно в коридоре, кто куда пристроиться. В ход шли санки, коробки, табурет.

Наконец, наступил час премьеры! Рафа постучал мельхиоровой чайной ложечкой по пустому стакану. Всё – театральный звонок. Дверь в комнату Рафы открылась. В импровизированной мизансцене замерли, как в стоп-кадре, юные звёзды театра. И действо началось.

Текст рождался мгновенно. По ходу. К чести дворовых актёров, они очень старались. Но, конечно, более других, яростно играл Рафаил.

Он бился в истерике, когда Гном похитил принцессу. Рыдал от горя. Хохотал и мстил Королеве. Словом, когда закончился спектакль, вдруг, зажжённая рядом с занавесом свеча подхватила «языком пламени» тюлевую штору. Актёры испугались, особенно Рафа. Забегали. Зрители, ничего не понимая, стали хохотать и хлопать:

– Надо же, как в театре! Ура!!!

Рафа метался по квартире, пытаясь найти ёмкость для воды. Схватил пустую кастрюлю, кто-то уже тащил ведро... В общем, пожар был потушен.

Довольные зрители, уставшие от случившегося актёры и взволнованный Рафа праздновали победу над огнём. Газетку с конфетами они расстелили прямо во дворе. И, перебивая друг друга, стали пересказывать свои впечатления об увиденном, и об эдаком «огне творчества», тут же поедая «сладкие билеты».

Вдруг знакомый голос Соки требовательно прервал творческую идиллию. Рафа понимал, что самое печальное для него начнётся именно сейчас. Но радостное состояние перевоплощения в кого-то осталось в нём навсегда. Он чувствовал, что быть Творцом – это очень ответственно.

* * *

Александр боялся спать в тишине тюремных камер. Бесконечные пересылки по этапам: в Котласе, в Куйбышеве, Челябинске, Свердловске, Перми, потом в Новосибирске, Иркутске, Оренбурге, и несть им числа, –напоминали режимную карусель аттракциона «Стой там, иди сюда!».

Он не мог поверить в то, что обречён на смерть в заточении. Силы его тая-

ли. В переполненных камерах вместе находились и блатные, и политические.

Узнав, что Сашка артист, блатные просили рассказать что-нибудь интересное. И Саша тихо, не торопясь, пересказывал любимые с детства исторические романы вроде «Князя Серебряного», «Аскольдовой могилы», «Девяносто третьего года». Блатные в благодарность угощали его осколком сахара или хлебом.

Александр вспоминал сказанное однажды дядей Борисом, что голод лучше запивать большим количеством крутого кипятка. Это создаст ощущение сытости, единственное – будут очень отекать ноги. Из глиняной миски с помощью деревянной ложки он неоднократно опробовал на себе данный рецепт. Боже мой! Каким вкусным казался тогда горячий кипяток, подаваемый в камеру по утрам и вечерам!..

В общей камере блатные часто проводили «развлекательные» испытания.

– Кто сможет съесть пайку за сто шагов? – предложил рыжий верзила сокамерникам.

– Я смогу, – Александр шагнул вперёд.

– В случае проигрыша платишь своей кровной пайкой, в случае выигрыша получишь вдобавок ещё хлеба.

– Давай. Запросто! – Саша уверенно шагнул к двери камеры.

Вся камера встала по сторонам узкого прохода в две шеренги. Александру необходимо было, встав между ними, шагать и есть пайку.

Счёт начался. Все громко стали выкрикивать: раз, два, три, четыре…

Александру поневоле хотелось в такт счёта кусать, жевать. Счёт по указке блатных шёл довольно быстро.

– Не смей шагать медленно! – кричали они.

Кто-то из каторжан старался подставить ножку. Одним словом, Александр съел полпайки. И на последних цифрах счёта: «девяносто девять, сто…» – запихнул остаток хлеба в рот.

Не тут-то было.

– Мочи его! Тащи пайку изо рта! – кричали зэки.

Александра сбили с ног и дали несколько раз по рёбрам. Начавшееся избиение прекратил «хозяин» камеры. Мрачный, весь в наколках, поволжский немец Бруно Месснер. За разбои и грабежи он сидел ещё с 1920 года. Каторжане забрали, согласно уговору, пайку Клейна за 2 дня.

Избитый и истощённый, питаясь одним кипятком, он валялся под нарами. На следующий день к нему подошёл Бруно. Он оказался настоящим немцем, который свободно разговаривал на немецком языке. Саша, зная об этом, обратился к нему на немецком. Месснер удивлённо уставился на избитого каторжанина.

Вкратце Клейн стал рассказывать ему о себе. О плене, о следствии. Бруно прервал его рассказ:

– Запомни, ты ведёшь себя глупо, с блатными ни в коем случае нельзя спорить «на интерес»: они обязательно обманут и вывернутся, – он скрутил цигарку.

– Я ведь не знал, – начал оправдываться Александр. Обозлённые голоса сокамерников оборвали их диалог.

– Базарьте по-русски, а то влепят по «пятьдесят восьмой»!

Бруно резко остановил выступающих против труднопереводимым жаргонным выражением.

В камере наступила тишина. Только пробегавшая мимо крыса остановилась и принюхалась: «Нет ли чем поживиться?» – её, вероятно, где-то в норе ожидало с добычей многочисленное семейство.

* * *

Рафаил с девчонками был очень обходительным. Будучи старшеклассником, он пытался всегда быть первым, чтобы девушки нет-нет, да и обращали на него внимание.

Однажды решил всех шокировать. Где-то вычитал, что жалость к мужчине, его физическое недомогание, вызывают у женщин чувство сострадания и материнской опеки. В классе училась новенькая, звали её Миля. Приехали они в Киев недавно, из Саратова. Её отец, отставной генерал Красной Армии, был тяжело ранен, его комиссовали, так они оказались на Украине.

На первый урок Рафа чуть-чуть опоздал. Недалеко от школы располагался длинный деревянный сарай, в котором хранились сломанные парты, шкафы, глобусы. Словом, вся ненужная школе мебель и инвентарь. Одна из дверей закрывалась на деревянную щеколду. Рафа с мальчишками часто забегали туда, чтобы провести тайное заседание «штаба». Здесь всегда принимались, казалось, правильные и выверенные решения.

Вот и сегодня он должен решиться на многое. Быстро соображая, разворошил кучу из досок, вытащил самую короткую. Она будет лангетом. Приладил ей к ноге. Достал бинт из запасов дяди Бориса и стал быстро перевязывать ногу. Получилось подобие гипса. В углу стоял круглый черенок от лопаты. Всё вроде бы сходится.

До школьного звонка оставалось несколько минут. «Необходимо спешить», – подумал Рафа, – иначе не дойду.

Правая нога действительно не двигалась, только усилием воли её можно было волочить по земле. Так он и поковылял к парадному входу.

Изобразив на лице страдание и боль, он молниеносно соображал: что же такое страшное могло с ним произойти?.. Мысль пришла мгновенно. Якобы он стоял на остановке, а бедная старушка пыталась перебежать трамвайный путь, и вдруг – резкий тормоз машины. Рафа спасает несчастную, а его нога

попадает под молох гигантской машины. Здорово!

По тихому школьному коридору неожиданно раздался одинокий гулко-шаркающий стук. И, вот он, герой, в центре внимания. Кто-то в классе захихикал, кто-то удивлённо вздохнул, а Миля почему-то отвернулась в окно.

Учительница ботаники, выслушав «героя», предложила «инвалиду» сесть на её стул, так как нога не помещалась за парту.

Прозвенел долгожданный звонок. На перемене все одноклассники окружили Рафаила. Только Миля оставалась безучастна. Когда голоса сострадания притихли, она поднялась с места и громко, чтобы все слышали, сказала:

– Рафаил, ты – лжец! Только что ты шёл в школу здоровым, а, затем, спрятался в сарае и оттуда вышел больным! Ты думаешь, мы дураки!

В классе раздались недоумённые голоса, перешедшие в крик. Рафаил бодро соскочил со стула и на глазах у всех начал демонстрировать чудо-выздоровление. Разматывать бинты помогали почти все мальчишки. Рафа от отчаяния и оттого, что его план провален, кричал:

– Зря ты так, Милька! Да, я нарочно придумал, чтобы ты полюбила убогого, а ты?!..

– Дурак ты, Рафа! Таких не любят, а любят за мозги и сердце! – Миля выбежала из класса. Она плакала.

Медсестра школы Ольга Савватьевна прибежала на крик ребят:

– Где Клейн?! Его срочно в больницу! Я вызвала «скорую»! – увидев здорового Рафаила, замерла.

– Вот так нога, – констатировал свой диагноз Рафаил, – будьте бдительней на дорогах, – и выбежал вслед за Милей.

После данного «медицинского геройства» над Рафой смеялась вся школа. Даже директор не пытался его наказать, только загадочно произнёс:

– Даже «гипсовая» любовь не способна пробить сердце того, кто не отвечает взаимностью.

Рафаил сделал для себя главный вывод – нельзя «жалобить» и искать приюта в сердце, которое не любит. Как жаль!

* * *

Одна из старейших сибирских тюрем XIX века – Александровский централ, близ Иркутска.

В январе 1945 года Александра – и многих каторжан привезли по сопкам и через густой еловый лес во двор, окружённый каменной стеной и колючей проволокой. Стоявший рядом с Сашей старик обморозил ноги. Саша поддерживал его как мог. Стали поимённо называть вновь прибывших и распределять по камерам. На Сашином счету это была уже седьмая тюрьма.

Александр слышал, что цифра «семь» – это число ангелов. В душе подумал, что, может быть, здесь повезёт.

Единственное окно камеры выходило во внутренний двор тюрьмы, где находились прогулочные дворики. Чтобы заключённые не выглядывали из окна, на нём снаружи был пристроен огромный «козырёк» или «намордник».

В камере стоял ужасный холод. Нары были в два яруса. Когда после всех положенных процедур: проверки по делам, шмона и медосмотра – прибывших оставили в покое, все стали дружно топтаться в проходе между нарами, пытаясь согреться. Постепенно камера согревалась дыханием и теплом тел. Восемнадцатая камера, в которую поместили Рафу, считалась самой страшной.

– Тут хрен съешь, два выкакаешь! – крикнул Мишель, прибывший по этому этапу с Александром.

Кто-то в углу закашлял, надрывно и громко:

– Заткнись! Сиди. Вдыхай параши смрад! Ты – скот.

Все, кто мог, обернулись на голос изнутри камеры. Александр попытался занять верхнюю полку, но на ней уже лежало три «скелета»: то ли люди, то ли призраки… Они безмолвно умирали

Мансур, так звали крымского татарина, который считался в камере главным, был осуждён в шестой раз за шпионаж, до этого шёл по уголовным статьям. Коренастый, широкоплечий, выше среднего роста, он молча ходил по камере, как-то по-особому широко расставляя ноги. На стоны доходяг морщился и что-то быстро произносил на родном языке. В общей сложности он провёл в тюрьме около тридцати лет, поэтому русский язык для него стал родным. Несколько раз в день он становился на молитву; утром делал намаз символически. Был добр и справедлив.

Как-то в камере разгорелся географический спор, в центре которого оказался Александр. Сокамерники пытались доказывать, что есть всего два полушария – восточное и западное, но Саша стал детально объяснять, что мы живём в северном, а есть ещё и южное. Что тут началось!

– Чего ты нам, жидовская морда, мать твою так, мозги дуришь?! – заорал кто-то из бывших полицаев, – Может ещё скажешь, що наша Украина тоже в северном полушарии?!

– Да, – спокойно ответил Саша и попытался кое-что объяснить насчёт экватора.

– Бей его в морду! Бей!...

Александра избили, но он был упрям. И вновь вступился Мансур. Он приказал всем замолчать.

– У-ух, два нехристя сошлись, – раздалось сбоку.

– Собака! – это было самое жестокое ругательство правоверного мусульманина.

В интернациональной камере воцарилась тишина.

В тюрьме Александр научился различать и «читать» звуки. Главным из них был – раздача еды. В деревянных кадках по времени приносили баланду, все знали это и без часов. Лязганье замков, как складной железный «веер», поминутно приближал час еды. В баланде плавало несколько микроскопических крошек единственно твёрдой пищи – американской мясной тушёнки. Самые наглые блатные вылавливали все кусочки свинины и делили их между собой. Так называемый чай с плавающими прожаренными древесными опилками считался пойлом «за падло». Его никто никогда не пил. Глиняные миски всегда находились в коридоре у надзирателей. В камере всегда назначались дежурные, которые от дверей или от окна разносили по нарам хлеб и баланду.

Эту зиму Александр не мог ходить на прогулки: нечего было надеть, да и здоровье уходило день ото дня. Одно спасение – когда Саша по просьбе сокамерников рассказывал им романы, читал стихи. Кто-то просил открыть им тайны театра. Словом, тюремное искусство было востребовано всегда.

* * *

В первый и в последний раз Рафаил пробовал водку. Под новый, 1940, год. Сокурсник Рафы Самуил Гольдовский был сыном начальника Ленинградского Наркомпищепрома. Конфеты, шоколадки, икра, о которых многие из начинающих актёров только мечтали, у Самуила появлялись по любому поводу и без. Девчонки пользовались его щедростью часто. Они кокетничали с Гольдовским в случаях личной выгоды и в период различных праздничных ситуаций.

– Будем праздновать по-взрослому! – Самуил вытащил из рукава полушубка чудо-бутылку.

Рафаил впервые видел подобное водочное «произведение». Выдавленное на толстом стекле тыльной стороны бутылки название читали вслух: «Наркомпищепром Главликёрводка СССР».

– Ого! – возглас восторга произнесли одновременно.

Рафаил отворил дверь комнаты и выглянул в коридор. Никого не было видно. Осторожно прикрыв её, закрыл внутренний железный крючок. В комнате из посуды имелся только один гранёный стакан в алюминиевом подстаканнике, а из закуски – батон и несколько варёных картошин.

– По-моему, вполне новогодний стол, – заключил Рафа.

– Нет-нет-нет, вот ещё чёрный шоколад, самое десертное блюдо, – Самуил умело и быстро разделил продукты на пять равных частей, – Кто будет первым?!

– Конечно, я! Хотя ни разу не пробовал эту гадость! – Рафа вопросительно посмотрел на друзей.

– Какая гадость, это же экспортный вариант! Будущий актёр без неё никуда! – Самуил стал осторожно наполнять стакан. Он что-то отсчитывал, шевеля губами.

– Всё по счёту, чтобы не обделить. Ну, Рафа, с Новым тебя, сороковым! Ролей и любви зрителей! Пей!

Рафаил закрыл глаза и на одном дыхании выпил содержимое. Горечь и резкий внутренний жар охватили всё изнутри. Рафа почувствовал лёгкое расслабление. Следующим на очереди был Самуил.

– За нашего снабженца и актёра, до дна! – баритон Рафы звучал уже как-то уверенно и аффективно.

Минут через двадцать бутылка была пуста. Вся компания разгорячилась, в ход пошли анекдоты о Шурочке-комиссарше. Хохотали все. Однако душа хмельных молодцев требовала подвигов. Рафаил предложил самый изысканный вариант.

– Устроим карнавал призраков! – Рафа пошёл по комнатам искать необходимые атрибуты. В ход пошли покрывала, простыни, грим. Наконец, пять чудовищ были готовы.

– Пойдём на Марсово поле! Там девчонок ужас сколько гуляет!

– Пойдём! – вторили актёры-друзья.

Выходили осторожно, через чёрный ход. Лёгкий мороз стянул на лице грим-маску.

– Давайте разделимся на две группы. Как только увидим девчонок, заходим с двух сторон! – Рафа распоряжался с умелостью командарма.

В полумраке снежной пелены, наконец, показалась группа ликующих девчонок. Зычный голос Рафаила и нелепые лица-маски, напугали девчонок всерьёз. Друзья, обезумев от азарта, стали кричать:

– Всех приглашаем в Аид призраков ночи! Вперёд! – каждый хватал их то за руки, то за талию, и тащил в свою сторону.

– Милиция! Убивают! – на крик пострадавших прибежали два милиционера:

– Что за новый год?!! Руки! – милиционеры были настроены очень сурово-серьёзно. Взбалмошная толпа остановилась.

– Так, перегарчик. Пройдёмте в отделение.

Вдруг, одна из девчонок по имени Марина, рыжеволосая и голосистая, вцепилась в Рафу.

– Дяденька милиционер, мы играли в привидения, ведь праздник, новый год! Отпустите их, мы больше не будем! – Она просительно и заискивающе смотрела в глаза блюстителей тишины.

– Да ладно! Пускай гуляют. Только потише кричите, людей испугаете, – милиционеры, глянув на лица задержанных, засмеялись и, повернувшись, зашагали прочь по заснеженной тропинке.

– Ну что, насильники?! Будем молчать? Или знакомиться?.. – рыжеволосая бестия поочерёдно протянула руки горе-артистам:

– Марина Штиль, медсестра военного госпиталя, а это – мои подруги.

Самуил стал извиняться за противное поведение мальчишек, как будто он был ни при чём.

– Да-а-а, – протянул Рафа, – а ведь могли и из института выгнать!

– Могли! – заключили ребята, скомкав карнавальное одеяние и, на ходу стирая грим, зашагали в сторону общежития.

* * *

Иногда в камеру заходила врач-еврейка, Зинаида Борисовна. Она была очень красивая, с большими проникающими в душу глазами. Вскоре она вызвала Александра в кабинет врача, находившийся на втором этаже. Александру назначили переливание крови.

Когда сестра делала ему первую процедуру, он на несколько секунд потерял сознание. Надзиратель довёл Сашу до кабинета врача. Зинаида Борисовна и он остались одни. Она вдруг достала кусок хлеба, дала больному, а сама села напротив и сказала:

– Как вы могли попасть сюда? Я – еврейка, вы – еврей. Как вы могли помогать фашистам? – она сказала это просто и сердечно.

Саша почувствовал, что по его щекам побежали тёплые капли слёз:

– Я не помогал фашистам… Я… Я был молод… и наговорил сам на себя…

– Напишите помилование на имя Сталина, – сказала Зинаида Борисовна, – Я постараюсь переслать. Она подала листок бумаги и ручку, – Садитесь за ширму, чтобы никто не видел.

Александр, всё ещё веривший в справедливость, быстро начал писать покаянное письмо Вождю. Неожиданно в дверях появилась начальница медсанчасти. Сравнительно молодая, с грубыми чертами лица. Именно по её вине сотни безвинно погибли в централе. Только бандитов она считала советскими людьми.

– Вы чего так долго с фашистом беседуете? Пускай сдыхает, если заболел, – гаркнула она на весь кабинет.

Зинаида Борисовна, не растерявшись, незаметно схватила со стола Сашину бумагу и спрятала её в карман.

– Вы поймите, я одинаково отношусь ко всем каторжанам. Они ведь больные люди. Это врачебный долг, – пыталась с достоинством возразить Зинаида Борисовна.

– Жалостливая вы у нас. Не сидели в тюрьме, а то бы быстро поняли, кто есть враг! – заключила начальница и, хлопнув дверью, вышла из кабинета.

Следующий приход Александра к врачу был последним. Медсестра, работавшая с ней и докладывавшая о каждом шаге Зинаиды Борисовны начальству, радостно и с издёвкой ответила:

– Перевели вашу врачиху в дальний лагерь. Здесь ей не место!

Саша растерялся:

– Как?! За что? Почему?

– Она отказывалась проверять умерших, ударяя трупы колуном по голове.

О таких садистских методах Саша уже слышал в камере, но верить в такое не очень хотелось. В это время в кабинет ввели следующего больного, который тут же потребовал термометр. И тут на глазах Александра произошло чудо. Пациент быстро вытащил из-под мышки термометр:

– Так вы не хотите меня класть в больницу, не верите, что я больной?..

– Нечего притворяться, давай градусник, – медсестра подошла к нему – Так вот вы до чего доводите людей, – театрально воскликнул он, вытянув шею, сунул термометр себе в глотку и проглотил.

– Вот так. Теперь будете отвечать за мою жизнь! – патетически заключил «больной».

Сестра вскрикнула, выбежала в коридор. Прибежали охранники и мнимого больного срочно увезли на операцию.

«Мастырки» (ложные заболевания) помогали многим избежать тяжёлых работ. Одним спасением была больница. В ней кормили значительно лучше. Там давали пятьсот граммов хлеба, приварок из гущи, селёдку и кашу. Поэтому многие стремились попасть в спасительный Дом, где можно было почувствовать себя человеком.

* * *

В киевском дворике, где проходило детство Рафаила, особенно летом, невозможно было пройти мимо злобной дворняги по кличке Бархан. В этом чудо-«охраннике» было намешано столько кровей, что псу, вероятно, самому порой случалось не совладать со своим крутым нравом.

Сергей Иванович, дворник, являлся очень бдительным смотрителем порядка. К ручке двери от подвала, где хранились его инструменты, он привязывал Бархана, чтобы тот нёс достойную службу. Так было и в этот день.

Рафа с мальчишками играл в лапту. Деревянные, тяжёлые биты из не струганных досок служили главным спортивным инвентарём команд. Играли недолго. Настойчивый лай-зов Бархана взывал играющих в сострадание. Действительно, стояла невыносимая жара и бедняга просил пить.

Рафаил вызвался помочь псу:

– Я дам ему воды. Бедняга… – он побежал к песочнице, где бесприютно валялась детское ведёрко. Мальчишки закричали:

– Рафа, остановись! Он порвёт тебя! Дурак!

Но Рафаил никого не слушал.

Бархан сидел невдалеке от двери подвала и немигающими глазами следил за Рафой, который принёс ему спасительную воду.

– Ах, ты мой славненький. Маленький. Хочешь пить? Тебе жарко, лохматик? – Рафа, поставив наполненное ведёрко, стал его осторожно пододвигать левой ногой вперёд, ближе к собаке.

Бархан, то ли от радости, то ли оттого, что нарушают его частное владение – начал урчать. Толпа ребятишек замерла, онемев. И вдруг, когда Рафа попытался в очередной раз приблизить к нему воду… Бархан озверел. Что было сил, он рванул цепь и одним собачьим прыжком настиг своего «спасителя», вцепившись зубами в икру левой ноги.

Рафаил, не соображая, что с ним происходит, вырвался и побежал в обратную сторону. Он кричал, и ребята вопили, врассыпную убегая в разные стороны. Старая липа послужила спасением. В одно мгновение Рафа уже сидел на дереве, пытаясь сдерживать жгутом из носового платка рану на ноге. Безумный Бархан носился по двору, пытаясь поймать «обидчиков». Но никого уже не было.

– Какой ты дурак! Я же хотел тебя спасти от жажды. А теперь?..

На шум выбежали взрослые. Дворник тащил пса и бил его, рьяно отчитывая.

– Ах ты скотина! Не жилось тебе мирно? Не было печали, так ты… Кровопийца!

Одна из соседок, бабушка Мириам, подошла к дереву.

– Рафа, спускайся! Что за рана, покажи, – Она внимательно осмотрела порванную мышцу, – Ничего. Хирург не понадобится, только сделаем одну присыпку. Сергей Иванович! Дайте клок шерсти Бархана.

Сергей Иванович вырвал щедрый шмоток шерсти, собака взвизгнула. Рафа сидел возле песочницы. Бабушка Мириам подожгла рыжий клок, а пеплом аккуратно и щедро стала, не жалея, засыпать кровоточащую рану. Оторвав кусок белой ткани от платка, перевязала ногу.

– Всё. До свадьбы заживёт и следа не останется.

Рафаил поблагодарил спасительницу. В её словах и медицинских действиях была чудодейственная правда.

Через неделю, действительно, ранка затянулась и только два шрама напоминали о былой «битве» начинающего кинолога и злобного пса.

Глава VII

На двухъярусных нарах вдоль боковых стен размещалось около двухсот каторжан. Но смерть делала централ всё более просторным. С каждым днём камеры пустели. Трупы выносили по ночам.

Через сучок (дырку от него в дощатом козырьке с верхних нар можно было видеть часть двора, угол бани, даже зелёный пригорок, покрытый лесом).

Александр любил это «место в мир». Скрип телеги, ни свет ни заря, оповещал о том, что чёрный бык, герой централа Борька, вывозит из мертвецкой очередную партию умерших. Их закапывали тут же на пригорке, где-то за оградой, безымянных и неприкаянных.

К примеру, если доносился отчаянный визг свиньи, все понимали, что приехало много начальства, и даже предсмертное гоготание гусей напоминало Александру его любимое еврейское праздничной блюдо, которое готовила Сока – утка, фаршированная яблоками.

Вскоре, глазок, открытый Александром, стал всеобщим развлечением обитателей камеры. По очереди они поднимались на вторые нары, ложились на них и, прищурясь, смотрели в глазок козырька. Долго не задерживались, так как внизу ожидалась целая очередь.

Однажды, Саша открыл в себе поэтический дар. Словно нанизывая бусинки из впечатлений, эпизодов, лиц, событий, – он собирал эдакий эмоциональный багаж. Он решился всем прочитать рождённые строки:

Тайга и сопки вокруг централа.
Он вдалеке от всех дорог;
Но на окне решётки мало
И перед нею – «козырёк»;
Чтоб никому не мог присниться
Из этих стен на волю путь,
Чтоб не могли луна и птицы
Сюда случайно заглянуть.

Все, кто лежал на нарах, стали приподниматься с мест и внимательно слушать каторжанина Сашку.

– Ты это откуда взял? Сам, что ли, придумал? – удивлённо произнёс старожил камеры восьмидесятилетний Ерофеич.

– Конечно, сам. На что мне чужое, – Александр почувствовал всеобщее признание сокамерников.

– А ну, ещё чего-нибудь сбацай! – подхватил Михей.

Молодой парень, попавший в централ «за активное пособничество оккупантам». Свои двадцать лет он получил анекдотическим способом. Однажды шёл к колодцу за водой, нёс ведро и верёвку, на которой опускал ведро. Вдруг из-за угла выскочили два полицая и забрали у него верёвку, на которой через несколько минут повесили партизана. Это было в Белоруссии, в местечке Турово. За предоставление средств казни врагу, юноше отмерили крайний срок.

– Ладно. Слушаем про любовь. Пушкин, – Саша мечтательно встал в центре прохода между нарами.

Читал недолго. Залязгал ключ в двери. Появился надзиратель:

– Вы это чего? Про политику? Сейчас допрыгаетесь!.. – захлопнул дверь.

Толпа замерла, но потом раздался неимоверный гогот. Кто-то кричал:

– Если спать с бабой – политика! А ходить на парашу тогда… – непереводимый текст.

Надзиратель больше не появлялся. Александр продолжал читать. Сокамерники особенно любили слушать в его исполнении баллады: «Василий Шибанов» А.К. Толстого, «Смальгольлесский барон» В. Скотта, «Белое покрывало» Морица Гартмана. Особую любовь снискало произведение Гольца Миллера «Слушай», его тюремная тематика находила живейший отклик у слушателей:

– Лучше этого «жида» мы не слышали чтеца, – говорили, любя, отпетые «урки».

Они всегда Сашку называли «жидом», но он на них не обижался, так как его, как артиста и человека – уважали.

* * *

Ранним осенним утром Рафаил спешил по Моховой в институт. В огромных лужах, словно в «мокрой» яичнице, плавали отражения жёлтых уличных фонарей.

Сегодня был важный для начинающих актёров день – распределение по ленинградским и московским театрам. Рафа знал, что на творческом показе будут лишь знаменитые актёры и режиссёры. Ему очень хотелось быть в числе лидеров.

Перепрыгнув через очередную лужу, поскользнулся и… оказался в центре «яичницы». Наступил момент признания данности нелепой ситуации. Рафаил быстро вскочил, мокро-грязные потоки стекали с отглаженного костюма.

– Молодой человек, вам помочь? – пожилая, статная, интеллигентная женщина остановилась.

– Да уже помог. Навсегда! – трагичное отчаяние вырвалось из сердца Рафы.

– Теперь придётся переодеться, иначе заболеете, – настаивала пожилая дама, её низкий голос завораживал.

– Я опаздываю на главную встречу в жизни, и теперь она провалилась! – Рафа попытался быстро закончить диалог и поспешить в институт.

– Не расстраивайтесь! У вас ещё будет в жизни предостаточно встреч! – незнакомка осторожно перешагнула очередную лужицу и зашагала в сторону института.

Рафа направился следом. Мелькнула мысль, что это лицо он где-то уже встречал. Но холод заставил его бежать быстрее к теплу, ближе к отчаянию;

Рафе казалось, что он безнадёжно забыт из-за этой проклятой лужи.

В общежитии только-только просыпались студенты. Кто-то торопился в умывальную комнату, кто-то прихорашивался перед огромным зеркалом в вестибюле, кто-то бежал на кухню.

– Эй, Рафка, ты чего такой пожухлый с утра?! – из комнаты высунулась голова Эллы Рубинской, примы студенческих театральных капустников.

– Да ничего! – словно обидевшись на весь мир, произнёс Рафаил, и вкратце пересказал историю «морского казуса». Элла расхохоталась.

– Приободрись! Сейчас мы тебя облачим в самое лучшее, что есть в общежитии. Обежав несколько комнат, где жили мальчишки, она позвала заговорческим тоном Рафаила в бытовую комнату.

– Смотри, бархатный пиджак Симы, брюки в полоску от Марика, рубашка – Аркадия, а туфли Володьки! – заправским движением торговца Элла раскладывала собранные наспех вещи сокурсников, – Одевайся! Не мельтеши! Ты будешь – класс!

Рафаил торопился. Одежда с чужого плеча казалась по ощущениям вычурной и неудобной. Наконец, образ новоявленного Рафы был завершён.

– Осталась маленькая деталь, – Элла повязала на шею страдальца бардовый шейный платок, – Это неповторимо и замечательно. Пошли к большому зеркалу.

Из зеркала, замутнённого от времени, на Рафаила смотрел нагловатый и взбалмошный франт.

– Нет, таким перед комиссией я не предстану! – Рафаил сбросил пиджак и платок-галстук, – Ну, а теперь ничего.

Элла торжествовала:

– Иди, готовься к просмотру, актёрище!

Наступил важный час просмотра. В комиссии было много именитых актёров, но в центре стола восседала случайная спутница Рафы. Она являлась председателем квалификационной комиссии. Когда Рафаил услышал её имя, он обомлел!

– Это же сама Александра Александровна Яблочкина. Их Малый театр сейчас на гастролях в Ленинграде.

– Она меня чуть из лужи не вытаскивала! Представляете?! – Рафаил, утопая в потоке эмоций рассказывал, ставшую легендой, историю лужи-яичницы.

– Следующий Клейн. Подготовиться… – секретарь кафедры объявила без эмоций и интереса.

Рафаил прошёл в аудиторию. Небольшая сцена-возвышение напоминала эшафот: то ли славы, то ли провала. Не помня себя от волнения, он начал читать.

Александра Александровна вдруг засмеялась, члены комиссии удивлённо переглянулись.

– Представила юношу в луже, когда он читает Чацкого. Издрогше-несчастный, и вдруг – озарение!.. Его теперь понимает весь мир, – низкий и глубокий голос русской актрисы повис в тишине.

Рафаил, оборвав фразу, замер. Он пролетел! Его не приняли! Что будет дальше? Мысли безостановочно ударялись одна о другую.

– Рафаил, вы мне напомнили моего коллегу Прова Садовского. Такой же обиженный, но восторженно-свободный и гордый. Буду рекомендовать вас к нему. Молодец! Вы не простудились?

– К счастью, нет! – Рафаил обомлел, – Так вы сама Яблочкина?.. Позвольте, автограф.

– Не утруждайте себя, лучше приходите в Александринку на премьеру «Горе от ума». Там и переговорим.

Члены комиссии одобрительно закивали головой в знак согласия. Рафаил выбежал в коридор. Его однокурсники торжествовали:

– Рафка, ты обалдел! Такой яростный Чацкий, а голос – потрясный!

Рафа, внутренне гордый, прошёл мимо толпы друзей. Забыв об утреннем казусе, он теперь гордился знакомством с самой Яблочкиной.

* * *

Обычно перед баней к камере подносили две-три огромных кадки с дымящимся кипятком. Дежурные его быстро заносили, и начиналась ошпарка нар, уничтожение клопов. Каждому давали кусочек мыла величиной с половину спичечного коробка. Всю верхнюю одежду, бельё, меховую одежду, если у кого была, забирали в «вошебойку», прожарку.

Как-то Александр и его сокамерники вышли из моечной, одежда ещё не была прожарена, и, голые, они топтались на месте. Кто-то из толпы вдруг шепнул:

– Хлопцы, а ведь там бабы, – соседняя дверь женского отделения была незапертой.

Кто-то из смельчаков открыл дверь. Так и стояли голые мужики и бабы, друг против друга. О стыде как-то не думалось. В основном это были молодые, стройные женщины, очень белокожие оттого, что мало бывали на свежем воздухе.

– Здравствуйте, девушки, – Саша прервал неловкую паузу.

– Привет, хлопцы. Какие вы все тощие!

– Вы откуда? – задал Александр вопрос.

Другая девушка кокетливо ответила.

– А из какой камеры?

Мужики напирали на Сашку, будто он переводчик-переговорщик.

– Спроси, сколько грамм хлеба им дают.

– Четыреста пятьдесят.

– Девочки, а в то воскресенье вам утром кусочек рыбы давали? – прошипел уголовник по кличке «Полип».

– Давали.

– А нам – нет.

– Девочки, а вам кашку раз в неделю дают, как на слабосилке?

– Иногда дают. А вам?

– Нам – нет.

– Сашка, спроси, спроси у них: баланда густая вчера была, али нет?

Диалог продолжался недолго. Трагикомичную ситуацию прервал прибежавший надзиратель:

– Вы что! Охренели?! Сейчас детей ещё делать начнёте. Идиоты!

Женщины громко захохотали.

– Да чем им делать? Жрать они хотят! – заключила тощая старуха.

Дверь захлопнулась на засов снаружи. Действительно, Саша где-то читал, что женщины переносят голод легче, чем мужчины.

Почти каждую ночь Александру снились знакомые девушки, но более всех он запомнил сны, в которые вторгался хлеб, хлебные пайки. Высокие, как из печи, белые «паляницы», которые при сжатии резко уменьшались. Аромат резко пробуждал Сашу, и обильная слюна судорожно проглатывалась в пустой желудок. Все тюремные годы он особенно хотел одного – есть!

– Живо – с нар, и – в коридор! – надзиратель и его сподручные начали шмон.

Иголки, нитки, стёклышко и другие мелочи считались запретными. За их хранение полагался карцер – «кандей». Туда никто не желал попадать. Иначе – смерть.

На этот раз Александр тщательно подготовился к шмону. В доске от нар нашёл большой сучок, вытащил его сердцевину. Потайное место получилось объёмным. Туда он спрятал кусочек нитки, иголку и бритву. Закрыв, как пробкой, дно хранилища, замусолил явные щели. Получилось правдоподобно и надёжно.

Корпусной (начальник одного из корпусов тюрьмы) был изрядным подлецом.

– Где спрятали, с-суки! Показывайте! Иначе, упеку в кандей!

Александр и его друзья, привыкшие к подобному скотству, – молчали, равнодушно наблюдая за вакханалией начальства. Вдруг, кто-то из них нашёл маленький самодельный ножичек:

– Чьё это?!..

Камера молчала.

– Чьё перо?! Скоты! – крик продолжился, – Если не выйдет виновник, накажу всю камеру! – надзиратель ждал, тарабаня пальцами по столу.

Из толпы отделилась восковая фигура Никитина, древнего старика.

– Гражданин начальник, это моё! Берёг для нарезки хлеба, – он замолчал.

– Ух ты, дешёвка! Хлеба ему захотелось! Сейчас мы тебя накормим. А ну, в коридор! О жратве позабудь!

На этом неожиданно начавшийся обыск прекратился. Оставшихся вновь запустили в камеру. А Никитин не выдержал пыток в кандее, и, как говорили, умер от кровоизлияния в мозг.

Александр, думая о хлебе, вновь погрузился в свои мысли о помиловании. Вдруг его писулька попала к Сталину, и он справедливости ради его помилует и отпустит на свободу?..

Но мысли о свободе тут же перебивались мечтами о хлебе.

– Эй, Сашка, почитай нам что-нибудь, – фальшивомонетчик преклонного возраста часто пытался взбодрить жителей камеры.

Александр начал с юмором читать Лермонтовскую игривую «Казначейшу», но едва закончил чтение, вновь стал самим собой – безнадёжно усталым доходягой.

Немалую роль в настроении Александра играли подтрунивания над евреями, адресованные ему. Защитников среди «благожелательных» слушателей были единицы. Саша пытался не реагировать на подтрунивания.

Так продолжалось почти шесть тюремных лет.

* * *

Збарский Борис Ильич, академик медицины, являлся хранителем тела Ленина в Мавзолее. Фигура в науке значимая и весомая.

Однажды в доме раздался телефонный звонок из Москвы, Рафаил поднял трубку:

– Мне бы Бориса Ильича. Это звонит Борис Ильич.

Рафа подумал, что это шутка и с присущей ему лёгкостью ответил:

– Борис Ильич-младший слушает вас.

На другом конце провода возникла пауза…

– Простите, вас беспокоит из Москвы Збарский, когда возможно к вам приехать и проконсультироваться?

Рафаил понял, что он переиграл и быстро пригласил дядю Бориса к трубке. Разговор длился недолго. Борис Ильич, вздохнув, выдержал паузу.

– Митрофанушка[42], сколько раз предупреждал – не вмешивайся во взрослые разговоры!

– Дядя, я просто подумал… – Рафа сник.

– Ты всегда думаешь обратным мозгом. Знаешь, кто это был?

– Нет.

42 Так дядя называл Рафаила, когда тот делал что-нибудь несуразное.

– Человек, который сберегает для народа тело Вождя Ленина. Он скоро приедет к нам, и не задавай ему глупых вопросов.

– Хорошо, я буду молчать.

Через несколько дней в доме появился важный гость. Сока мельтешила на кухне – готовила праздничный ужин. Збарский, высокий интеллигентный мужчина, в роговых круглых очках, с небольшой бородкой, напоминал сказочного доброго волшебника. Когда он вошёл, Рафа по привычке выглянул из своей комнаты.

– Привет, малыш. Как тебя величать?

Глаза Рафаила выражали мгновенный ответ, но, помня о замечании дяди и обещании «молчать», он сцепил губы.

– Ты почему молчишь? Глухонемой?

И тут Рафа не выдержал, его как прорвало:

– Мне запрещено разговаривать с вами. И знать, что вы – есть главный хранитель тела Вождя. Поэтому я ни о чём не спрашиваю.

Неожиданно раздался протяжный грудной смех. Збарский хохотал от души.

– Вот это чудак. За одну минуту рассказал всё обо мне, и ещё он – ничего не знает?.. Артист!

Дядя Борис строго глянул в сторону Рафы, дверь комнаты закрылась.

Рафаил редко плакал, а тут произошло непредвиденное, он потерпел крах. «Теперь дядя отправит меня в Самару», – думал он и плакал навзрыд.

Встреча двух светил науки прошла успешно. Сока приготовила щедрый стол и, когда Збарский уходил, он позвал Рафу:

– Рафаил, подойди ко мне. Дарю тебе этот значок, на память о встрече.

Рафа протянул руку.

– Это облик Ленина. Храни его, как амулет.

Рафаил глянул на красный значок с золотым профилем Вождя, поблагодарил и спрятал его в карман.

– Тёзка, огромное спасибо за объяснение причины. Я рад, что вы есть. До встречи!

Дядя Борис проводил гостя до входной двери.

– Митрофанушка, ты неисправим, – дядя ушёл в свой кабинет.

А Рафаил прикрепил значок к школьной куртке. Он гордился тем, что знает теперь самого Ленина и хранителей его тела.

* * *

Представления Александра, состоящие из этюдов на воображаемые предметы, любила смотреть вся камера. Свой «картинный репертуар» он пополнял этюдами на корпусного, надзирателя, начальника режима, на медосмотры. Большинство сокамерников было в восторге.

Однажды, сидя на верхней полке, работая с фиктивной иголкой, Саша стал чинить брюки. Воображаемая нитка то рвалась, то была слишком длинна. Вдруг, резко отворилась дверь камеры, вбежал надзиратель:

– Давай иголку!

– Какую?

– Какой шил только что.

– Да я же просто показывал…

– Не ври! Давай иголку. Сейчас акт составлю.

Тут за Александра вступилась вся камера. И Саше пришлось продемонстрировать коридорному ещё раз процесс работы с воображаемой иглой.

Надзиратель вышел сконфуженный, несколько раз всё заглядывая в «глазок». Но Саша уже не «шил».

Через несколько минут дверь отворилась. В централ приехала комиссия из Иркутска. Золотопогонники, важные, надутые, презрительно глядели на заключённых, выстроившихся по сторонам камеры у нар.

Пройдя несколько шагов по камере, комиссия остановилась. Один из приезжих смотрел на Сашу:

– Какие есть жалобы?

Александр не растерялся:

– Скажите пожалуйста, нам разрешат переписку?

– Пока нет.

– А когда разрешат?

– Будет видно.

– Как бы хлеба немного прибавили. Голодно, – продолжал другой каторжанин.

– Сколько положено, столько получаете. Есть ещё вопросы?

– Пообносились мы…

– Не голые. В баню водят?

– Водят.

– Кипяток дают?

– Дают.

– Кипятку хватает?

– Хватает.

– На прогулку водят?

– Водят.

– Так чего вам ещё надо?..

Члены комиссии угодливо заулыбались остроумному начальнику. Такие приезды офицеров МГБ из Москвы и Иркутска для них служили командировкой-прогулкой. Ничего не стоило задать пару пустых, незначительных вопросов, ничего не решить, а затем с почётом напиться в бане у начальника централа. Каторжане для них были отработанным человеческим материалом, без имени, души и тела.

Более шести лет тюрьмы в Александровском централе запомнились Клейну особой жестокостью и бесчеловечной агрессивностью. Все эти годы он думал об одном: «Как выжить?!» и при этом не потерять окончательно свой облик и сущность. Вроде бы ты есть, но тебя уже нет. Никогда! И нигде!

Цинизм и ненависть съедали каждого, кто хоть однажды прошёл тюремную школу познания жизни.

* * *

Брюки и одежда Александра была вся в латках. Штаны от времени расползались по швам.

Однажды он заявил корпусному:

– Пожалуйста, найдите мне какие-нибудь брюки. Невозможно носить такие.

На Сашу зацыкали. Сквозь бесчисленные дыры то тут, то там выглядывало голое тело.

Особенно возмущался здоровенный хохол Хитрук, сидевший за шпионаж пятнадцать лет. Когда в очередной раз он налетел на Александра и начал его бить, открылась кормушка и голос корпусного возгласил:

– Кто тут у вас без штанов?

Моментально к кормушке кинулось несколько человек.

– Нет, – сказал корпусной, – Тут один требовал. Где он?

Александр проскочил к кормушке.

– Верно. Этот. На! – и он бросил ему почти не дырявые ватные брюки.

Настроение камеры моментально переменилось:

– Вот молодец, жид! Достал корпусного!

Только что лупивший Сашу Хитрук подошёл к нему, протянул руку и, увидев, что новые брюки без пуговиц, оторвал от своих штанов три пуговицы и протянул Александру:

– На! Молодец! Голова, как у Маркса! Носи!

Многострадальное тело Александра испытало неописуемое блаженство от тёплых красноармейских штанов.

* * *

Первые письма и посылки, приходящие в заключение, были сенсационными событиями в жизни не только получателя, но и всей камеры. Ведь никто не верил в возможность связи с родными. Некоторые были по три-четыре года оторваны от них, а иные – и того больше.

В один из дней надзиратель подошёл к кормушке и спросил:

– Кто тут у вас на «с»? Ответило сразу несколько голосов. Надзиратель

сказал: «Нет», и стал спрашивать в соседних камерах.

В третий раз он открыл кормушку камеры, где сидел Александр:

– Так кто тут у вас на «с»? Ответ был прежний.

– А такой «Са-ла-мо-но-вич», у вас есть?..

– Боже мой! Неужели?! Клейн Рафаил Соломонович! – крикнул Александр.

– Так что ж ты раньше молчал?

– Так это же моё отчество.

– Откуда ждёшь?

Саша назвал Куйбышев, Москву. Дежурный мотал головой.

– А в Киеве у тебя никого нет?

– Клейн Борис Ильич!

– Вот он и прислал. Выходи.

Так Александром была получена первая посылка. Он за многие годы тюрьмы понял, что не забыт, что чудеса в этом мире случаются.

На другой день Александра привели в кабинет начальника. Он предложил ему сесть, а потом спросил:

– Кто у вас есть из родных видный советский учёный?

Зная, что чем меньше Саша будет называть своих родных, тем им лучше, он сделал вид, что крепко задумался.

– А кем вам приходится профессор Борис Ильич Клейн?

– Дядей, братом покойного отца, – Александр в заключении умалчивал о том, что он числится его отцом, так как усыновил его.

– Так вот, профессор Клейн писал мне письмо, – и он стал читать его.

«Глубокоуважаемый т. Начальник. К Вам обращается с убедительной просьбой старейший микробиолог Союза, профессор Академии наук УССР. Мне 73 года, мои научные труды пользуются известностью в Советском Союзе и за рубежом.

Просьба моя состоит в следующем. Как мне сообщено ГУЛАГом, в тюрьме № 5, находящейся под вашим начальством, содержится сын моего умершего брата, врача, мой племянник Клейн Рафаил Соломонович, бывший студент Ленинградского театрального института. И я убедительно прошу Вас, глубокоуважаемый т. Начальник, разрешить ему:

1) написать мне письмо;

2) получать от меня высылаемые мною деньги, а также посылки с продуктами и вещами.

Буду Вам глубоко признателен за исполнение моей просьбы. С глубоким к Вам почтением, Доктор медицинских наук Б. И. Клейн.»

– Так что пишите ему и получайте посылки, – заключил чтение «кум»[43].

Александр вернулся в камеру. Он понимал, что хорошо до тех пор, пока

43 «кум» – начальник, оперуполномоченный (лагерная лексика)

даёшь. Люди предпочитают богатство или грубую силу. В этот раз Александра посчитали дурачком: получил много махорки и задаром раздал. А другие были поумнее и берегли курево, меняя его на хлеб.

Через неделю Саша получил открытку от тёти Гольды. Эта мужественная женщина не боялась связи с «врагом народа». Она писала, что дядя Арон умер в конце сорок первого. И скоро она приедет к Саше на свидание.

Александр не верил, что через шесть лет его скитаний по этапам единственная родная душа, будь благословенно её имя, не побоится встречи с ним. Так оно и произошло, но уже в конце 1949 года.

* * *

Дядя Сима, младший брат Бориса Ильича, ещё до революции 1917 года эмигрировал во Францию, жил в пригороде Парижа. Изредка короткие весточки от него доходили до Киева.

Однажды в дом врачей прибыла делегация французских учёных-медиков, все они были коммунистами. Быт советских медиков был им явно интересен. Один из них, полноватый и всегда улыбающийся, – его звали Жан Пьер – первым делом спросил, где живёт Борис Клейн. Ему показали квартиру.

Осторожно переступив порог, на ужасно-непонятном русском языке стал изъясняться. Дядя Борис прервал гостя, заговорив на французском:

– Рассказывайте, это второй наш родной язык.

Жан Пьер обрадовался и чуть ли не скороговоркой стал рассказывать про дядю Симу, о том, что он известный врач, и у него всегда очередь из пациентов.

Тут, как обычно, в разговор вмешался Рафаил.

– Позвольте спросить, а во Франции неужели и правда, такие красивые девушки?

Наступила неловкая пауза. Исправлять ситуацию пришлось дяде Борису.

– Познакомьтесь, это мой усыновлённый племянник Рафаил.

Француз заулыбался и, вспомнив о цели визита, вытащил свёрток от дяди Симы:

– Простите, это презент от Симы, маленькому Рафе.

Дядя передал свёрток Рафе. Он быстро его развернул. В руках оказался изящно связанный детский комбинезон с вычурными ангелами и цветами на грудинке. Рафаил стоял в замешательстве.

– Простите, но я уже давно вышел из грудничкового возраста, мне уже двенадцать.

Жан Пьер не очень-то понял его выражение.

– Я очень тороплюсь. Приезжайте в Париж, там мы покажем самые лучшие места и самых красивых в мире девушек. Адью!

Дверь захлопнулась. Борис Ильич, ошеломлённый вопросом племянника и подарком Симы, только глубоко вздохнул и зашагал в свой кабинет. Внутри комбинезона Рафа обнаружил конверт и маленькую фотографию. Дядя Сима писал о невозможности встречи и надежде на Рафу. Горе-племянник отнёс письмо дяде.

И кто тогда знал, что только через шестьдесят лет Александр Клейн приедет в Париж, к единственному дяде Симе, которому будет сто с лишним лет. Они будут долго смеяться над вязаным подарком великорослому Рафе.

А пока, Рафаил вновь переживал за свою французскую выходку. Он чувствовал, что рано взрослеет. Необходимо молчать…

* * *

Рафаил всегда ощущал себя свободным человеком. Книги дяди Бориса створили из него настоящего романтика века из девятнадцатого. Врастая в различные образы классических героев, он постоянно переносил себя в то время. Справедливость и добро, интеллигентность и благородство, юмор и самоирония – вот качества, которые Рафаил впитал в себя с детства.

В театре киевского Дворца Пионеров Рафаил считался лидером, но Моисей Гершвин из соседней школы, сын известной актёрской династии, во всём пытался его опережать. В пьесе Мориса Метерлинка «Синяя птица» Мойша исполнял главную роль мальчика Тиля, и после первого действия случилась трагикомическая история.

Моисей очень любил сладкое, в минуты перерыва бежал в гримёрку, где в красной сумке всегда лежали конфеты или пряники. Все знали о его слабости. Витая лестница со сцены вела в маленький коридорчик, где располагались артистические комнаты. Тиль–Моисей был в длинной ночной рубашке героя. Прыгая через ступеньки, он пытался поскорее добраться до «десертного» мешка. И тут… раздался грохот и крик о помощи. Сбежались артисты, руководители. Мойша лежал в немыслимой позе, а правая нога от лодыжки вмиг побагровела.

– Вероятно, перелом. Что делать?

Через пять минут продолжение спектакля. Моисей плакал, Рафа, подхватив его под мышки, вместе с руководителем дотащил бедолагу до комнаты. Горемыка рыдал, но рука его судорожно опорожняла заветную сумку. Режиссёр театра Берта Марковна, как могла, успокаивала «калеку». Подъехала «скорая помощь».

У Гершвина произошёл перелом ноги со смещением. Берта Марковна молниеносно приняла решение:

– Рафа, быстро переодевайся! Текст помнишь?

– Я его давно знаю, до паузы. Но, а как же моя роль Души Хлеба?

– А никак! Ты теперь главный. Торопись!

Прозвенел третий театральный звонок. На сцене появился новый, «перерождённый» герой. Зрители между собой зароптали. Но Рафаил, не замечая никого, с сильной актёрской энергией и органикой, казалось, превзошёл себя. Девочка, исполнявшая роль сестры Митиля, обезумев от напора партнёра, пыталась подняться до его высоты, подтянуться. Рафаил был тактичен, он во всём помогал неожиданной партнёрше. Когда премьера завершилась, зал будто прорвало. Шквал аплодисментов, криков «Браво!», не давали счастливым актёрам уйти со сцены.

Глава VIII

Иудейские праздники в семье Клейн не отмечали никогда. Только один – Песах (Пасха) – был важен каждый год, Сока к нему готовилась заранее, припасала муку, различные пряности. В очередной весенний день она выложила на блюдо зелень, картошку, косточку от курицы и стопкой квадратики тонкой мацы. Рафа знал о некоторых еврейских традициях и обрядах, но для него непонятным было одно: почему все едят безвкусный, приготовленный на воде хрустящий тонкий хлеб? Почему бы его не сдобрить, например, вареньем?

Тайком, крошащийся хлеб он сложил в школьную сумку и прихватил с собой баночку вишнёвого варенья. «Вот одноклассники обрадуются», – подумал он. Но всё вышло совсем иначе, чем предполагалось.

Прозвенел звонок на первый урок – математику. В класс вошла очень строгая, парторг школы, Елена Михайловна Водовоз. Окинув пристальным, холодным взглядом «всевидящего ока» класс, подошла к столу, где лежал классный журнал. Проведя указательным пальцем по колонке фамилий вдруг, не ко времени произнесла:

– Клейн, к доске. Вы мой должник. Решать будем уравнение, в котором вы ничего не смыслите!

Рука Рафаила давно была в портфеле. Он то морщился, то улыбался. Наконец, вытащил руку, которая в сладком варенье напоминала руку «кровавого вампира».

– Что с вами? У вас кровь? Срочно, врача!

Класс, еле сдерживаясь, загоготал. Елена Михайловна, не сразу оценив случившееся, стала возмущаться:

– Что тут смешного? Человеку плохо…

Рафаил приподнялся с места. Сладкие ягодные струйки тягуче стекали на тетрадь. И, как правдивый ученик, Рафа начал пояснять:

– Сегодня Песах! Великий праздник иудеев…

– Что?! Какой Песах? О чём вы?..

– Религиозный день еврейского народа.

– Вы о чём в советской школе говорите?! Какая религия? Бога нет и никогда не будет, говорю, как коммунист, с 20-го года!

– Да нет же! У кого-то нет, а у нас он уже не одну тысячу лет есть.

– Клейн! – вспылила математичка, – Вы на математике или в синагоге?! Прекратите юродствовать! Выйдите вон!

– Антисемитизм – удел неумных людей! – ответил Рафа и хлопнул дверью, выходя из класса.

Вслед неслось отрывистое рыканье:

– На математику, без родителей, не приходить!

Рафа вновь приоткрыл дверь:

– А их у меня – нет!

На большой перемене сумка Рафы напоминала скатерть-самобранку. Одноклассники, разломав остатки мацы на кусочки, макали её прямо в варенье, расплывшееся по днищу портфеля.

– Ну, Рафка, ты даёшь! Как ты её! А?! Давно пора!

– А маца – объеденье! Никогда такой не пробовала.

Когда трапеза завершилась, Рафа взял мокро-липкую сумку и побрёл в одиночестве домой. Ему предстоял серьёзный разговор с родными.

С дядей о школе, а с Сокой – об утраченной маце. Но всё равно, он чувствовал себя радостным победителем. Праздник Песах удался.

Придя домой, уже из прихожей он услышал голос дяди Бориса:

– Рафа, зайди ко мне!

Это означало, что предстоял долгий и серьёзный разговор.

– Присаживайся и слушай. Ты знаешь, что Песах, «праздник свободы нашей», установлен Торой в память об исходе евреев из Египта?..

– «Дома рабства», я читал… – Рафа виновато примолк.

Борис Ильич продолжал:

– После десяти казней, насланных всевышним на Египет, фараон отпустил своих рабов…

– Читал. Евреи вышли из Египта в такой спешке, что взятое ими с собой тесто не успело закваситься…

– Какой ты нетерпеливый! В память об этом все дни Песаха положено есть мацу и категорически запрещена иная пища. А ты?.. – дядя с сожалением покачал головой, – Иди и подумай, прежде чем навязывать своё мнение другим!

Борис Ильич принялся что-то внимательно писать.

Рафаил вышел из кабинета и долго ещё не находил себе места, пытаясь распознать секреты Торы.

* * *

Весной сорок восьмого года Александра и других каторжан погрузили

в теплушки и отправили в Златоуст. Сквозь щёлки вагона заключённые с жадностью смотрели на окружающий мир. Недалеко от Иркутска состав остановился. Александр и его товарищи охнули от удивления. На железнодорожных путях работали пленные японцы.

– Це хто? – спросил здоровенный хохол Семён Головаха у Александра.

– Да вроде бы японцы, а может, корейцы.

– А чего они такие пришибленные, как чинарики и все в очках, – продолжал его расспрашивать уже другой заключённый.

– Мало солнца, витаминов, вот и слепнут, – продолжал фантазировать Саша. Ему вдруг стало приятно, что находящиеся в теплушке обращаются к нему, как к знатоку расовых теорий.

Когда состав остановился, японцы испуганно сбились в кучу, вероятно, завидев на площадках вагонов вооружённых автоматчиков.

– Трусы! Просрали свои острова! – выругался конвойный старшина, – вот и шугаются нас – победителей!

Неожиданно в теплушке наступила тишина.

– Что поделаешь? Война, – Саша многозначительно подмигнул сидящему рядом. Этот условный жест означал, что пора бросать письма.

Существовал негласный закон этапов: на всех остановках выбрасывать треугольнички писем. В них содержались краткие фразы о том, что опять куда-то увозят, и как всегда просьба не забывать. Также в письмах писали: «Просим бросить в почтовый ящик, наклеив марку», и в таком роде.

Но из этих писем доходила лишь двадцатая часть. Люди были запуганы режимом, а оказывать человеческую услугу заключённому было небезопасно.

Саша долго перебирал в памяти имена родных людей, кто смог бы ему помочь. Единственная тётя Гольда из Москвы, несмотря ни на что, никогда не забывала про него. Ей Саша из долгого заключения посылал иногда весточки.

Сбрасывать почту Александра научили опытные зэки:

– Если нет щелей в окнах, ты пытайся просунуть через дверь. Там всегда гуляет ветер, есть сквозняк, и выход на волю твоей бумажке обеспечен.

Александр за шесть лет постоянных этапов в совершенстве овладел искусством отправки писем и обучал этому совсем молодых.

В теплушке Александр познакомился с молодыми ребятами, немцами из Поволжья. Они сидели всего около двух лет. Оказывается, из-за того, что нарушили районы ссылки. Все они отвратительно владели немецким языком, но Александру удалось их разговорить. Особо общительным оказался Гельмут Гольцман, он подсел поближе к Саше и, глядя ему в глаза, стал сбивчиво пересказывать свою личную трагедию:

– Ихь арбайте ин овощехранилище…

Саша захохотал:

– Ну у тебя и диалект, умрёшь от смеха. Почему вы не говорите на хох-

дойч, литературном немецком? У вас получается не язык, а капуста с хреном.

Немец обиделся, но продолжал рассказывать.

– У меня была девушка, я тайком бегал к ней на свидание в соседний хутор, но однажды меня «накрыли». И ни за что дали 20 лет каторжных работ. Почему за любовь судят?

Александр с сожалением глянул на рыжеволосого Гельмута:

– У нас судят за всё человеческое, к сожалению.

– Я хотел ей отправить письмо, но не знаю, как писать по-русски.

–Ладно. Сейчас напишем. Диктуй.

Саша достал листок припасённой в зоне бумаги и отточенный огрызок карандаша и начал писать.

– Я не понимаю, как это делать. Ты сам сочини, но не забудь про одно, что я к ней вернусь, пускай ждёт и замуж не выходит.

– Гельмут, ты веришь, что через 20 лет она будет такой же и будет тебя ждать? Не верю. Природа сильнее нас.

– Нет, так не должно быть, я у неё первый!.. – Гельмут от волнения покраснел и повысил голос.

– Да ты чего орёшь! Первый, но не последний – учти!

Дописав письмо, Саша сбросил его в щель между досками. Довольный Гельмут улыбнулся, протянув в благодарность руку.

* * *

Саша, превозмогая себя, пытался думать только о доме. Иногда его охватывала тоска, что лучшие молодые годы ушли и события тоже, всё казалось безвозвратным и несбывшимся. Тем не менее, работа на плотине близилась к концу. По лагерю ползли слухи, что всех собираются перевозить в другой лагпункт, который находился километров за десять от настоящего.

Бараки «нового» лагеря запомнились длинными, глубоко посаженными в землю гигантскими землянками. «Новосёлы» из прежнего лагеря прихватили с собой, кто что мог; Александр унёс коробку с шахматами. Шмон был не очень строгий. Один из заключённых умудрился пронести патефон с пластинками. Жизнь на новом месте обещала быть хуже прежней. Паёк урезали вдвое: никто не работал, санчасть отсутствовала, порядок был строгий.

Рафаил знал, что их должны были скоро увезти на север. Но дух весёлости и актёрского азарта продолжал жить в нём всегда.

Как-то вечером уже было темно. Саша зашёл в уборную, которая располагалась недалеко от барака. Выйдя из неё, взглянул на охрану, расположенную на вышках.

Необходимо отметить, что охрана была бдительной и придирчивой. В зоне ходили слухи о том, что где-то вырыли таинственный подкоп, через который

зэки бегут партиями. Александр решил разыграть серьёзных сторожей.

Изменив голос, натужено чётко он стал повторять фразу, принадлежавшую псевдокопателям:

– Раз-два взяли, э-эй, ух-нем! Ещё разик! Ещё раз!

Он повторял это несколько раз. Хлопая еле держащейся дверью туалета:

– Э-эй, ух-нем!

Вдруг за его спиной бухнул выстрел, и уже через несколько минут возле злосчастной уборной затопталось с десяток солдат.

– Где копают? – взволнованно спросил сержант.

– Где-то там! – ответил рядовой.

– Не пойму, влево или вправо?

– Кажись, прямо! За проволокой…

Часовой на вышке затараторил:

– Заходи слева, я вижу их. Вон они из земли выползают!

– Ты чего, ослеп?! Это же старая дверь от нужника чернеет.

Александр, недолго думая, распахнул дверь туалета и как актёр гоголевской пьесы произнёс:

– Всё!

Растерянные солдаты, обезумев, смотрели на Сашу. Они никак не могли понять, откуда взялся этот смельчак. И ничего не придумав, сержант спросил:

– Ты чё там делал?

Тот виноватым голосом, играя подобострастие, ответил:

– По нужде ходил ….

– Чего?..

– Да ну его к чёрту! Отбой! Тревога была ложной.

Недовольные солдаты заспешили в караульное помещение, а Александр – в свой барак. Смеху не было конца. Саша в лицах и образах пересказывал случившееся. Притихший барак, словно улей, взрывался гоготом соскучившихся по юмору каторжан.

* * *

После рабского труда все в бараке спали, как убитые. Не хотелось есть, разговаривать, даже шевелиться.

Некоторое время спустя Александра позвали к проволоке[44]. По ту сторону стоял пожилой человек, он оказался культоргом[45]. Старичок окинул Сашу взглядом и спросил:

– Где ты играл? Что ставил?

– Играл в театрах Ленинграда, выступал в массовых сценах, исполнял

44 Все переговоры заключённых с соседней зоной проходили «через проволоку» и огневой пролёт.

45 Заведующий клубом

эпизодические роли.

– А не приходилось ли тебе ставить спектакли?

Александр ответил, что приходилось, но не стал пояснять, что в самодеятельности.

– Завтра за вами зайдёт, – закончил беседу старичок.

На следующий день, после плотины, старичок вновь подошёл к проволоке и, вызвав Александра, сказал:

– С начальством есть договорённость, и с блатными в зоне тоже договорился, чтобы они тебя не трогали. Теперь тебе надо будет идти к вахте. Всё!

Солдат с Сашиной вахты передал его солдату с соседней, здесь его встретил старичок и повёл к клубу.

Клуб находился в глубине зоны и представлял собой нечто вроде маленького одноэтажного деревянного домика. Когда Саша зашёл в «зал» – увидел комнату, где могло поместиться человек сто. Но над полом было возвышение с порталами: сцена! Мечта всей жизни Александра. Очень маленькая, не больше трёх метров в глубину и четырёх в ширину. Но сцена!.. Она в глазах Саши возвышала всё, что появлялось на ней.

В зале находились «артисты». Бухгалтер, рабочий кухни, фельдшер и ещё несколько работяг. Ставить они хотели «Сын полка» Валентина Катаева. Александр сразу перешёл к творческому процессу:

– Коллеги, прошу вас показать, что уже сделано вами?

– Да слова запомнили, иногда забываем…

Александр, не мешкая, приступил к репетиции. Он показывал им, как вести себя на сцене, что и как говорить. Тут было не до теории Станиславского. Показы Александра были яркими, уверенными (всё-таки он чувствовал себя королём среди этих любителей), и все, заразившись понемногу его темпераментом, стали, копируя Александра, подтягиваться. В первый же вечер Саше удалось развести все сцены, он дал конкретные задания исполнителям.

В течение нескольких дней Клейна выводили после работы в соседнюю зону на репетицию. И за короткое время, истосковавшись по искусству, пускай и «лагерному», он поставил хороший спектакль.

Наступило время генеральной репетиции. Когда начальство просматривало работу, Александру запретили даже появляться (потому что он – каторжник). Премьера прошла на «ура». Этот спектакль повезли в Мариинск на смотр самодеятельности Сиблага, а потом, спустя время, коллектив стал разъезжать по многим лагерям. Актёры «невольного театра», как крепостные, только на сцене чувствовали силу свободы и красоту творчества.

Александру, в благодарность за постановку, через огневой пролёт стали передавать махорку и курительную бумагу. Это явилось его первым «гонораром» за труд во имя искусства.

* * *

В годы войны в холодной и голодной Сибири, в городе Новосибирске, ухитрялись существовать и ставить спектакли четыре театра, всего на двух подмостках. Одна сцена была занята Александринским театром, вторую сцену повечерне делили зоновский «Новый ТЮЗ» и Минский еврейский театр. Здесь же шли выпускные премьеры ленинградского театрального института. Только в феврале 1945 года институт возвратился в Ленинград в уцелевшее здание на Моховой – «против ТЮЗа серый дом…»

Где-то далеко ещё шла война. На ближних улицах зияли проломы – следы бомбёжек. Зеркальные окна нескольких аудиторий «висели» на решёточках из бинтов, наклеенных ещё в 41-м году. Они «дышали» от прикосновения и ветра, но держались долго. В институте валялись мешки с песком. Лидия Аркадьевна Левбарг все военные годы пыталась отыскать Рафаила Клейна, писала в Международный Красный Крест.

Н.Е. Серебряков для всех вернувшихся решил провести вечер памяти, где будут звучать имена погибших студентов и педагогов. В зале царили тоска и неприкаянность. Лидия Аркадьевна подошла в конце вечера к ректору и спросила:

– Позвольте уточнить, а список погибших был окончательным?

– Конечно же, да. Безнадёжно кого-то искать. А кто вас интересует?

– Да один студент, Клейн; помните такого яркого, с бархатным голосом?

– А-а-а, который читал Гомера «Одиссею» и «Илиаду» в лицах на экзаменах?.. Помню, не забыл.

– Я просто спросила. Простите…

Лидия Аркадьевна направилась в общежитие, где они снимали маленькую комнату с мужем, талантливым филологом Н.К. Шнейдерманом. Последнее письмо от Рафаила она получила летом сорок первого года. Ему она подробно писала о предстоящем наборе: «Подал заявление один юноша, остальные – девушки…». Рассказывала о встрече с Виктором Рошалем, который по болезни вернулся в Ленинград, не дойдя до передовой; писала о преобразованиях в театрах. Письмо было большое. А сегодня при входе в институт пожилая вахтёрша вручила ей свёрнутый листок бумаги без штемпеля и места отправления. Что-то внутри Лидии Аркадьевны вдруг перевернулось. Она узнала знакомый размашистый почерк Рафы.

– Что это? Откуда оно у вас?!

– У меня их было много. Когда институт эвакуировали, я по службе продолжала сюда приходить. Даже в блокаду. А письма и ещё кой-чего приходилось получать. Ни одно не сожгла. Думаю, время всё возвратит. Вот и час настал.

– Да вы – герой! Как такое возможно?.. – Левбарг еле сдержала нахлынув-

шие слёзы. Быстро развернула листок. Разлетевшимся почерком Рафа писал, что он попал в немецкую передрягу не по своей вине, а сейчас осуждён на долгих двадцать лет тюрьмы и лагерей. Но пройдут годы, а он закончит институт, и будет продолжать изучать зарубежную литературу.

Лидия Аркадьевна внутренним чутьём поняла, что произошло что-то страшное и ужасное. Но успокаивало её одно – Рафа жив!

– Ему необходимо срочно помочь!

– Кому? – вопрос героической вахтёрши остался без ответа.

Только через десятилетия Рафаил встретится вновь с мудрой и порядочной женщиной, которая с материнской заботой отправляла ему в лагерь письма и посылки, пытаясь поддержать молодого талантливого студента.

Рафаил всегда помнил наизусть текст Мишеля де Люнтеня, который читала студентам Левбарг: «Неплохо родиться в испорченный век, ибо по сравнению с другими вы без больших затрат сможете сойти за воплощение добродетели. Кто не прикончил отца и не грабил церквей – тот уже человек порядочный и отменной честности».

Случайно сохранившееся у вахтёрши письмо стало мостиком надежды между Учителем и учеником.

* * *

Когда всех каторжников посадили в длиннохвостый эшелон, сразу прокатилась молва, что добираться будут «месяц, не меньше».

Саша занял нижнюю полку вагона из наскоро сколоченных деревянных досок. В него вместилось человек сто. Посреди вагона возвышалась на полметра деревянная четырёхугольная труба. Это было сверхсовершенство «канализации» и единственный выход всех нечистот. На лютом морозе по ходу движения состава «канализацию» наглухо забило льдом, изнутри и снаружи. Начальник конвоя приказал её разломать и «справлять нужду» в образовавшуюся в полу дырку. Так продолжалось три недели.

Александр пытался поддерживать упавших духом сокамерников. Обладая великолепной памятью, он «перелицевал» всю «Сказку о царе Салтане» на порнографический лад. Восторг был неописуемый, даже караульные хохотали до беспамятства.

Но в один из дней творческие вечера Александра закончились. Несколько заключённых в их вагоне заболело тифом.

На исходе третьей недели мороз стал всё злее проникать в теплушку. Однажды, взглянув сквозь щель на очередную обледенелую, занесённую снегом станцию, каторжники прочитали название – «Воркута». Эшелон остановился. Все услышали лай собак. Значит, встречают…

Действительно, двери вагона раздвинулись. Им приказали выйти, стали

делать перекличку. Конвой передавал содержимое огромного эшелона новым «хозяевам». Из вагонов небрежно вытаскивали трупы умерших заключённых, сбрасывая их на снег. Александр мгновенно вспомнил сцену расстрела в немецком лагере в Любани, когда каждый десятый был убит и лежал на снегу.

– Глянь, Колька Лашков, как живой!

Конвойный цыкнул на группу каторжан:

– Молчать! Фашисты, предатели народа!

Александр с трудом понимал, что его Родина признала врагом. За что?.. Это было невыносимо больно.

* * *

– Рафа, ты ко всему относишься легко. Твоё сверхвеселье никогда не приведёт тебя ни к чему хорошему, – Куйбышевский дядя Арон, брат мамы, главврач центральной поликлиники, в очередной раз пытался вразумить пятнадцатилетнего племянника.

– Дядя Арон, я поступил как настоящий артист. Попытался поднять настроение очень серьёзным одноклассникам.

– И как ты это сделал? Выступил посмешищем?..

На время ареста Бориса Ильича Рафаил переехал в Куйбышев, чтобы в смутное время продолжать учёбу и просто выжить, ведь в Киеве он оставался совсем один. Дядя Арон определил его в 83-ю среднюю школу, в старший класс. Ровесники не сразу приняли новичка, уж больно шустрый и знает многое по литературе.

Первым испытанием для Рафы стала «всеобщая молчанка». Как-то придя на первый урок, он, соблюдая этикетные правила, поздоровался с каждым. Но все как один, опустив голову, промолчали.

Приближался урок математики. Этот предмет никто не любил из-за истеричной учительницы, Нины Васильевны, которая всегда кричала на учеников.

– Тупицы! Вам только брёвна катать, да коровам хвосты крутить!

При малейшем огрехе она выгоняла ученика из класса или запускала в нарушителя тряпку с мелом, или – ещё жёстче – связку тяжёлых ключей. Иногда в ход шли огромная деревянная линейка или учебник. Словом, на её уроках все сидели как пришибленные. О каких знаниях и педагогике можно было вести речь?.. Всё сводилось к тычкам и оскорблениям. Вот и в этот день рыкающий гортанный голос математички быстро привёл класс в состояние транса.

– Ну что, дебилы, начнём урок. К доске у нас пойдёт новенький Кле-ин.

По классу пронёсся шёпот и хохоток.

– Молчать! Тупицы!

Рафаил нехотя вышел к доске. Он понимал, что многое уже пропущено из-за переезда, но необходимо судорожно вспоминать главное.

– Кле-ин, – учительница пыталась утрировать ударный звук, – решаем новые уравнения. Уткнувшись в задачник, Нина Васильевна стала диктовать цифры.

Рафа пытался быстро их записывать, но одна актёрская мысль пришла мгновенно. Он решил комиковать, утрируя все действия математички, пока та диктовала по учебнику. И тут началось что-то невообразимое.

Используя весь мимический дар, Рафа стал отыгрываться на одноклассниках, которые внимательно следили за каждым движением новенького. Неожиданно для учительницы, разразился неостановимый хохот. Она никак не могла понять, что происходит.

Глянет на Рафу – он стоит с серьёзным лицом у доски и решает уравнения, глянет на класс – все давятся от смеха.

– Молчать, уроды! Это что, цирк?! Всем ставлю «двойки»! – и тут она обратила внимание, что Рафаил с помощью жестов точно показывает её отчаяние и тупик ситуации.

– Ах вот оно что?! Вон из класса! И больше ко мне не приходи!

Рафаил с достоинством вышел в школьный коридор. Всюду шли уроки, пройдя на второй этаж, он решился ещё на одно действо. В тишине запел оперным тенором партию Германа[46]. Голос звучал стойко и пронзительно. Двери классов почти и одновременно открылись; обезумевшие учителя пытались поймать нарушителя. Но Рафаил уже стремглав бежал вниз, к выходу.

На другой день все ученики подбегали к Рафаилу как к герою. Наперебой его поздравляли и в один голос твердили:

– Молодец! Ты спас нас от мегеры! Ты настоящий друг! Спустя несколько дней педсоветов и разборов Рафаилу назначили испытательный срок. Но кличка «Артист» приклеилась к нему и в этой школе, основательно и надолго.

* * *

В Воркуте лагеря назывались ОЛПами (отдельный лагпункт).

Прибывших распределили по баракам, где их разбили на бригады. После затяжного пути из Сиблага все растянулись на голых нарах. Подложив руки под голову, Саша скрючился в «калачик», укрывшись старой фуфайкой. Ноги и руки выкручивало от боли, казалось, каждый сустав скрипел и сопротивлялся любому движению. Наслаждение некоего отключения от действительности длилось несколько минут.

В барак вбежал нарядчик и начал кричать:

46 Партия Германа из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама»

– Эй, вы, быдло! Хватит спать! Не курорт! Пора убираться в бараке. Всё должно блестеть, как у кота яйца!

Доски на нарах заскрипели. Недовольные, замученные заключённые стали возмущаться:

– Чего там? Барак новый. Нечего тут убирать.

– Ещё слово и карцер тебе обеспечен. Скотина! – нарядчик цинично сплюнул на пол.

Бессмысленная, полусонная толпа тупо стала «кружить» по бараку, не зная, что кому делать; но внешне этот человеческий улей пытался создавать активность «благостного» труда. Не зря говорилось, что Воркута держится на трёх китах – мате, блате и туфте.

– Внимание! – влетевший нарядчик вытянулся по стойке «смирно».

В барак вошёл плотного сложения румяный военный лет сорока. В зубах, прямо как у «вождя всех народов» Сталина, торчала дымящаяся трубка.

– Я – ваш начальник, майор Чикунов, – сказал он.

По бараку пробежался смешливый говорок.

– Молчать! – продолжал выслуживаться нарядчик.

– Я – начальник ОЛПа двадцатой шахты. Какие у вас есть вопросы?

– А нужник[47] будет в бараке? – спросил кто-то из бригады.

– А вы что, к тёще в гости приехали, что ли? Какие есть условия, такие и будут.

Все догадались, что лучше ничего не спрашивать. Затем пришедшие с начальником офицеры стали проводить сверку по документам и каждому сообщили его номер, который он обязан был нашить на спине телогрейки и бушлата, на правой штанине повыше колена и на лбу шапки-ушанки. Тут же всем выдали обмундирование, уже видавшее виды, латаное, но не дырявое.

Откуда-то принесли куски белой материи, ножницы, нитки, иголки, огрызки химических карандашей, и все стали пришивать номера себе на одежду.

Александру достался номер «2П-904» (В Сиблаге он был «П-765»). Саша выводил на обрывке материи свой номер и считал:

– Если сложить вместе мой номер, то получится общая цифра лет, которые мне предстоит быть в Воркутлаге…

– Ты чего считаешь? – заинтересованно спросил сосед по нарам.

– Сколько лет я буду ещё ишачить. В итоге получается, что пятнадцать, не меньше…

– Да брось ты! Сколько назначено, столько и будем.

Часа через два обитатели барака напоминали мистический зоопарк. От пёстрых латок рябило глаза. Как у «людей-зомби» мелькали унылые лица каторжан. Здесь был иной мир, чем в Сибири. Все время пребывания в Воркуте ни со стороны товарищей по несчастью, власовцев ли, бандеровцев,

47 Нужник – туалет

немцев, ни даже начальства Александр не ощущал антисемитизма. Здесь царили особые отношения. Обособленно всегда держались только жители Прибалтийских стран. Но и среди тех наиболее культурная часть была чужда национализму. Его не было ни в блатных, ни в «сучьих» или других «многоцветных» ОЛПах.

* * *

После бани в барак пришли врачи, и начался осмотр.

Более поверхностного осмотра никто из заключённых в жизни не видывал. Вероятно, не хватало шахтёров. Александра от первой категории (тяжёлый физический труд: шахта) спас один ответ на вопрос доктора:

– Худющий какой! Мирная специальность?

Женщина, вроде бы медик, даже не взглянула на стоящего рядом пациента.

Александр, не долго думая, автоматически произнёс:

– Я ленинградский актёр.

Рука врача дрогнула. Она подняла глаза на Александра.

– Вы из Ленинграда? Я… – и осеклась.

Врачи тоже были заключённые и всегда рядом с ними стояли нарядчики или другие представители лагерного начальства.

– Ну что ж, первая категория противопоказана. Артист, так артист, – врач стала быстро что-то писать в заключении.

Осмотр длился недолго. Александру определили категорию «лёгкого труда». Всего один выверенный ответ спас его от преждевременной гибели.

Бараки находились посреди безбрежной снежной степи. С разных сторон были различимы дымящиеся огромные курганы, терриконики (горы породы, выбираемой из шахты). Одни были высотой с гору, другие, у молодых шахт, маленькие.

Поблизости от ОЛПа терялась в снегу узкая колея. На ней, ожидая очередную партию прибывающих по этапу заключённых, попыхивал маленький паровозик с прицепленными к нему вагончиками. На открытых платформах перевозили из одного ОЛПа в другой группы осуждённых. Александру мгновенно пришла поэтическая строка:

Тонет всё в белесом мраке;
Различи, как тут, попробуй:
Вокруг сугробы, как бараки,
И бараки, как сугробы.

Глава IX

Борис Ильич усыновил Рафаила. Рафа понимал, что он теперь не принадлежит только себе самому, но и ответственен за дядю. Не дай Бог, произойдёт что-нибудь с ним... Тогда правонаследником становится он – Рафа. Все медицинские труды, библиотека и квартира переходят к нему. Данную мысль Рафа всегда пытался гнать от себя. Пускай хоть один родственник побудет с ним подольше...

21 ноября 1938 года был изъедено-тусклым и пасмурным днём. Дядю срочно вызвали на заседание научного совета, а Сока, ангел-хранитель их дома, тяжело болела. Рафаил прибежал из школы домой. Открыл тихонечко скрипучую дверь в комнату Соки, и... замер. Она лежала, нелепо скорчившись, на подушках, поперёк кровати. Рафа подскочил к ней:

– Сока! Сока! Тебе плохо?! Воды?!!

Сдавливая поток гортанного выдоха, она еле-еле проговорила:

– Мне плохо...

Рафаил, на ходу скидывая пальто, побежал на кухню за водой. Расплёскивая её из кружки, вернулся обратно. Она уже полусидела на кровати. Её взгляд мерцал каким-то удалённым от всего земного светом. Он поднёс воду. Слегка прикоснувшись губами к кружке, она вновь прошептала:

– Рафа, там деньги, сходи, купи сметаны и семечек. Очень хочется есть.

Рафа не сразу распознал ход её мыслей. Люди умирают и рождаются в одиночестве и не любят, когда рядом кто-то наблюдает за этим таинством природы. На углу дома располагался молочный магазинчик.

Не помня себя, Рафаил на невиданной скорости купил всё необходимое. Перепрыгивая через три ступеньки, он был уже дома.

Сока с большим трудом открыла глаза, её дыхание прерывисто громким и затяжным звуком сдавило грудь. Она умирала.

В последний раз как будто сквозь стену взглянула на Рафаила.

– Будь счастливым! Всё! Конец!

– Сока! Сока! Не умирай! Сейчас приедет неотложка! Дядя!

В последний раз она вздохнула как-то жадно и глубоко. Замерла. И притихла.

Рафаил не знал, что ему ещё предпринять. Единственная мысль преследовала пульсирующим сигналом: «Умирающего человека никогда не тормоши! НЕ шуми! Иначе «возврат» его обратно будет тягостным и ужасным!» Эту формулу смерти неоднократно повторяла Сока, как бы чувствуя приближающийся финал бытия.

Минут через десять вернулся дядя Борис. Взглянув на плачущего Рафаила, понял всё без слов.

– Она мучалась?

– Нет.

– Тело ещё тёплое. У неё обширный инфаркт миокарда. Сердце расстреляно тромбом, – он прощупывал пульс на шее умершей.

– Как?

– Кровь человека движется по сосудам со скоростью пули. Тромб, оторвавшись, разрывает сердце на части… Словом, человека уже нет. Надо вызывать органы, – дядя направился к телефонному аппарату.

Рафаила всегда поражала чёткость и методичность Бориса Ильича. Он всему находил научное обоснование, хотя внутри всегда очень переживал.

Дни похорон Соки стали для Рафаила самыми тягостными и страшными. Впервые в осознанном возрасте он хоронил близкого человека. Эта смерть так тяжело ранила его юную психику, что потом он целый месяц никак не мог прийти в себя.

Просто лежал на диване и бессмысленно считал на потолке количество трещин.

– Рафа, я решил: тебе необходимо отвлечься и поехать в Куйбышев недели на две. Нельзя так убиваться. Смерть не есть конец всему, она прекрасна в продолжении вечности. Никогда её не бойся!

Борис Ильич прожил сто два года и к смерти человеческого тела относился как к завершению биологического процесса некоего тела. Более всего он думал о духовном, о том, что останется после тебя – жившего. Поэтому в нечастых беседах приучал Рафаила:

– Сумей оставить память о себе во многих людях. Создай что-нибудь духовное. Тогда они будут помнить тебя пока живы сами. Начнут рассказывать друг другу о том, что был такой Клейн, когда-то... В иную минуту.

Рафаил слушал Бориса Ильича, стараясь поймать смысл его наставлений. Ну что он, Рафа, может в свои шестнадцать лет совершить такого запоминающегося людям? Ничего. Необходимо жить и что-то создавать новое. А что? Он ещё пока не знал.

* * *

Дней через пять после прибытия в Воркуту бригаду повели на шахту. Пришлось идти через насыпь. Один каторжанин поскользнулся и по инерции побежал вниз по склону насыпи. Тотчас грохнули выстрелы. Убили наповал. Вдруг один из шедших впереди приказал: «Хлопцы, садись все и ни шагу никуда, пока не придёт начальник конвоя». Шедшие в колонне послушались и уселись там же, где стояли, поджав ноги. Как конвоиры ни ругались, никто с места не двинулся, хотя все мёрзли. Стоявший невдалеке от Александра конвоир закричал:

– Фашисты! Предатели Родины! Всех перестреляем!

Из толпы каторжан, озлобленных и голодных, в адрес конвоиров понеслись сплошные маты. Безоружные кричали:

– Краснопогонники продажные! Дешёвки! Козлы!

Ругательства и маты далеко разносились по заснеженной пустыне.

– Фас! – крикнул кто-то из конвоиров и три отцепленные с поводков собаки «врезались» в шумную толпу. Взбунтовавшийся бесправный был для зоновских служак отработанным материалом. Наконец, появился начальник зоны.

На приказ «Встать!» все поднялись, но с места не двинулись. Минут двадцать начальнику объясняли случившееся и требовали наказать виновных конвоиров.

Офицер понял, что по-плохому ничего не добиться и пообещал разобраться с конвоирами.

Придя после первого рабочего дня в барак, Александр весь «горел» от температуры как в огне, он не знал ещё, что тиф разъедал его организм уже который день. В медпункт обращаться было бесполезно, там считали, что ты «косишь» от работы, и очередная «мастырка»[48] вызвала временное повышение температуры тела.

* * *

Рафаил рос открытым миру, людям и всему доброму человеком. Словно маленький магнит, он постоянно притягивал к себе множество друзей. Благодаря ораторскому таланту появились и первые поклонники его актёрского дара.

Сосед по дому, профессор, лингвист и филолог Шверубович Наум Иванович, был частым гостем дяди Бориса. Однажды, когда Рафа готовился к очередному литературному вечеру в школе, Шверубович услышал Пушкинские произведения, звучавшие из комнаты Рафаила. Тихонько постучался в дверь комнаты.

– Милый друг, позвольте мне поприветствовать вас на празднике слова.

– Да что вы… Я просто так, пытаюсь читать…

– Нет уж! Вы не пытайтесь, а живите в тексте. Чувствуйте ритм и согласие с автором.

Рафаил, смущаясь, спросил его:

– Позвольте, тогда я буду читать мои любимые поэмы.

– Конечно, Рафа, с удовольствием!

– «Маленькие трагедии», – объявил он себя как на сцене.

– Вы без книги? По памяти?

– Не понял... А разве можно читать по бумаге? Это же мёртвый текст, без

48 Мастырка – фальшивая рана или ложное заболевание, дающее возможность уклониться от работы. Также небольшое реальное ранение или лёгкая хворь, специально приобретённая для этой цели.

души получается.

– Да ты молодец! Я слушаю.

Казалось, мелодия Пушкинского слова заполнила всё пространство квартиры. Внутренний свет, энергетика Рафы обволокла собой первого серьёзного учёного словесника. Когда Рафаил закончил читать, наступила минутная пауза и вдруг неожиданные аплодисменты взбудоражили всех обитателей квартиры. Вечно дремлющий на подоконнике кот Маркиз спросонья соскочил и, не видя препятствий, метнулся к выходу.

– Да ты – артист! Тебя срочно необходимо показать моему брату. На днях он приедет в Киев на гастроли, и мы обязательно к нему пойдём.

– Да зачем? Я же не цирковая мартышка, просто ученик.

– Ты не прав! Как будущему актёру тебе необходим показ, того требует публичность профессии. А может быть, ты боишься?!

– Да ничего он не боится. Всегда метит в центр, – Борис Ильич стоял у порога и слушал весь диалог, – кому вы хотели его показать?

– Самому Качалову.

Наступила вынужденная пауза.

– Это же очень серьёзно. Я думаю, он ещё мал для общения с такими людьми.

– Ничего подобного! Всё в самый раз. Рафа ему понравится.

Рафаил стоял как заворожённый. Только успевал поворачивать голову то в одну сторону, то в другую. Взрослые решали творческую судьбу уже без него. Имя Качалова он слышал от знакомых, взрослых театралов, оно казалось недосягаемым, эфемерным. По городу были развешаны гастрольные афиши Московского Художественного Театра. Шёл 1938-ой. На них ярко красовалась фамилия «Качалов» и название премьеры «Горе от ума». Затем значилась пьеса М. Горького «На дне», и вновь: «в роли Барона – В. Качалов». Создавалось впечатление, что это имя заполнило весь Киев. Толпы жаждущих приобщиться к таланту гениального актёра выстраивались в длинные очереди у касс.

Через два дня после начала гастролей МХТ в доме Клейнов раздался звонок. Взволнованный голос Шверубовича сообщил:

– Мы с Василием Ивановичем скоро будем у вас.

Часа через полтора в прихожей квартиры зазвучал глубокий голос человека, которого знали и любили все, от мала до велика.

– Будем знакомиться. Василий Иванович, а вас как?

Дядя Борис представился, Рафаил, шагнув вперёд, протянул руку:

– Рафаил!

– Великолепно звучим!

– Пройдёмте в залу, – Сока открыла дверь большой соседней комнаты, которая открывалась лишь по особым случаям.

Качалов показался Рафаилу гигантским человеком-скалой, крупные черты лица были ярко вылеплены самой природой, вероятно, только для того, чтобы им любовались окружающие. Величественная и гордая осанка говорила о нём как о человеке, который бережно несёт в себе сосуд драгоценного очарования и таланта.

Дядя стал суетиться вокруг гостя, это совсем не походило на него. Наум Иванович помогал Соке расставлять чайный сервиз.

– Вы не суетитесь. До вечернего спектакля, если возможно, я побуду у вас.

– Конечно-конечно, – дядя присел на соседний стул, – вначале чай.

– Не откажусь. Ну, Рафаил, мне сообщили, что ты в чём-то похож на меня, имею в виду чтецкое искусство?..

Качалов чувствовал себя раскрепощённым. Находящиеся с ним сразу ощущали комфорт. Создавалось впечатление, что не он гость, а ты.

– Мой сын Вадим ленится даже строчку запомнить, всё его к технике тянет. Ну да ладно. Начинай.

Рафаил готовился все эти дни к встрече. Выучил новые произведения Пушкина и несколько сцен из «Царя Иоанновича» А. Толстого.

– Разрешите я встану из-за стола и пройду к окну?

– Он ещё спрашивает. Изящество слова зависит от свободы тела. Впрочем, умолкаю, – бархатистый тембр как-то успокаивающе подействовал на окружающих.

Рафаил, сделав небольшую паузу, начал читать. Прошло более часа. Последний монолог из А. Толстого звучал в полной тишине. Гость, перед которым поставили чашку с чаем, так к нему и не прикоснулся. Наконец, он заговорил на нижнем регистре голоса:

– Да вы гениальный артист. Вы…, – он еле сдерживался, – дали мне толчок к творчеству. Я, если позволите, тоже буду читать «Царя Фёдора Иоанновича», но в Москве.

Рафаил растерялся от искренности великого мастера и признания его чтецкого дара.

– После школы – только в Москву, только в МХТ. Не найдёте меня, обратитесь к Борису Ливанову, это мой лучший ученик.

Рафаил от счастья был на седьмом небе. Кто бы мог подумать, что сам Качалов признает в нём, ещё юном мальчике, своего коллегу. Минуты общения пролетели мгновенно. Только в 1940 году Рафаил узнает из прессы, что премьера Качалова «Царь Фёдор Иоаннович» с успехом прошла в МХТ.

Но эта знаковая встреча навсегда закрепила в Рафе уверенность в избранной профессии и дала его голосу новую мощь звучания.

* * *

В одном из ОЛПов Воркуты находился барак интеллигентов, актёров «Невольного» театра. Александра определили в него на актёрскую должность. Руководил и создал «невольный» театр Воркуты в 40-е годы Борис Аркадьевич Мордвинов, профессор, главный режиссёр Большого театра, руководитель кафедры сценического мастерства Московской консерватории, ученик и соратник К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко.

Шёл 1951 год. Утром актёрам объявили, что репетиции отменяются. Умерла от тифа балерина их театра, Лола Добжанская.

Александр ещё до болезни Добжанской познакомился с Лолой. Это был человек редкой красоты и грации. Как «малосрочница» она имела право свободного передвижения из зоны в театр и обратно.

Её супруг, Сергей Александрович Мартинсон, популярный актёр-комик, мастер буффонады и гротеска, был знаком каждому кинозрителю страны. И вот однажды произошло непредвиденное.

– Знаешь, Сашка, я любила красиво жить, – Лола сидела за гримировальным столиком и как бы рассуждала сама с собой.

– А теперь? – Саша осторожно спросил великую балерину.

– А теперь… – она громко засмеялась, – Сижу в какашке, а мой Сергей шлёт посылки, страдает.

– За что вас-то? – Саша боялся задать этот вопрос. Но она, казалось, с лёгкостью быстро ответила:

– После спектаклей меня часто приглашали в различные посольства, потанцевать перед избранными. Получала от них хорошие деньги. Да и угощали щедро: шампанское, икорка и прочее.

– А Мартинсон тоже был?

– Нет. У него вечные спектакли, киноэкспедиции, нам и детей некогда было строгать, – она вновь захохотала.

Было заметно, что налёт зоновой культуры незаметно «съедал» и её.

– И кто же вас… – Саша хотел сказать «сдал»

– Сучка одна, аккомпаниаторша Аська, уж больно влюбилась в английского посла, а он всё ко мне клеил. Никак не могла простить моей славы.

– Вот это подруга!..

– Меня обвинили в шпионаже и не дали доиграть последний акт «Щелкунчика». И – прямо сюда. Хорошо разрешили взять пачку.

– А потом?..

– Суп с котом, танцуем для начальства и их сытых жён. Дослужилась до большой сцены. Да ладно, – Лола отвернулась: вероятно, не хотела показать свою слабость, – Иди.

Через некоторое время серая колонна, состоящая из местных невольных

актёров, хоронила педагога-хореографа. Охранники всё время поторапливали прощающихся с выдающейся танцовщицей. Саша вместе с другими стоял возле маленького гробика Лолы. Завывающая снежная метель заглушила аплодисменты коллег – по традиции, прежде чем опустить тело актёра в землю, присутствующие должны всегда аплодировать.

Саша и ещё пара друзей спрыгнули в снежно-земляную могилу и аккуратно поставили гроб с телом Добжанской. Вся процедура длилась недолго. Кто-то из толпы попытался сказать пару траурных слов, но они утонули в звуках снежной бури.

– Стройсь! – Конвоиры по шаблону прорявкали команды.

Когда все возвратились в барак, вдруг кто-то вспомнил:

– Мы забыли о главном, вбить колышек, чтобы могила в тундре не затерялась.

Действительно, через несколько месяцев в Воркуту приехал Сергей Мартинсон, но могилу своей жены так и не смог найти.

* * *

Рафаил успешно заканчивал третий курс, в его зачётке были одни «пятёрки». Некоторые однокурсники никак не могли понять, как он всё успевает: играть в театрах, репетировать курсовые спектакли, организовывать праздники для друзей?.. Полный свободы и мысли, он умудрялся ещё писать сценические диалоги, мечтать и фантазировать о личном театре.

Однажды, весной 1940-го года, Рафаил, как студент-отличник, должен был играть в Большом драматическом театре, в спектакле «Отелло». В главной роли – народный артист СССР Ваграм Папазян. Рафа слышал об этом великом актёре и знал, что роль Отелло принесла ему всемирную известность. Как актёр массовки, Рафаил чувствовал, что такие гениальные мэтры никогда не будут общаться с «низшими» служителями сцены…

Решил всё случай.

В перерыве между репетициями помреж Соколова обратилась к пробегающему в свою гримёрку Рафе:

– Молодой человек, вы не могли бы мне помочь?

– Всегда в вашем распоряжении, – Рафа как-то по-театральному «выстрелил» ответ готовности идти на любое дело.

– Помогите мне донести до гримуборной Ваграма Камеровича чайник с подносом.

Алюминиевый чайник «дышал» паром. На подносе лежали разнообразные фрукты, бутерброды и пирожные. Рафаил, увидев этот «сытный натюрморт», невольно глотал слюнки. Дверь гримёрки премьера всегда располагалась справа, ближе к сцене. Подойдя к ней, Рафа постучал осторожно и настойчиво:

– Войдите! – голос великого актёра заполнил всё пространство глубоким бархатным тембром.

Сильный взгляд мгновенно оценил вошедших:

– Простите за беспокойство, позвольте предложить чай, – Соколова стала быстро раскладывать продукты на вспомогательном столике-ампире.

– Чай очень горячий, осторожно! – Рафа автоматически произнёс откуда-то вылетевшую изнутри фразу, – Я помогу вам налить.

Рафаил с почтением перед талантом гениального Папазяна быстро наполнил пустой стакан, стоявший в серебряном подстаканнике. И – о чудо! Надо же такому случиться, от крутого кипятка стакан лопнул, дымящийся чай быстро сбежал на пол, образовав жёлто-коричневое озеро. Наступила шекспировская пауза. Соколова рванула за тряпкой, с шумом захлопнув дверь. Раздался гомерический смех актёра. Рафа стоял, будто нагой на площади.

Затем Ваграм Камерович выдержал вынужденную паузу и заговорил:

– Ну-с, будем знакомиться. Вы работаете, учитесь? Как вас величать?

Рафаил в ускоренном темпе пересказал свою биографию.

– Великолепно! Наконец-то я посмеялся от души. Я играл в разных странах, в разных труппах, но такого трагического чаепития никогда ещё не было. Из вас получится органичный актёр.

– Почему?

– Вы смогли искренне прочувствовать нелепость чайной церемонии. Оставайтесь всегда самим собой, никто и ничто не должно изменять вашей природной сути.

– Я задержался. Побеспокоил вас. Разрешите идти?

– Вы же не в Красной Армии. Конечно, Человек обязан быть свободным. Учитесь профессии достойно. Вас ждёт удача на сцене.

Рафаил вышел в приподнятом настроении. Ему хотелось играть как никогда лучше. Он уже видел себя партнёром самого Папазяна. Навстречу, со шваброй в руке, летела безумная помреж. Сквозь зубы она зло произнесла:

– Это был для тебя последний спектакль! Опозорил театр!..

Рафаил никак не мог осознать: в чём его вина? Неужели за это карают людей?

Но из спектаклей его не вывели. В ходе массовых сцен он продолжал учиться актёрству у великих мастеров русской сцены.

* * *

Рафаил редко болел простудными заболеваниями, но весной 1940-го года его одолел грипп. Сосед по комнате Виктор Галагаев уехал на выходные домой. Ломило тело, температура не снижалась. Одно спасало: обильное питьё воды с лимоном – этому его научил дядя Борис. Рафа лежал под двумя

одеялами, его морозило, но мысль о том, что скоро каникулы и он поедет в Киев как-то вселяло надежду. Неожиданно под кроватью сокурсника он увидел стопки журналов, перевязанные верёвкой и вспомнил, что Виктор всегда собирал газетные и журнальные статьи о театре. Рафаил решил потратить «болезное время» с пользой для себя.

Запылённые связки журналов аккуратно лежали в чётком порядке под кроватью Виктора. Рафа вытащил первую попавшуюся под руку стопку. В глаза бросился первый январский номер ленинградского журнала «Рабочий и театр» 37-го года выпуска. Рафа взял его и на передовой странице жирным шрифтом был выведен заголовок «Подлейшие из подлейших». Облокотившись на подушку, стал читать: «Разве до конца ликвидированы последствия вредительской работы, которую вели в театре имени Кирова презренные враги народа Шапиро, Ахметели и их сподручные?».

Рафаилу от прочитанного стало как-то не по себе. Он взял кружку с лимонной водой, сделал пару глотков и стал читать дальше.

«Враг народа Коган, возглавлявший театр муз. комедии довёл этот театр до развала… Органы НКВД раскрыли вредительские гнёзда и на Ленфильме. Фашистские агенты лезли во все щели. Банда вредителей во главе с бывшим директором Ленфильма Канцельсоном, пробравшаяся к руководству орденоносной студией, мешала выпуску полноценных картин».

Рафаил почувствовал, что у него повышается температура, но весь этот бред затянул его неотрывно. Он продолжал читать, его губы непроизвольно повторяли каждое слово, как бы вбивая гвозди в непробиваемую стену.

«Большой драматический театр, отданный на откуп А.Д. Дикому, позорно провалил сезон… Директор театра Чмутин оказался в лучшем случае шляпой, прикрывая всё безобразие в театре своим партийным билетом.»

«Из 700 театров страны только один оказался без приуроченной к 20-летию революции постановки и без советского репертуара. Это театр имени Мейерхольда. Мейерхольд оказался полным политическим банкротом».

Далее, не дочитав до конца, Рафа с омерзением и остервенелостью бросил журнал на пол. Судорожно схватив другой номер, он уже читал очередной заголовок «К 20-летию ВЧК-ОГПУ-НКВД», рядом были размещены портреты Дзержинского и Ежова.

«Всесоюзный комитет по делам искусства шлёт горячий братский привет Ежову и его доблестным соратникам».

Содержание журнальных статей было настолько политизировано, что слова о театральном искусстве практически отсутствовали.

Рафаил ещё не до конца понимал происходящее, но внутренний голос откуда-то из глубины говорил ему: «дальше будет ещё хуже, только сумей устоять».

Через два дня простуду как рукой сняло. Рафа продолжал ходить на лекции

и готовиться к курсовым спектаклям. Ведь впереди его ждали беспечные каникулы.

Глава X

Сцены для выступлений самодеятельности в каторжных зонах Воркутлага находились в столовых.

Перед сценой первые два-три ряда занимало начальство, далее на скамейках к концу зала и на столах, жались друг к другу остальные зрители. В 1953 году многие заключённые уже разменяли от семи до десяти лет своих сказочных сроков. Они уже привыкли к подконвойному распорядку жизни. По утрам будили, кое-как кормили, одевали и обували на работу. С работы уводили под конвоем, спать укладывали по сигналу, словом, чувства притупились. Интересы сузились; многие уносились в мир приукрашенной свободы, где ходят, не держа руки за спиной, без конвоя с собаками; не носят номеров на одежде; где обитают… женщины.

Лагерь двадцать пятой шахты считался спокойным. Здесь пятьдесят восьмая статья – «измена Родине» – загнала в подполье блатных и сук и установила порядок без явных «лап»[49], воровства, избиений и убийств.

В январе-феврале 53-го горняки-каторжники двадцать пятой добились крупных успехов в угледобыче, и это требовалось отметить по намеченному плану 4 марта (обычным концертом). И вдруг, в газетах появилось сообщение о болезни И. В. Сталина. Отнеслись к этому заключённые по-разному. Одни – безучастно, другие – с опаской, третьи – со страхом. Большинство же считало, что сводки о здоровье вождя – очередная провокация.

Между тем, наступил вечер 4 марта 1953 года. Начальник КВЧ (культурно-воспитательной части) с перепугу решил на всякий случай отменить концерт.

Начальство, местное и приезжее, срочно собралось на совещание: как быть?.. Нельзя же веселиться в Воркуте, в то время как в Москве болеет «отец народов и гений человечества».

Александр был ведущим этого концерта. Он читал монологи, исполнял сатирические скетчи и куплеты, интермедии.

Начальник КВЧ срочно вызвал его к себе в кабинет и приказал:

– Так, ведущий Клейн… – и тут же поперхнулся, – Заключенный Клейн, необходимо срочно пересмотреть программу.

– В каком смысле? Номера уже выстроены, исполнители готовы, – Саша стал подыскивать ещё аргументы, но его резко прервали.

– Я сказал! На лагерной сцене имя Ленина и Сталина не употреблять! В стихах, особенно Пушкина, никаких «Сижу за решёткой в темнице сырой»,

49 Взятки.

или «В глуши, во мраке заточенья…».

– Но это же великий русский классик, – попытался урезонить Александр.

– Знаем мы этих стихоплётов. Одни бабы на уме, да пьяные балы, – начальник обиженно набычился.

– Но это не разврат, а история того времени, – Саша не знал, как и что доказывать твердолобому глупцу.

– А «Полнее бокал наливайте»? А застольные песни Бетховена «Шотландская» или «Ирландская» – это не распущенность?..

– Конечно. Из режимных соображений не допускаются такие произведения. Я постараюсь всё пересмотреть

– И чтобы никаких произведений о побегах из плена!

Александр, кивнув в знак одобрения головой, вышел из кабинета «великого» культурного деятеля. Тупость, невежество начальства начисто исключали всё живое в концерте.

Отрепетированную программу пришлось в спешке безжалостно перекраивать, исключать, переставлять, заменять номера и вводить новые, «беззубые».

Нервничавший начальник КВЧ, ничего не смысливший ни в каком искусстве, тут же лез со своими указаниями, чтобы, не дай Бог, что-нибудь «не то» не прозвучало со сцены «Кремлёвского концерта». Наконец все «горячие точки» из программы исключили. Тут участники стали отказываться выступать, матерясь почём зря. Подоспевший на помощь начальник режима с трудом навёл порядок, посулив «отказчикам-артистам» по десять суток штрафного изолятора.

С большим опозданием «жизнерадостный концерт» начался. С каждым номером он всё больше и больше разочаровывал зрителей.

Александр наигранно-бодро произносил штампованные фразы приветствия:

– Начинаем концерт, посвящённый сверхплановой добыче угля! Песня «Слава шахтёрам», поёт осуждённый по статье 58, пункт 1, Мироненко!

Вышел исполнитель и, отсутствующим взглядом пялясь в потолок, запел оду шахтёрскому труду.

Время от времени звучали редкие аплодисменты. Единственным светлым пятном в концерте осталось выступление трио баянистов, исполняющих попурри. Начали с «Элегического полонеза» Огинского, а в заключении от… похоронного марша «Шопена» резко перешли к бравурному «Ехал я из Берлина» Дунаевского. Слова припева этой патриотической песни знал каждый:

Эх, встречай, да крепче обнимай,
Чарочку хмельную полнее наливай!

Придремавшая было публика очнулась и стала подпевать припев о буду-

щей встрече и о чарочке.

Начальник КВЧ, сидевший неподалёку от начальства, побагровел. «Откорректированный» концерт только раздосадовал горняков.

– Повеселили, – говорили они, матерясь.

– Только и знай, что работай, как проклятые, – поддержали другие.

Хмурые зрители и участники разошлись по баракам без слов.

Утром Всесоюзное радио принесло известие о смерти Сталина. Начиналась новая эра обновления и очередных «чисток рядов».

* * *

День был неровный и недобрый, шёл сентябрь пятьдесят третьего, самый непостоянный месяц в Заполярье. В этот месяц красно пылали тундровые мхи и кустики, томным золотом глухое небо просеивало муторные дожди. У проволочных ограждений стояли мужчины-заключённые, ждали встречи с женским этапом. Готовились приветствовать подружек по несчастью. Вместо острых лагерных словечек, шуток, поздравлений, заключённые молчали, – сегодня они были подавлены.

– Подходят, подходят! – заорали вдруг из толпы.

Все увидели непредставимую картину. Мимо тащились трясущиеся от холода, смертно исхудавшие женщины в летней одежде – да и не в одежде, а в жалких ошмётках ткани, давно переставшей быть одеждой.

Александр впервые увидел молодые лица женщин, совершенно безликие и отрешённые. Они не походили на живых. Колонна бредущих в неизвестность призраков. Все молчали. Сашу резануло по сердцу.

– Сволочи! – прошептал он.

Вдоль женского этапа. С винтовками наперевес, браво держа дистанцию, вышагивала охрана. Они громко и сердито покрикивали:

– Не сбивать шагу! Держи равнение! Кому говорю – не высовываться! Эй, ты, иди вперёд, а не вбок!

Саша тихо прошептал свои высказывания в адрес тех, к кому они относились:

– На гибель ведут. В шахтах, пиши пропало, – помрут.

– Ты с ума сошёл, да ведь это шалашовки! – вполголоса ответил приятель Саши Костя.

– «Пятьдесят восьмую» ведут!

– Думаю, одни бытовички и блатнячки. Уворовала в колхозе, не дотянула трудодни и иди сюда…

– В ту ночь, как умерла княжна, свершилось и её страданье; какая б ни была война, ужасно было наказанье!

– Саня, опять стихи? – подозрительно осведомился Костя. Поверь моему слову, когда-нибудь тебя за стихоплётство – в кандей[50]!

– Стихи, Костя. Только не мои. Мне до таких стихов, как Моське до слона.

– Это хорошо, что не твои, – сказал он успокоенный.

Женщины поравнялись с колючей проволокой, за которой молча стояли мужчины. Одна из них крикнула соседке:

– Гляди, мужиков сколько!

– Живём! – отозвалась другая.

– Эй, доходные! Откуда? От нас не уйдёте! – радостно крикнул кто-то из лагерников.

Охранники заорали отборным матом. Скорбный женский этап медленно уходил в соседнюю новую зону, специально выстроенную для них.

В мужском бараке все словно прорвало, все пытались перекричать друг друга:

– Ну, голодные!

– Подкормим подруг! Что мы за мужики, если им в баланду баночку тушёнки не подбросим?..

– Что делается на воле?.. Баб-то сколько, а рожать кто будет?

– Повстречаемся, мигом разберусь, какая моя.

– Предлагаю всем свои пайки за перевыполнение добычи угля отдать бабам… – Саша ждал возмущения толпы.

Но все вдруг замолчали и повернулись в сторону Александра.

– Нечтяк! – радостно закричали на разные голоса обитатели барака. Саша понял, что внимание перешло к нему, и стал философствовать:

– Скажите самому гадкому преступнику от сердца: «Верю, что ты хороший», – и человек станет лучше. А здесь не преступник, наивные девчонки, что они знают, что умеют?.. Протяните им руку помощи, он и не отвергнут её, нет! – так великолепно закончил своё выступление Александр.

Долгую минуту все молчали.

– Н-да. Именно! Ничего не возразишь! – мрачно подтвердил Костя.

Это был последний столь многочисленный сталинский призыв – около тысячи женщин. Всем в этапе было лет по 20. Когда они вышли на волю, судьба многих так и не состоялась. Они не смогли определить для себя главный термин: «семья».

* * *

Театр Иосифа Сталина – явление уникальное во времени и пространстве. Спектакли шли непрерывно… Сценой служила вся страна – от Красной

50 карцер

Площади до Колымских лагерей. В Киевском доме врачей многие квартиры были давно опечатаны НКВД[51].

Оставшиеся соседи, когда проходили мимо этих квартир, пытались промелькнуть незаметно, искоса поглядывая на ставшую «вражеской» жилплощадь. Двери опечатывали широкими полосками бумаги со штампом или печатью.

Рафаил долго не мог понять: как добрейшие и умные люди в одночасье становились «троцкистами», «уклонистами», «космополитами», «указниками», «вредителями»?.. И по своему разумению он решил навести справедливость в отдельно взятом доме.

Как-то, придя домой, нашёл красный карандаш, забежал к соседу, другу и товарищу Аркадию Лейбову и решил посвятить его в свои «аполитичные» планы.

– Аркашка, ты видел опечатанные двери? – Рафа пристально посмотрел в глаза соседу, – Так вот, нам необходимо восстановить советскую справедливость.

– Как? Мы же ещё дети!

– Молчи! Ты будешь на «шухере», следить, чтобы никто не шёл, а я напишу на листах-опечатках слова: «Здесь жили люди Правды».

– Ты что?! Это же статья! Нас расстреляют.

– Ну ты и трус! Тогда я буду действовать сам, а ты молчи и не проболтайся!

– Да я, да ты… – Аркаша стал заикаться и клясться в верности и дружбе.

– Болтать некогда! Пошли!

Подойдя к первой двери учёного врача Ваймана, чья семья около года находилась в ссылке, левой рукой Рафа стал тщательно выводить буквы протеста. Стоявший на верхней лестничной клетке Аркадий заговорчески шипел:

– Рафка, торопись!

– Да не трусь, я быстро! – огрызался Рафа.

Через несколько минут на шести опечатанных квартирах ярким почерком были выведены печатные буквы: «Здесь жили люди Правды!»

Вся процедура заняла минут тридцать и, только когда оставалось подписать последнюю квартиру, раздался женский голос, голос мамы Аркашки:

– Где вы, Аркадий?.. Вам пора домой! – она почему-то всегда называла сына на «вы». Может быть, для придания своему чаду более высокого статуса? Рафаил так и не разгадал этой семейной тайны никогда. Наступила угрожающая тишина.

На другой день дом лихорадило. Какие-то люди в военной форме вместе с домкомом Гриненко ходили по квартирам и опрашивали жильцов. Дошли и до дверей Клейнов. Рафа открыл дверь.

51 ОГПУ – Объединённое Главное Политическое Управление СССР.

– Квартира Клейн? – спросил офицер с красным околышком на фуражке.

– Так точно! Они самые, – Рафаил сразу догадался, о чём пойдёт речь.

– Кто-то вчера в вашем доме провёл антисоветскую акцию, испортил государственную печать на казённом листе и написал противоправный текст. Вы никого в подъезде подозрительного не видели? А?..

– Простите, не понял, – Рафа прикинулся тугодумом, – Не понял…

– Вчера кто-то…

Рафаил перебил спрашивающего офицера.

– Нет. Я никого не видел! Был в школе. Скоро экзамены. Время тяжёлое нынче.

– Какое время?! – встрепенулся вояка, – Ты о чём?

– Учить много приходится, – уточнил Рафа.

– Ах, да, советская школа самая лучшая в мире!

– Конечно… – Рафу перебил домком Гриненко.

– Да он у нас тихоня, всё учится, никогда не хулиганит, в будущем профессором станет, – добавил он.

– Ладно. Пошли смотреть дальше.

Рафаил закрыл дверь. Прислонился к косяку. Словно волна морского отлива, от него отлегла вся душевная тяжесть. Он впервые понял, что играл с огнём. А это была всего лишь «морская пена»: Аркаша тоже держался молодцом. Он молчал, не подавая вид о случившемся. Совместная акция двух мальчишек навсегда соединила их дружбу и преданность справедливости и правде.

* * *

Как-то в бараке, по распоряжению начальника КВЧ (культурно-воспитательной части) поставили репродуктор. Нередко после работы заключённые имели возможность слушать радио. Особенно нравились радио-спектакли, музыкальные передачи.

После очередного шмона и прожарки нар горячим кипятком от кровососущих клопов каторжане стали укладываться спать. Сквозь разбитое размытое внутреннее состояние Саша услышал голос диктора радио, который объявил о том, что «начинается прямая трансляция из московского Центрального детского театра спектакля «»Волынщик из Стракониц», в главной роли феи Росавы – Валентина…

– Ребята! – закричал Саша, – Сейчас будет говорить моя Валя! Послушайте! Она меня ждёт!

– Да заткнись ты! – ответил бывший полицай Грудинин, Без твоей Вали тошно! Вырубай «Мандолину Ивановну»!

Так иногда заключённые называли чудо техники – радио. К голосу Груди-

нина присоединились ещё несколько недовольных.

– Ишь ты, артистка-невеста… Всю войну небось в штабах на диванах лежала? Гы-гы-гы…

– Цыть! Блатари! Илья будет сам слушать.

Давиденко из Винницы считался уважаемым в бараке зэком. Он обладал силой ума и большим авторитетом среди каторжан и охраны. Мгновенно наступила покорная тишина.

– Большое тебе спасибо, в долгу не останусь, – Саша подошёл ближе к радиопродуктору.

Радио, то с треском, то с писком передавало из столицы страны самое дорогое и единственное, к чему Александр стремился многие годы лишений – хоть на секунду услышать родной голос Валентины.

Саша слушал глубокий, поставленный голос Вали. Узнавал и не узнавал его. Лишь лёгкие, с придыханием, звуки знакомые ещё со студенчества, выдавали родной, свойственный только ей тембр. Многие в бараке уже спали, где-то раздавался многоголосый храп и прерывистые гаммы с присвистом.

Но Александр ничего и никого уже не слышал. Он мысленно был в Москве, вместе с Валей, на сцене театра.

Когда спектакль закончился, диктор стал перечислять роли и исполнителей. Одной из первых прозвучала родная фамилия: «Фея Росава – Валентина Борецкая». Саша заплакал. Он лёг на нары, укрывшись с головой одеялом, и слёзы непроизвольно бежали ручьём: «Пусть будет так! Я не виноват! Мы поженимся!» – разбегались и вновь соединялись путаные фразы. К утру он успокоился и заснул.

А в шесть утра подъём – и в шахту. Только трудом «пятьдесят восьмой» возводились шахты. А блатные, всякие воры, бандиты, мошенники лишь числились в бригадах, ничего не делали, «прогоняли дуру»[52]. Начальство про всё это прекрасно знало, но закрывало глаза.

«Политические» всегда отрабатывали за тунеядцев. В редкие дни, когда появлялась проверка «сверху», уголовники выходили якобы на работу. А потом всё повторялось вновь и вновь, торжествуя на круге вечности…

* * *

Так случилось, что однажды, окончательно устав от каторжной жизни, находясь в ужасной депрессии, Александр решил покончить счёты с жизнью. В час после получения утренней пайки, в выходной, когда добрая половина укладывалась уже спать, а вокруг стола не пестрело лохмотьями голодное шествие в ожидании добавочной баланды, Александр прилёг на свои нары. Он сделал вид, что задремал. Тщательно укрылся бушлатом с головой и

52 «прогонять дуру» – отлынивать (блатн.)

положил его так, чтобы незаметно, засучив рукава гимнастёрки, выполнить задуманное действие. Ещё вчера, будучи на работе в шахте, он поднял острющий кусочек стёклышка.

Стиснув зубы, он решительно резанул им по венам на пульсе, и изнутри на локтевом сгибе. Вдруг почувствовал, как над рукой набирает влагу бушлат: кровь пошла обильно. Александр, стараясь громко не дышать, продолжал спокойно лежать, изредка сжимая и разжимая кулак, чтобы кровь шла быстрее. Мелькнула мысль: «Может быть, я это зря?.. Лучше бы проглотил кусочек мыла, чтобы вызвать смертельный понос? И всё?..»

На нижних нарах под Сашей обитал Бабай. Кличка уголовника соответствовала его внешнему образу. Лицо было всё в шрамах и оспинах. При виде его пробегала холодная дрожь. Вдруг, он закричал:

– Эй, ты! Наверху! Охренел! Кровью всю мою шконку[53] захаркал?!

Он приподнялся с места, недовольно откинул бушлат с головы Александра…

– Ё моё! Ему капец, ребята! – крикнул он в глубину барака, – Недовольно-возмущённые обитатели ночной пещеры «нелюдей» зашевелились:

– Заткнись! Дай хоть поспать, сволочь!

– Правду говорю, Сашка сдыхает. Вены…Того самого! Я говорил ему, в тёплой воде резать надо. Не так больно. Дурррак!!!

– Зови дежурного!

Дальше Александр уже ничего не слышал и не помнил. Он был «в провале без глубин».

Очнулся лишь в медицинском бараке. Рука уже была перебинтована. Фельдшер Круглова, эдакая бой-баба, подошла к нему:

– Ну, гражданин Клейн. Закосить от шахты решил?! Не выйдет! Будешь как миленький Родине отрабатывать под землёй! Завтра сниму швы – и в забой!

Саша не боялся физического труда, единственное, что удивляло, так это «урки». Они никогда не утруждали себя физическим трудом, а «политические» – тянули всё на себе. Даже здесь, в медбараке, блатные лежали неделями, как в санатории Крыма.

Рядом с кушеткой Саши расположился здоровенный урка по кличке Мишель. Так он раз десять делал себе «мастырки». То проглотит градусник, то ложку алюминиевую, то загонит что-нибудь под кожу, чтобы вызвать гнойные фурункулы… Словом, на ОЛПе Мишель был знатным мастером «мастырок».

– Эй, Сашка! Ты слишком просто решил сдохнуть. Зря! Житуха здесь клёвая. Хочешь – болей, а хочешь рабом быть – рабствуй! – Мишель хитро прищурился. – Но ты не дурак, на фига тебе гнить в тундре? Ещё на сцене

53 Шконка - кровать

настоящей не был, а хочешь…

Александр перебил Мишеля:

– Как это не был? Был. И даже очень, – Саша осёкся.

Мишель быстро переметнулся к нему и сел на кушетку с краю.

– Да что ты лапшу вешаешь? Я людей как сам себя знаю. Салага ещё. Попаши лет с десяток на сцене, тогда поверю. А так… Каждый может. Только в тебе всё для театра имеется, надо опыт работы иметь.

Александр, удивившись такой проницательности матёрого урки, не знал, что и ответить.

– Может, ты и прав. Опыта ещё маловато. Да и война, плен, тюрьма…

– Это не оправдание. Человек, решивший идти вверх, всегда идёт к цели. Так и ты, не сдавайся! – Мишель хитро улыбнулся. Легко вскочил, сделал немыслимый пируэт вокруг себя и плюхнулся на кровать, – Будем страдать и болеть дальше, – повернулся на другой бок и захрапел.

Александр был очарован игрой стильного преступника Мишеля. Его способность переключаться из одного состояния в другое, а главное – искренним умением утверждать то, что «жизнь не говно, а радость!».

Через сутки Сашу выписали из медчасти. Швы приживались плохо, места надрезов сочились сукровицей, но положение зэка, а тем более его здоровье, никого здесь, увы, не интересовало.

* * *

Евреи в школе были, конечно, в меньшинстве, но Рафаилу повезло, потому что он учился в одном классе с пятью ребятами еврейской национальности. Отношение к евреям было вполне нормальным. Рафе казалось, что антисемитизм находится в обратной зависимости от культурного и интеллектуального уровня развития, и в советской стране ему не место.

Году в тридцать пятом все одноклассники готовились к вступлению в комсомол. Тогда считалось очень достойным быть в рядах рабоче-крестьянского ленинского коммунистического союза. Рафа, как и все, изучал Устав. На него классный руководитель Вера Петровна написала краткую характеристику, где в конце было приписано:

«Из интеллигентной семьи. Еврей. Не всегда понимает рабоче-крестьянскую культуру».

Эта заключительная фраза и лишила Рафу комсомольской судьбы на долгие годы. Наступил день приёма. В помещении актового зала школы, за столом, покрытым бордовым плюшем, восседало строгое ком-бюро. Лица принимающих были надменно суровы. Казалось, что юные комсомольцы во всём подражают партийным лидерам. От манеры одеваться, разговаривать с рядовыми людьми до манеры перечёркивать судьбы. Так случилось и в

этот раз.

Длинная очередь одноклассников Рафы смиренно стояла перед парадной дверью в зал. Кто-то бормотал, как молитву, слова из устава, кто-то читал последние газетные статьи о пленумах партии. Словом, все готовились к «новой» жизни. Рафаил ещё задолго несколько раз прочитал Устав, пытаясь запомнить суть казённо-протокольных фраз, и усилием воли всё же одолел лексическую шараду.

Подошла очередь Рафаила. Белесая, бесцветная на вид десятиклассница Ганна Гилевич выглянула, приоткрыв дверь:

– Товарищ Клейн, проходите! – Рафа с напускной весёлостью вошёл в зал:

– Чему улыбаетесь, товарищ пионер? – категорический голос председателя бюро сбил с лица Рафы всю непринуждённость.

– Да нет… Просто весна, хочется жить и радоваться…

– Как аполитично он выражается. Никакой серьёзности, – прошептал на ухо председателю член комитета РКСМ Сидоренко.

– Читаем вашу характеристику и поражаемся. Как вы, товарищ Клейн, можете не верить союзу рабочих и крестьян?

– Простите, я не понимаю, о чём вы? – Рафа покраснел.

– Культура в СССР всегда была рабоче-крестьянской и пролетарской.

– А вы говорите, что нет! – бесцветная Гилевич утвердительно замахала головой.

– Извините меня, неграмотного. А Пушкин по происхождению кем был? Рабочим? Или крестьянином? В Рафаиле вскипела ненависть к молодым людям, бессмысленно повторяющим чужие партфразы.

– Да как ты смеешь! Не на евреях же держится вся культура! – вспыхнул секретарь комитета комсомола Соколов.

– Может быть. Но нация здесь ни при чём. Просто я очень хотел быть нужным своей Родине. Раз вы считаете, что я неправ, решайте, как быть мне с комсомолом!

– Выйди вон! – крикнул секретарь.

Рафа с достоинством развернулся и вышел из аудитории.

Только перед самой войной в театральном институте его без проблем приняли в комсомол за примерное служение советскому искусству.

Глава XI

Едва светает. Метёт пурга. Александра и его бригаду долго держат у выхода из зоны. Конвой не решается вести: а вдруг убегут… Солдаты греются в помещении вахты, а они – на ветру. Со всех сторон облепляет снегом. Саша чувствует, как снег тает на лице, холодными струйками стекает за ворот бушлата. Безликая, окоченевшая толпа заключённых топчется на месте, в

ожидании, когда стихнет пурга.

Наконец-то пурга утихомирилась. Заключённых ведут на шахту пятёрками – руки назад. Пройдя через ворота вахты, необходимо пройти по высокой насыпи для железной дороги.

Двадцать шестая уже даёт уголь. Это одна из лучших шахт Воркуты. Осталось подвести к ней железную дорогу и закончить все стройки под землёй.

Рядом с Александром шагал рослый казак Анисим Макаренко. Саша с ним дружил ещё до Златоуста. В Сиблаге они тоже работали вместе на плотине. Чтобы как-то скоротать путь, Анисим стал Александру рассказывать о себе.

– После шести классов я пошёл работать. Мать из Кубани сослали, отца раскулачили, – Анисим закашлял, то ли от нахлынувших чувств, то ли от тоски и безысходности судьбы… – Словом, я остался один. Потом война.

– Мне это знакомо. Я тоже родителей мало помню, – Саша хотел продолжать и поддержать диалог, но Макаренко прервал его.

– Я воевать «за Сталина» не захотел, при удобном случае перебежал к немцам, где сразу попросился к казакам.

– Не понял… – Александр удивился, что, у немцев ещё и казаки были?..

– Ещё какие! – Анисим самодовольно хмыкнул, – Наш казачий корпус послали в Югославия на борьбу с партизанами. Там мы участвовали в различных «акциях».

– Мне, конечно же, не очень интересны подробности, но как ты выжил среди немцев? – Александр, задав вопрос, давно определился с ответом для себя: молодым хотелось просто жить!

– Ну, когда я попал к немцам, те приняли по-человечески, а потом давай внушать, что во всём виноваты евреи, – Анисим замолчал, – Заработал свой срок по заслугам! Всё хотел мстить за погибших родителей и сестру…

– Ну и к чему привёл тебя «праведный» суд?

– Да к тому, что евреи, которых я встречал, совершенно иные люди. Всегда готовы помочь ближнему, а труженики, коих среди нас отыскать сложно. Вот и ты… Справедливый зэк-еврей, а не жид!

– Не преувеличивай Анисим, я такой, как и все – обычный.

– Нет. Это ты не говори… – Анисим оступился о заледеневшую глыбу и упал, – Тьфу, чёрт!

Охранник тут же крикнул простуженным голосом:

– Стоять! Шаг влево, шаг вправо – расстрел!

За многие годы Саша, казалось, уже миллион раз слышал подобные команды, окрики Вохровцев, которые они чётко отлаивали как «Отче наш». С трудом Анисим поднялся, как и положено казаку, смачно матернулся, и продолжил свою печальную историю, полную несуразностей судьбы и внутренних падений.

– Да… Югославия не Воркута. Междоусобицы у них покруче наших. Нашим корпусом командовал генерал фон Паневица, а старые белогвардейцы,

Шкуро и Краснов, были уважаемыми командирами. Всегда поддерживали нашего брата-казака…

– Анисим, но они же были врагами советской власти?

– Сашка, ты говоришь, как на партсобрании. Кто тебе сказал? Сталин?

– Да нет. Но… – Саша смутился.

– Нормальные старики были! Всё за государство растащенное, как клочки по огородам, переживали. А у нас как? Кто больше урвёт, тот и прав! А рабы, бывшие никем, станут… на том свете – всем!!!

Александр оглянулся на рядом идущих зэков, многие очень заинтересованно прислушивались к разговору.

– Ладно, Анисим, вон уже шахта. Минут через десять будем пахать!

– Ну, Шурик, ты и хитёр, всегда выведешь разговор в нужный канал. Еврей, – Макаренко самодовольно улыбнулся.

Через полчаса зэки-горняки были в забое. Александр по состоянию здоровья работал на поверхности.

Инженер-еврей, как брат известного гроссмейстера по шахматам Ильи Кана, считался на шахте крупным специалистом по строительству. Он стоял у истоков создания 26-й шахты. После окончания стройки ему обещали досрочное освобождение. Но отбывать свой срок всё равно пришлось «от звонка до звонка». Инженер знал Александра как сильнейшего шахматиста. И в редкие минуты приглашал его к себе в кабинет «сыграть партийку».

Сегодня тоже выпала такая минута. Саша вместе с другими зэками-работягами, кайлом, сменяя друг друга, рубили мёрзлый уголь. На поверхности антрацит замерзал, но на отколотых плешах угольно-снежных гор, на солнце, играли отблески светящихся искринок. Конвойный подбежал к «муравейнику» из людей, вросших в угольную топь.

– Номер «2П-904» к главному инженеру!

Саше эти приказы были в радость. Можно будет чуточку согреться и поиграть в любимые чёрно-белые. Он скатился по угольной горке и покорно последовал за конвойным к конторе.

В кабинете его уже ждал милейший интеллигентный Григорий Шоломович.

– Ну, Саша, вперёд! – он пододвинул истёртую старенькую шахматную доску с выставленными фигурами, – Начинай. Но вначале чайку.

Александр сделал пару глотков горячего чая:

– Пускай остынет чуть-чуть…

И партия двух «мудрецов за проволокой» началась.

Сколько прошло времени неизвестно. Вдруг к Кану вбежал дежурный:

– Григорий Шаломыч! Беда! В шахте завал!

Кан, ни о чём не спрашивая, стал быстро одеваться. Растерянного Александра повели к своему отряду. На территории царила суматоха. Сбившиеся

в кучу зэки, которые работали на поверхности, стояли молча, а охранники и работники гражданских специальностей метались по территории, пытаясь найти решение выхода из ситуации.

Только поздно вечером Александр, уже в бараке, услышал имена погибших шахтёров-зэков, среди них было имя Анисима Макаренко. Саша лежал на второй полке деревянных нар и пытался припомнить все детали утреннего признания Анисима перед смертью. Он так и ушёл из жизни озлобленный на весь мир и страну, которая лишила его семьи, свободы и радости.

* * *

Рафаил постоянно вспоминал о доме, о дяде Борисе, друзьях. Ему несказанно хотелось вырваться из адского круга одиночества и пустоты. Хотя и наступило время послаблений, после смерти «Великого Вождя», но ему оставалось ещё столько лет принуждения и оторванности от настоящей, мирной жизни.

Незаметно, со временем, Воркута стала ему малой родиной, центром заполярных мук и переживаний. До свободы оставалось перешагнуть главное – уметь восстановиться среди «нормальной» жизни.

В такие тягостные моменты Рафа пытался увидеть себя как бы со стороны. Он воображал себя маленьким, чтобы вызванная жалость к себе несчастному могла растворить одиночество.

Вот он: в деревянной кроватке уже приподнимается, подтягивается, держась за поручни кроватки. Солнечный день словно растопил в глубине комнаты до боли знакомый образ мамы Дины. Он пытается что-то произнести, сказать, но у него вырывается только одно магическое слово «мама Ди…». Произнесение её имени ещё даётся с трудом.

Мать, вероятно, что-то готовит у плиты, так как гремят капризным звоном кастрюли. Вот она подходит к сыну:

– Рафа, сынуля! Упадёшь, нельзя! Ба-бах, – берёт его на руки, прижимая к себе.

Рафаил, как кот Мурлыка, повторяет в разных интонациях одно лишь слово – «ма-ма». Он ещё маленький, но уже детским сознанием читает её настроение и теплоту.

Неожиданно вскипает на плите молоко. Едкий, горклый запах. Мама быстро усаживает Рафу в кроватку и устремляется к печи… Рафаил начинает чихать и капризничать. Ему не нравится молочная дымовая завеса.

Мама вновь берёт его в тёплые руки, укутывает платком и выносит в соседнюю комнату, чтобы выветрить запах пригоревшего молока.

Рафаил успокаивается. Он скоро будет ходить. Добрые руки мамы осто-

рожно ставят его ножками на пол. Рафа приподнимается на носочках, он понимает, что так легче держать опору. Неожиданно останавливается. Из репродуктора звучит непонятная мелодия, но она так нравится Рафе. Попадая и не попадая в такт мелодии, на одном гласном звуке «а-а-а…» малыш пытается петь в унисон радио.

Мама улыбается, вновь поднимает его, целует и так нежно, как может только она, говорит:

– Рафушка, пора кушать. Пошли.

Взрослому Рафаилу сложно объяснить то, что он чётко видит в киноленте собственных детских событий.

Кажется невозможным, чтобы человеческая память возвращала в картинках подробности из неосознанной жизни. Но всё необъяснимое – давно научно обосновано. Если маленький человечек только до пяти лет может вспомнить свои прошлые жизни, и кем он был тогда, и в какой стране жил, то почему бы ему не воспроизвести то, что с ним было в годовалом возрасте?

Саша лежал, укутавшись бушлатом, и улыбался сам себе. Он знал, что его фантазия и полёты в прошлое только и держат здесь, дают силы. Веру в справедливость. Сосед с нижней нары Степаныч вновь надрывно стал кашлять и задыхаться.

– Сашка, не лезь к нему с помощью. Тубик[54] подхватишь! – крикнул кто-то из глубины барака.

Но Александр, несмотря на предостережения каторжан, вновь спрыгнул со своих нар. Приподнял голову задыхающемуся старику и подал воды. Через некоторое время кашель стих.

Во уже который день приходилось «лечить» соседа по нарам. В госпиталь его не брали, отвечали: «Ничего страшного, это простуда – пройдёт». Но болезнь несчастного обострялась. Александр понимал, что туберкулёз очень опасен, особенно в открытой форме. Но Сашу миновала чаша сия.

Степаныча через пару дней вывезли за ворота зоны, в снежную тундру. Там и похоронили, присыпав снегом.

Александра в бараке называли «доктором». Он на генном медицинском уровне всегда пытался кому-нибудь оказывать медицинскую помощь. Ген «врачевателя» перенёсся и в его творчество. Что бы ни случилось, он обязан был дарить окружающим только радость, состояние надежды и веры в добро.

* * *

Народный артист Российской Федерации, первый лауреат Сталинской премии, любимец Ленинграда, лучший исполнитель партий Германа и Отелло в операх Чайковского и Верди, изумительный лирико-драматический

54 Туберкулёз

тенор, Николай Константинович Печковский, сидел после концерта в бараке с Александром и внимательно слушал историю жизни молодого артиста. Шёл 1955 год.

– Знаешь, Саша, мне твои лишения знакомы. Я никому не кланялся, ни перед кем не заискивал. Ни здесь, ни там, на земле, захваченной войной.

Высокий, плотный, с крупными чертами волевого лица, на котором пудра и грим скрывали преждевременные морщины, он казался лет на пятнадцать моложе своих пятидесяти. Даже десять лет заключения… Этапы… Грязь и лишения… Ничто не разрушило в нём величественность и благородство.

– Николай Константинович, вы, вероятно, знали моих педагогов?.. – Саша стал перечислять имена известных ленинградских режиссёров.

– Конечно, со многими сотрудничал в театре оперы и балета имени Кирова[55]. Но эвакуироваться с труппой отказался, – Печковский выдержал небольшую паузу.

– Тогда всё и произошло?.. – Саша не знал, как продолжить «щекотливый вопрос».

– Я был в Свирской, в ста пятидесяти километрах от города, у матери, она тяжело болела. Оказался по ту сторону фронта, тут немцы меня и взяли, – Николай Константинович аккуратно сложил свой фрак, – Они меня узнали и предложили вступить в труппы ряда немецких театров. Я отказался. Отказался даже от участия в германских концертных бригадах КДФ[56], обслуживавших части верхмата.

– Мне в плену тоже постоянно предлагали выступать только перед немцами, но я придумывал тысячу причин избежать этого.

– Саша, ты молод. Твоя слава ещё впереди, а я был уже известен всей Европе. Так вот. Самое главное – я выступал на сцене в своём фраке, на лацкане которого всегда висел орден Ленина. Представляешь, пою, а в зале одни немцы, и орден Ленина смотрит на них, а они аплодируют. Знаешь, какое я получал удовольствие.

– Представляю. А это правда, что вас пытались убить наши партизаны?

– Чепуха! Вот по радио слышал о себе, что меня, знаменитого русского певца, повесили на оккупированной территории. Вот так рождаются слухи.

– А приходилось петь, что вам приказывали «они», или?…

– Что ты, что ты! Пел Масснэ, Верди, Бизе, Балакирева, Рахманинова, Аренского, Гречанинова, где бы простые люди могли слышать «вживую» подобный репертуар? Только на войне, по ту или эту стороны.

– А как же вырвались к нашим? – Рафаил был похож на ребёнка, который задаёт вопросы обо всём. Наивно и доверчиво.

– Просто. Когда Красная Армия заняла Ригу, я сам пошёл в комендатуру, назвал своё имя и звания. Меня тут же арестовали и направили на Большую Лубянку.

55 Бывший Ленинградский театр

56 «Крафт дурьх фройде» – «Сила в радости» (нем.)

– А кем вы числитесь здесь, в зоне?

– Числюсь дневальным, уборщиком бараков. Начальство, благо, на общие работы не посылает. На морозе не долблю землю для котлованов, а руковожу лагерной художественной самодеятельностью. Хочешь, позабочусь о твоём переходе ко мне? Давай!

– Да что вы! Я в центральной культбригаде Воркутлага. Как-то неудобно изменять коллективу.

– Мил человек, всегда в искусстве иди к обновлению, иначе – гибель! – Печковский внимательно глянул на Сашу. Мои гастроли по ОЛПам тому доказательства. Каждый концерт – новое восхождение. Судьба со мной поиграла достаточно.

Через некоторое время. Когда беседа шла уже к концу, надзиратель окликнул Печковского.

– Мне пора идти, – он повесил на плечики фрак, надел серый бушлат с маленьким номером, – Дай Бог, свидимся в Ленинграде.

Лаврам Печковского всегда завидовали многие коллеги. Когда он освободился, то великий певец обратно, в родной Кировский театр не был принят.

За гроши он пошёл работать в Дом культуры имени Цюрупы на набережной Мойки. Как режиссёр создал самодеятельный оперный коллектив.

С Александром Клейном они встречались ещё множество раз в Ленинграде. Им было о чём вспомнить. Заполярная сценическая эпопея объединила и подружила их навсегда.

* * *

Шёл 1955 год. До полного освобождения Александру Клейну оставалось ещё несколько месяцев несвободы. Время тянулось мучительно долго. В такие минуты его спасали книги. Каторжники и вообще заключённые много читали, несмотря на страшную усталость после тяжкого труда.

В каждом ОЛПе имелись бараки, домики или помещения, служившие клубами. Зрительными залами обычно являлись огромные столовые, но со сценами. Иметь свой клуб-театр хотели и каторжники, и начальство. Последние понимали, что производство труда и соблюдение какого-то относительного спокойствия в зоне зависело от сценического искусства. Каждый начальник ОЛПа, подобно помещикам, гордился своим «крепостным театром».

Все программы перед выпуском на сцену просматривал начальник политотдела Воркутлага. Открывал концерт обычно хор. Далее чередовались номера: вокалистов, танцоров, чтецов, конферансье, цирковые этюды. За право участия в ответственных концертах шла невидимая, внутренняя борьба среди заключённых. Такое участие как бы закрепляло право пребывания в бригаде, приближая скорейшую дату освобождения.

Центральной культбригадой культурно-воспитательного отдела (КВО) Воркутлага руководил режиссёр В. Д. Лавров. В один из гастрольных туров этот легендарный коллектив приехал на 26-ю шахту. Начальник КВО предупредил Сашу:

– Тебе разрешено сегодня подготовить сцену и комнаты для артистов. Ты же профессионал. Заодно и пообщаешься с коллегами.

В редком расположении духа начальник КВО позволял бесправным даже приближаться к клубу, а тут… Но Александр имел особый допуск, за те программы и концерты, которые он готовил для руководства.

Тщательно промыв сцену, коридоры и так называемые «гримёрки», Саша стал кипятить огромный самовар, который выдавал по особым случаям начальник КВО. Ведёрный пузач всегда являлся гордостью клубных праздников. Где-то через час большая группа артистов с шумом, хохотом стала заполнять помещение. Александр с завистью глядел на «счастливых»людей. «Они, хоть и невольные. Но отношение к ним человеческое», – думал он про себя.

Подбросив угля в раскалённую печь, Саша собирался выйти на улицу, чтобы почистить обледеневшее от снега крыльцо. Но услышал окрик начальника:

– Эй, Александр, срочно ко мне! – это звучало как-то по-граждански. Не пронумерованный зэк, а человек…

Войдя в кабинет, Саша быстро оценил обстановку. Возле края стола сидел то ли уставший, то ли больной, широкоплечий красавец. Это был В. Д. Лавров.

– Знакомься, художественный руководитель… – Лавров перебил начальника.

– Не надо так официозно, – он говорил с трудом. От него исходил жар и капли пота бежали по лицу, – Саша, я знаю, что ты артист. Читаешь. Концерты вёл обычно я, но сегодня, как назло, температура под 40. Выручай…

– Но-о…? – Саша удивлённо протянул звук удивления.

– Не переживай, мы тебя оденем, что никто не узнает.

– Хорошо. Могу прочитать композиции из «Василия Тёркина» и «Страны Муравии»…

– Здорово! Я тоже их читаю. Ну-ка, читани!

Александр отбросил в сторону маленький совок для угля и начал читать. В кабинете наступила тишина. А когда он закончил, Лавров будто взмолил:

– Боже! Что вы все здесь делаете?! За что вас?!

– Вам не надо переживать. А сбить температуру вам поможет уксус, разведённый водой. Сделайте компресс на голову и оботритесь.

– Он у нас ещё и доктор, – начальник засмеялся, явно довольный.

– Программу я тебе дам, а конферанс на твоё усмотрение, только без политики и заворотов, – Лавров еле-еле приподнялся и шатающейся походкой

пошёл к артистам.

Через час Александр стоял на сцене. Шикарный костюм: смокинг, белая рубаха, бабочка, лаковые туфли – всё было, как на него сшито. Саша внутренне расправил воображаемые крылья и вышел на родную сцену. Как же он истосковался по зрителям, умению творить на глазах чудеса. Вести за своим словом и интонацией публику.

После концерта, когда затих шум аплодисментов, а артисты укладывали свой скромный багаж, к Саше подошла Элеонора Божко. Она великолепно исполняла арии из опер и оперетт:

– Простите, вы не назовёте вашу фамилию? – редкой, прозрачной красоты и обаяния певица улыбнулась.

– Почему же нет? Александр, а так – Рафаил, Клейн, человек двух имён, живущих в одном. Одно имя, Саша, спасало, а другое – моё личное.

– Клейн? А вы случайно не из Киева?

Саша невольно встрепенулся.

– Да. А что? Вы там были?

– Нет, я там родилась. А моя мама в 35-м тяжело заболела. Её спас профессор Клейн. Слышали о таком? Он вам не родственник?..

– А как же, этот человек усыновил меня в пять лет, и я рос у него!

– Значит, мы с вами встречались у вас, в Киевской квартире. Правда, я была ещё маленькая.

Наступила неловкая пауза.

– Как? Как такое может случиться?.. Через столько лет? На краю света встречается человек, который знал…

Неожиданно диалог прервал командный голос конвоя:

– Всем на улицу! Строиться по одному!

– Да, увы, реальность. Возьмите мой киевский адрес. Может, когда–нибудь встретимся, – Элеонора быстро, чёрным карандашом для бровей, написала адрес и протянула его Саше.

Он вышел во двор. Противоречивые чувства боролись внутри Клейна: «Только что эти люди блистали на сцене, а сейчас они – никто и ничто! Погасшие образы клоповных бараков и хлорных простыней. Люди-грёзы, люди-призраки! Актёры колючей проволоки…»

Александр обозлился на себя, своё положение и равнодушие вокруг, бессилие быть правым и циферблатное время невольной жизни.

Он не знал, что в ноябре 1955 года его освободят. Он получит паспорт и немного денег на проезд в бесплацкартном вагоне – от Воркуты до Киева.

Освободили Александра Клейна по амнистии со снятием судимости и поражения в правах, а также каких-либо ограничений в выборе места жительства.

Но ехать куда-либо он отказался. Думал, что Борис Ильич, вероятно, умер,

так как уже давно не получал от него писем. А других родных в Киеве у него не было: Александр был совсем одинок.

Так завершилась трагикомическая история невольной жизни Клейна. Немецкий плен, тюрьма, лагеря. Сколько ещё необходимо испытаний на одну человеческую судьбу?..

Глава XII

Освободившись из заключения, Александр Соломонович Клейн очутился в круге пустоты и безнадёги. Вышел за ворота зоны в тёплом бушлате, без номеров и заплат, в новой ватной шапке и валенках. Такую амуницию, по традиции, готовят всем выходящим на волю. Он остановился. «Смотреть только вперёд! Не оглядываться!» – Саша повторял внутренним голосом команды, как бы сам для себя: «Иди же! Ну! Чего встал, как вкопанный?!»

– Фу ты! Нечистая! – произнёс он вслух, – чего это я руки держу за спиной? Я же на свободе. Надо куда-то идти. Но куда?!

Медленно, протаптывая снежную тропинку от вахты зоны, Саша побрёл вперёд. Пройдя шагов двести, остановился. Не торопясь, оглянулся назад. Смешанные чувства отврата и презрения, и вместе с тем лёгкого внутреннего подъёма, переполняли его изнутри. «Свободен!» – раздался глубинный голос бывшего сидельца, – «Свободен!!!». От громкого возгласа невдалеке вспорхнули испуганные белые куропатки. Они, подобно снежным салютам, вспорхнули в серое тёмное небо.

Не нравится?! А мне – наоборот!

Саша двинулся дальше к центральной дороге, где возможно было на перекладных добраться до Воркуты. Он шёл и не верил. Что такое многолетнее уничтожение человека – закончилось. Он может теперь жить! Как все!!!

Сколько прошло времени – неизвестно. Но наконец Саша остановился на трассе, ведущей в Воркуту. Города тысяч людских судеб: изломанных и не очень, больших светлых душ и маленьких склизких душонок. Словом, здесь был сконцентрирован основной мозг Воркутлага – фабрики унижения безвинных.

Из-за поворота появился небольшой грузовик «ГАЗ – 53» с натянутым тентом. Он притормозил, помигал правой фарой и остановился.

– Тебе куда, служивый?

– В город!

– Ну, вползай! Гляди, осторожно, ступеньки с наледью. Скользко.

Саша взобрался в кабину. Водитель оказался разговорчивым мужчиной лет пятидесяти.

– Ну как? От звонка до звонка?..

– Почти, – от тёплого воздуха и запаха бензина Александр почувствовал

расслабление и сонливость.

– На вокзал?

– Да нет! Мне некуда ехать, да и не к кому. Надо ещё паспорт получить…

– Ясно. А ты откуда? Кем работал?

– Я из Ленинграда. Артист!

– Вот это хорошо! Интеллигент. Из «политических»?

– Допустим.

– Я тоже по «58-й, пункт 10» лямку тянул. Ничего устроился. Предлагаю тебе, сироте воркутинской, жильё и хлеб на первое время. А там – посмотрим.

Саша оживился.

– А где?

– Как – где?.. В городе. Правда, дом барачного типа, но ничего, место есть. У меня две комнатки, да жена с сыном-школьником. Потеснимся.

– Простите, а как вас зовут?

– Александр Васильевич Пузанов, из Подмосковья, жена – Лариса Сергеевна, сына Лёшкой зовут. Работаю при шахтоуправлении, водилой. Вроде бы и вся биография. А ты?

– Я – тоже Александр. Родом из Киева. Все погибли в войну. Воевал, плен, тюрьма и лагерь. Вроде бы тоже всё!

– Как у человека строится жизнь, ты посмотри! Десять слов и биография готова, а за каждым словом одни подножки судьбы, – Василич на минуту замолчал, вероятно, вспомнил о чём-то своём.

– Да-а-а… Василич, можно я буду вас так называть? Не обидитесь?

– Да меня так и кличут. Угадал.

– Долго ещё до города?

– Скоро будем. Сначала домой, а потом я на работу. Познакомлю с семьёй.

* * *

Рафаил на курсе считался «героем сцены». Даже в последний день, перед уходом на войну, он предложил сокурсникам провести «капустник ополченцев».

– Что это такое? – удивлённо спросила староста курса Мила Лецович, – Рафа, неприлично, когда началась война, лицедействовать!

Рафаил задумался, и тут же быстро нашёл ответ:

– Ошибаешься, Мила. Всё – наоборот! Вспомни героев Гражданской, Революцию! Только театр спасал мир от жестокости и черствости… – Рафа задумался и продолжил, – А, может быть, кого-то из нас… вы уже никогда не увидите, – Рафа сделал печальную гримасу трагичности и всхлипнул. Играя.

– Рафаил. Прекрати комиковать! Ладно, проводите, что хотите, а я в этом не

участвую.

– Жаль. Гордость театров больших и малых, как-нибудь без тебя, – счастливый, Рафаил побежал к однокурсникам, сообщать о предстоящем капустнике.

Необходимо отметить особую черту, доминирующую в Рафаиле, – это ощущение лёгкости, юмора и радости, которую он дарил окружающим. Чем тягостнее и жёстче были для него жизненные обстоятельства, тем с более филигранной лёгкостью и юмором он переживал их, да ещё окружающим давал подпорки смеха и силы в минуты отчаяния.

«Человек-батарейка» – зачастую называли его друзья. «В нём целых тысяча вольт», – говорили другие. Но при этом, Рафаил всё выполнял математически выверив и просчитав, никогда не допуская ненужных действий и поступков.

Вот и в этот, последний, предвоенный, вечер на Моховой аудитория основного зала была переполнена. На сцене появились молодые актёры.

Рафаил на скорую руку сочинил тексты, скетчи, монологи и куплеты, использовав мелодии популярных тогда песен. Стихи М. Светлова о Гражданской войне стали основным лейтмотивом театрального действа.

Около двух часов в институте звучал смех. Кто-то из педагогов полюбопытствовал:

– Опять «театр Клейна» премьерит?!

– Да! Завтра они на войну уходят. Решили проститься по-театральному. Вернутся или нет?.. Никто не знает, – ответила студентка-старшекурсница.

Когда представление закончилось, Рафаил вместе со своей группой собрался на сцене института. Расположились в импровизированный творческий круг, сидя на полу, чтобы каждый был на виду. Наступила цепкая тишина. Девчонки сидели, прижавшись к мальчишкам, будто хотели их удержать, защитить. Лица однокурсников оставались серьёзными. Никто не смотрел в глаза друг другу. Каждый нашёл для себя точку опоры в пространстве и глядел на неё, не моргая.

Первым, как всегда, прервал молчание Рафаил. Он самоуверенно, с подъёмом, произнёс:

– Ну, господа артисты, чего молчим? Радоваться надо! Вам Родину доверено защищать, а вы раскисли!

– Да брось ты, Рафка! Вечно дуру гоняешь! А вдруг мы все погибнем?.. Тогда что? – резко выбросил фразу красавец курса Данил Савицкий.

– А ничего, будем продолжать жить у всевышнего Творца и дарить радость небесным ангелам…

– Да прекратите, ребята, спорить! Не то говорим, – прервала перепалку Алина Горская, – Давайте лучше прикоснёмся левой ладонью к сцене и мысленно загадаем желание. Каждый своё. Потом закроем глаза, возьмёмся за

руки и пожелаем друг другу скорой встречи здесь, на Святой Сцене.

Круг сидящих на сцене оживился. Многие как под гипнозом зажмурили глаза и приложили к полу ладони. Магическое тепло и чувство катарсиса пробежало по телу каждого.

– Мы будем жить! – подвёл итог действа Рафаил, – Не хандрить!

Все вдруг ожили, стали приподниматься, кто-то заговорил о бытовом, как будто и не было никакого волшебства и священнодействия.

Рафаил вместе с ребятами побежал в комнату к одному из них, чтобы договориться о завтрашнем военном сборе. В комнате настенные часы с кукушкой остановились на одиннадцати часах вечера. Просто гири необходимо было подтянуть для механического завода. Но… Как обычно. Всем было не до этого.

Наступал день страшных перемен. Театр войны и действительности не стал театром восторженных аплодисментов – это была настоящая драма каждого, кого хоть однажды коснулась война.

* * *

Вокруг Александра всегда были интересные, интеллигентные люди. Даже в невольных жизненных обстоятельствах они находили для себя «культурное» время и место для выхода творческой энергии.

В конце 1954 года Саше по рекомендации начальника ОЛПа разрешили вести газетную колонку «О высоких производственных показателях на участках передовых шахт Воркуты». Один из литераторов, Метелёв Лев Викторович, был немногословен. До того, как попасть в заключение, он работал заместителем редактора одной из иркутских газет. Дело было в войну…

Александр не имел привычки выспрашивать, за что и почему сидит тот или иной товарищ. Тем более Лев Викторович, человек малоразговорчивый, односложно отвечал на вопросы: «да» и «нет». Но сегодня он был в приподнятом настроении. Ему зачитали приказ об освобождении. До заседания литературного объединения оставался час. Саша первым зашёл в просторный кабинет Метелёва.

– Александр, я на седьмом небе! Скоро буду свободен. Домой, в Иркутск! – Лев Викторович от волнения переломил карандаш, который беспрерывно крутил в руках.

– Счастливый! А когда вам сообщили новость? – Саша радовался вместе в ним.

– Утром, Сашка, утром! За что же я так долго, десять лет, тянул лямку? – Лев Викторович сделал паузу, – За ерунду, Сашок. За газетную сонную блевотину!

Александр поразился искренности коллеги.

– А за что вы были здесь? Простите за неудобный вопрос, – Саша замер в ожидании честного признания в серьёзном проступке перед Родиной.

– Ни за хрен, Сашуля! – Лев Викторович разливал в стаканы густой чай, – Представляешь? Долго готовил статью об идиотизме Гитлера. Шёл набор печати всю ночь…

– И что дальше? Сгорела типография? – Саша засмеялся.

– Какой там! Хуже! – сгорела репутация Советской печати.

– Не понял! – Саша пододвинулся поближе к столу.

– Нарочно не придумаешь: наборщик с пьяну набрал слово вместо «бредовые» – «передовые»…

– И неужели никто не отредактировал?

– Никто. Потому что дежурным по газете был я. Статья вышла под заголовком «Передовые идеи Гитлера». Готовый тираж развезли по всем адресатам.

– Ну а вы?.. Куда глядели? – Саша пытался понять ситуацию.

– Я? По-честности? В подушку. Неделя без передышки дала знать своё. Вот и очутился в Воркуте.

Наступила небольшая пауза некоего неудобства за собственное ротозейство.

– Я тебя познакомлю с Григорием Марковичем Литинским, работавшим в редакции «Известий». Он расскажет о «ляпах» покруче.

Александр перешёл на тему театральную.

– А я хочу вам поведать маленькую новеллу из моей молодой, довоенной поры. О любви.

– Вечная тема необъяснимости… Слушаю.

– Как-то приехала к нам в ОЛП культбригада. Года три назад. Показывали фрагменты классических спектаклей. Ну и в одной из сцен «Грозы» Островского я увидел её.

– Сань, ты так издалека заезжаешь. Кого?..

– Мою одну из первых любимых пассий по институту, Наденьку. Она играла Катерину.

– Ну а потом? – настороженно задал вопрос Метелёв.

Моё ухо артиста моментально уловило всю фальш и стандартность молодой актрисы. Она пыталась убедить изголодавшихся зэков-мужчин в своей привлекательности.

– Так это же хорошо!

– В том-то и дело, что нет! Как впоследствии я узнал у неё самой, она работала на немцев в оккупации. Пела в притоне. Расстрел ей заменили на двадцать пять лет. Как актрису взяли в культбригаду. Словом, вся жизнь под откос.

– Ты подошёл к ней с чувством любви?

– Нет. Наоборот, я ощущал себя неловко. Куда подевалась прежняя красота и любовь? Около получаса она разыгрывала передо мной искреннее признание и простоту.

– Так что ты этим хотел сказать?

– Вот что: непредсказуемость судьбы, её повороты, какой-то мимолётный случай решают всё и здесь, за колючей проволокой.

– Да, кто знал, что одна буква в газете перемелет мою молодость, а война перечеркнёт твою любовь?..

– Никто, Лев Викторович.

На заседании литературного клуба пришли прозаик Фёдор Олесов, поэт Глеб Чайкин, Золотовский, – писатели давно известные в Воркуте, и не только по своим публикациям.

Александр Клейн среди них был начинающим. Но его юмористические и сатирические новеллы и стихи только-только входили к читающей публике. Одно было трудноразрешимым: придумывать десятки псевдонимов для каждой публикации, когда в одном номере газеты одновременно шло по несколько его материалов

* * *

Как и другие «бывшие» Александр оказался в заколдованном круге, очерченном кучей разных секретных инструкций. Бывало, уже согласятся принять на работу, но на следующий день отказывают: вакансии, оказывается, нет… Последним островком надежды стал клуб шахты № 4 в так называемом Немецком посёлке Воркуты, где жили сплошь немцы. Их сюда выслали без права выезда.

Заведующий клубом шахты Рамих принял соискателя на работу с особой осторожностью. Саша тихонько постучал в неказистую истёртую от времени деревянную дверь кабинета заведующего. Услышал приглушённый кашель и голос: «Входите».

В кабинете, за маленьким столом, накрытым зелёным сукном сидел совершенно «бесцветный», белесый старичок, альбинос:

– Здравствуйте! Эрих Вильгельмович, я Клейн, артист из Ленинграда. Желаю трудиться у вас.

– Немец, что ли? – надтреснутым голосом произнёс заведующий.

– Никак нет! Немецкий еврей из «бывших».

– Странно. А вроде бы не похож, – Он внимательно с ног до головы оглядел Александра, оценивая каждый дюйм внешности.

– Вы разговариваете на немецком? – Рафа пытался выстраивать психологические мостки собеседнику.

– Слабенько. Я из Поволжья. А ты?

– Свободно! – Саша мгновенно перешёл на немецкий и стал пересказывать свою трагикомическую судьбу. Когда он закончил, Рамих удивлёнными глазами посмотрел на него:

– Не может быть! Как это?! Еврей выжил в логове фашистов, пять раз бежал и остался в живых?.. Как это?! – заведующий нервно начал барабанить пальцами о край стола. Ему не верилось.

– В жизни, вероятно, такое бывает, – Саша с гордостью посмотрел в глаза Рамиху.

– Ладно. Придёте через два дня. Я вас беру руководителем драматического кружка. Правда, месячная зарплата всего 400 рублей[57].

– Премного благодарен!

Они расстались по-дружески. Саша шёл на квартиру к Василичу и понимал, если он получит справку с места работы, то сможет прописаться в любом бараке-развалюхе. Без своего жилья он чувствовал себя «изгоем свободы».

По пути домой решил зайти в редакцию воркутинской газеты «Заполярье» и показать несколько своих стихотворений. Редактор, Лев Викторович Метелёв, принял Сашу доброжелательно, по-отечески. Он напомнил Саше политрука роты ополченцев, который громко, с напором и убедительностью утверждал в пространстве каждую свою фразу.

– Ну-с, товарищ поэт! С чем пожаловали?

Александр вытащил из внутреннего кармана кителя свёрнутую в рулон тонкую тетрадь.

– Послушайте! Это из былого? Может понравиться! – и он начал читать стихи, как будто стоя на огромной сцене:

Свет сквозь решётки не пройдёт:
Их облепил сисястый лёд;
Взбухает, по стене ползёт,
Здесь зябнут круглый год.
Здесь в тесноте на нарах голых
Царят клопы и дикий голод,
И лишь одно желанье есть:
«Е-е-сть!»
Здесь все понятия поправ…

– Погодите! – Лев Викторович испуганными глазами смотрел на Александра, – Вы что хотите, чтобы это читала в газете вся Воркута? Меня же посадят. Какая тюрьма, какой голод?! Мы – страна победителей!

– Ну, тогда совсем другое, о Воркуте мирной:

57 Это по курсу 1961 года соответствовало 40 рублям в месяц

Ни души. Ни деревьев, ни кустиков.
Ширь снегов безнадёжно чиста.
Ты когда-то холодною грустью,
Повстречала меня, Воркута.

– Здорово! – перебил редактор, – Замечательно. Можно лирики добавить. О любви, о доме.

– Конечно, всё у меня есть! – Александр успокоился.

– Дня через два зайдите ко мне, обговорим дальнейшее сотрудничество, а эти стихи опубликуем в следующем номере.

Саша, счастливый, вышел из редакции. Он летел будто на крыльях Пегаса. «Пиит колючей проволоки», как называли его каторжане, сегодня был свободен. Для себя он решил (наивный), что теперь сможет жить на литературные гонорары. Через несколько дней первая в жизни подборка стихов А. С. Клейна появилась в газете «Заполярье». Это очень польстило молодому самолюбию поэта. Литературный шаг к Олимпу признания был сделан удачно и вовремя.

* * *

Александр Клейн вырос в Воркуте как поэт и драматург. Его первые пьесы-сказки, основанные на Коми фольклоре, уже вовсю издавались, а некоторые из них, «Ожерелье Сюдбея», «Камень жизни» и другие, шли в профессиональных театрах страны.

Во времена оттепели как-то в Воркуту приехали сценарист Алексей Каплер с женой, поэтессой Юлией Друниной, поэты Георгий Гулиа, Михаил Дудин, журналистка Галина Долматовская. Такое созвездие литературных имён Воркуту ещё не посещало. В новом Дворце культуры шахтёров зал был переполнен.

Как местного, уже известного пиита, Александра пригласили в небольшой уютный зал ресторана. Разговоры за столом завязались сами собой. Каждый читал свои свежие стихи, ещё не опубликованные. Михаил Александрович Дудин обратился к Саше:

– Ну, воркутинцы, о чём пишем? Прошу, коллега, – он протянул руку в сторону Клейна.

Саша умело справлялся с собственной робостью. Научила жизнь и сцена. Он легко отодвинул стул, привстал и по всем правилам ораторского мастерства стал читать:

Расходятся,
Сходятся
Нити идей,
А судьбы,
Как судьи,
Карают людей
За трусость
И смелость,
За правду
И ложь,
За медную мелочь
И крупный грабёж,
За дружбу и братство,
За месть и вражду,
За чьё-то богатство
И чью-то нужду;
Вдруг из-за утопий –
На суд! – и сожгут,
То в луже утопят,
А в море спасут.
И кто-то с улыбкой
Уходит в полёт,
А кто-то улиткой
По жизни ползёт.
Кому больше чести
Фортуна сулит,
Коль первый безвестен,
Второй – знаменит?!
Герои бледнеют,
Ликуют рабы;
Никто не умеет
Уйти от судьбы.
Ей милость, немилость, –
Что черепа смех;
Её справедливость –
Загадка для всех,
Ей любо, не любо,
Табу – не табу.
В лукавые губы
Целую судьбу.

За столом, среди сидящих, воцарилась неловкая, колючая тишина. Саша стоял в растерянности и не понимал: что же произошло?..

Неожиданно раздался шквал аплодисментов. Юлия Друнина, поэт-фронтовик, приподняла свой наполненный бокал:

– Друзья, это – поэзия будущего. Сегодня никто не решится публиковать правду об обратной стороне медали. Александр, где же вы были раньше?

Каплер, известный киносценарист, прошедший сталинские лагеря Коми, улыбнулся:

– Известно, где и все мы, душа России. Предлагаю выпить, не чокаясь, за артистов, музыкантов, писателей, художников ГУЛАГа, безвинно погибших в лагерях.

Сидящие за столом, молча, поднялись со своих мест, выпили стоя. В зале зазвучал джазовый ансамбль. Алексей Яковлевич Каплер, автор фильмов «Ленин в «Октябре» и «Ленин в восемнадцатом году», провёл десять лет в заполярных лагерях Коми. Плотный, широкоплечий, с крупными выразительными чертами лица, Каплер становился душой любого коллектива. Он многозначительно объявил, что хочет рассказать историю, полезную для каждого.

– Случилось это в нашем лагере, в кабинете «кума», так называли заключённые самого опасного начальника, офицера госбезопасности, наделённого такой властью, что его даже побаивались начальник лагеря и начальник режима, не говоря о зэках. «Кум» был с садистскими наклонностями, наказания от него сыпались налево и направо. Однажды дверь в его кабинет слегка приотворилась. В проёме показалась стриженная голова дневального зэка. «Кум» продолжал зевать и потягиваться. Тут дневальный переступил порог, быстро подошёл, взял стул и приставил к столу.

«Кум» удивлённо посмотрел на зэка… Тот встал на стул, а с него… на стол. «Опер» онемел от такой дерзости, выпучил глаза и, ничего не понимая, снизу вверх посмотрел на дневального. А тот над головой «кума» протянул руки, сорвал со стены большой портрет Берии. Бросил его на пол и стал топтать, приговаривая: «Так тебе! Так! Гад! Продажная шкура, изменник, падла!..»

«Кум» спохватился. В кабинет ворвались другие зэки и стали пинать оперуполномоченного, крича:

– Так и ты с ним заодно, продажная тварь! Гадина! Предатель!».

Под хохот присутствующих Каплер закончил:

– Начальник не слушал утренних радиовыпусков новостей и прослушал главного – о предательстве Берии. Так что, дорогие мои, всегда слушайте новости.

Хохот усилился.

Благодаря этой встрече, Александр в скором времени был принят в члены Союза писателей. Известные поэты и писатели страны приняли его в свой круг, став личными друзьями на долгие годы.

* * *

После освобождения Александр-Рафаил начал сотрудничать с воркутинской газетой «Заполярье». В ней постоянно печатались его стихи, рассказы и фельетоны. Под рубрикой «Шахтёрские крокодилы» он публиковал целые страницы остроумного, живого материала, которыми зачитывались воркутинцы. После того, как стали появляться «крокодилинки от Клейна», тираж газеты перевалил за двадцать тысяч. По тем временам это казалось невозможным. В городском театре кукол по его пьесам с успехом шли детские спектакли. Так, незаметно для себя, Рафаил соединил в себе два мира: театральный и литературный.

Тётя Гольда, жившая в Москве, пыталась помочь племяннику. Так было и на этот раз. В феврале 1959 года пришло письмо о том, что Рафу срочно вызывают в Правление Союза писателей СССР. Рафаил несколько раз перечитывал строки официального вызова с гербовой печатью профессионального Союза.

Собрался он очень быстро. Аккуратно сложил листы своих неопубликованных произведений, перевязал их в стопку и разместил в деревянном чемодане, взятом напрокат у соседа. Дорога до Москвы была дальней, более трёх суток. На одной из станций, в Котласе, Рафа «отбил» телеграмму тёте Гольде, чтобы встречала. В столице он не был почти двадцать лет. Когда паровоз подтягивал состав к платформе Ярославского вокзала Москвы, у него неожиданно перехватило дыхание и слёзы не к месту побежали из глаз. Не останавливаемые, как горный поток. Он приказал себе: «Без сантиментов!». Поезд, скрежеща, остановился. Александр, не торопясь, вышел на платформу, внутри ещё продолжал стучать чёткий ритм колёс.

– Тётя Гольда! – голос Саши поднялся над бесчисленной толпой пассажиров. Навстречу, чуть согнувшись, торопливо шла любимая и мужественная тётя Гольда, не раз спасавшая ему жизнь.

– Рафа! Милый, завтра в десять утра мы должны быть у Льва Абрамовича Кассиля, – тётя Гольда говорила без остановки, боясь упустить главное – за столькие годы разлуки, – Я о тебе с ним уже говорила, носила на рецензию твои работы. Он очень хотел с тобой повстречаться. Очень!

– Тётя Гольда, это всё будет завтра, а сегодня только говорим о своём, родственном!

– Хорошо, хорошо. Ты же голодный! Сейчас на автобус, а через пять остановок – дома!

Как давно Саша не слышал этого простого, без витиеватостей слова: «дома». До поздней ночи, сидя в маленькой кухне двухкомнатной квартиры с подселением, он слушал рассказы тёти Гольды о Борисе Ильиче, о своих домашних. А рано утром она с трудом разбудила Рафу.

Лев Кассиль – председатель Московской писательской организации, член правления Союза писателей СССР, был любимым писателем нескольких поколений детей и юношества, автор бессмертной книги «Кондуит и Швамбрания» и других замечательных произведений.

Рафаил быстро доехал до дома Л. Кассиля. Он жил в проезде МХАТ в квартире-музее Собинова[58]. Лев Абрамович был женат на дочери великого русского певца Леонида Витальевича Собинова. Рафаил позвонил в дверь старинной квартиры. В большой прихожей рядом с Кассилем стояла маленькая старушка, жена Собинова, сестра известного скульптора Веры Мухиной – Нина Ивановна. Она протянула Рафе сухонькую ручку и представилась:

– Собинова.

Старушка отошла, а затем опять повернулась к Рафаилу, глянула на него, снова протянула ручку и представилась:

– Собинова.

У неё был сильнейший склероз и Нина Ивановна забывала всё, что только что имело место.

Когда сели за стол, старушка разошлась; стала вспоминать прошлое в мельчайших подробностях, встречу с императрицей, причём в тонкостях описала все детали туалета Её Величества.

Перед Рафаилом сидела дряхлая старушка, а над столом, на стене, висел её портрет в молодости. Красавица. Первый тенор России недаром полюбил её. Рядом с ним, высоким и стройным она смотрелась очень хорошо. Она была моложе супруга на восемнадцать лет, и как актриса МХТ, славилась творческими работами.

После обеда Лев Абрамович пригласил Александра в свой кабинет. Маленькая комната была уставлена книгами. Рядом с письменным столом располагалась статуя его кумира Маяковского. На полках книжного шкафа, перед старинным изданием Вольтера, находились сувенирные фигурки английских гвардейцев в меховых шапках, точно как перед королевским дворцом в Лондоне.

Лев Абрамович дружил с В. Маяковским. С 1927 года работал в его литературном журнале «Новый Леф». Как-то Маяковский в шутку прорифмовал юного Лёву: «Мы пахали, мы косили, мы нахалы, мы Кассили!». Лев не обиделся, а, наоборот, гордился тем, что советский поэт сочинил в его честь подобный экспромт. Сидя на удобном кресле, Рафаил начал подробно и откровенно рассказывать о своих злоключениях. Кассиль тяжело вздыхал, нахмурив лоб. Сквозь круглые очки смотрел куда-то вдаль.

58 Камергерский переулок, 5/7

– Я всё понимаю. Мой брат Ося, в 1937-м году был репрессирован по политической, это спустя годы, уже после его смерти, его реабилитировали.

– А что же вы? – Рафа заинтересованно придвинулся ближе к столу.

– А ничего. Меня, как брата «врага народа» не публиковали, пока не вмешался сам Сталин.

– Не может быть!

– Может, да ещё как! – Кассиль стал с некоторой усмешкой рассказывать историю, – Сталин имел обыкновение лично просматривать центральные газеты и вот как-то, проглядывая очередной номер «Правды»…

– Лев Абрамович, я хорошо помню ваши фельетоны и в «Известиях»…

– Так вот… Он неожиданно спросил: «А что это я давно не вижу ничего Кассиля? Почему он не пишет?» – «Иосиф Виссарионович, у него арестован брат», – ответил чиновник. «Ну так что же?», – Сталин нахмурился.

– И что дальше? – Рафа ёрзал в кресле.

– Его вопрос «Ну так что же?» и стал для моего возрождения решающим.

– Может быть, поэтому вам и близка судьба нас, незаконно репрессированных, – Рафа очень ждал ответа Кассиля.

– Конечно, осталось помочь тебя реабилитировать. Правда, бумаг уйма, но ничего, прорвёмся сквозь чиновничью пыль!

Почти семь лет Кассиль «пробивал» документы Рафаила на реабилитацию. В июле 1966 года свершилось, Клейн был оправдан и ему возвратили все воинские награды.

– Ну, Рафаил, теперь начинаем серьёзную литературную жизнь. Чем смогу – помогу!

Слова Кассиля Рафа запомнил надолго. Благодаря Льву Абрамовичу, он стал публиковаться в центральных изданиях, познакомился со многими писателями Москвы. А в 1970 году, со смертью великого друга, Рафаил понял: помогать ему, как Кассиль, никто уже не будет. Каждый жил для своей «славы».

Творческий мир – особый. Мир зависти, «уничтожения» рядом идущего к признанию.. Ты должен быть как многие «серости», или покидай уютный корабль приспособленцев.

А льстить самодовольным глупцам Рафаил не умел, да и не хотел.

Глава XIII

Рафаил и его сокурсники вечерами играли в массовых сценах различных театров Ленинграда. На вопрос, за что Рафа любит театр, он всегда отвечал: «За то, что в нём каждый день случается что-нибудь неожиданное.» А так как Клейн был смолоду связан с театром, он собирал в личную творческую копилку «накладки» (на актёрском языке видимые и невидимые ошибки для зрителя или «театральные казусы»).

Однажды Рафа и его сокурсница Людмила Калитина были заняты в мелодраме Дюма-отца «Кин, или Гений и беспутство». Спектакль проходил в Выборгском дворце культуры. Исполнитель заглавной роли Ким Шидловский должен был в последнем акте мелодрамы появиться в средневековом шитом золотом сюртуке. А костюм «шекспировского» героя исчез: его оставили случайно в Кировском доме культуры, где играли до этого.

Спектакль приближался к финальной сцене. Ким Владленович, красный от злобы, кричал на костюмершу:

– Вы мне ответите за всё! Это – провокация! Ротозейство!

Рафаил, способный выходить из любых сложных ситуаций, неожиданно предложил:

– Ким Владленович, успеем! Разрешите помочь?

– А-а-а, – протянул Шидловский, – Делайте, что хотите!

Рафаил вместе с костюмершей Зосей стал быстро выбирать из оставшихся в деревянном ящике костюмов более-менее похожий. Неожиданно увидел блестящий, чем-то схожий с прежним, кусок ткани. Потянул его наружу. Зося заверещала:

– Ты что?! Это же платье Ирины Фёдоровны Шаляпиной-Бакшевой. Дочери великого певца.

– Осталось три минуты! – раздался голос помощника режиссёра.

– Торопись, Зося! Кто в темноте поймёт!

Рафаил побежал за кулисы. В полумраке быстро натянул на Кима Владленовича платье и, слегка хлопнув его по плечу, подтолкнул к сцене:

– Как там и был! В стиле!

В вечернем платье актрисы Шаляпиной Шидловский смотрелся трагикомично. Текст, произносимый актёром, был очень драматичен, а внешний вид…

Актриса Волкова, игравшая в диалоге с героем, еле сдерживалась от смеха, хотя, по сюжету, ей необходимо было вот-вот умереть. За кулисами творилось невероятное буйство оживления и смеха. Актёры безудержно хохотали, придерживая рты и животы. Наконец свет погас. В зале так ничего и не заметившая публика аплодировала.

Ким Владленович только вышел из кулисы, приподнимая подол платья, и сразу побежал в артистическую комнату.

– Ну, Рафка, я тебе отомщу! – кричал он на бегу.

С того дня Рафаила прозвали в Александринском театре «пожарный актёр», то есть тот, кто может на сцене сиюминутно заменить собой всех, вплоть до главных исполнителей. Потому что, когда шёл тот или иной спектакль, Рафаил за кулисами проигрывал все роли, бормоча на разных интонациях текст героев.

В следующем спектакле Академического театра драмы имени А. С. Пуш-

кина шёл «Макбет». В первом акте шекспировской трагедии должна была идти сцена с ведьмами. В полной темноте со светящимся гримом ведьмы исполняли танец-заклинание. Двое из актрис заболели. Уже перед началом действа помреж Ремизов приказал Рафе гримироваться:

– Заменишь актрис, костюмы не видны, только светящиеся лица. Всё просто! Готовься! – помреж выпорхнул из гримёрки.

Клейн забежал в артистическую, абстрактными мазками «нарисовал» лицо. Три молоденькие актрисы в современных платьях, на высоких каблуках, тоже были загримированы.

– Ты, Рафа, следи за нашими действиями и соблюдай дистанцию. Рисунок танца простой. Работаешь с правой кулисы, - наставляли они «новенького».

Так всё и вышло. Зазвучала зловещая колдовская мелодия. Финальный аккорд… Вновь накладка, кто-то из осветителей преждевременно включил полный свет на сцене. «Ведьмы», производившие на зрителя зловещее впечатление, вдруг предстали в современной одежде и, стуча высокими каблуками, подбирая юбки, со всех ног побежали за кулисы.

Рафа в сутолоке случайно наступил на подол одной из них и… Юбка с девушки упала. В зале раздался гомерический смех. Обалдевший от такого позора помреж побледнел и тюфяком плюхнулся на рядом стоящий стул, на котором восседала Народная артистка, лауреат Сталинской премии, Дулова. Она ойкнула и тут же взревела:

– Народные артистки помрежев на руках не носят! Всё наоборот! – возмутилась она.

Рафа давился от смеха, помогая поддерживать юбку актрисы-неудачницы. Он хохотал. «Стрелочником» оказался, как обычно и бывает, осветитель дядя Коля, которого уволили за «вредительство советскому искусству». Было бы тело, а дело для него всегда найдётся. Такой казус, но уже с политическим окрасом, вышел в этом же театре, но в пьесе А. Штейна «Между ливнями».

Рафа и его однокурсники играли взбунтовавшихся моряков-красноармейцев. За кулисами царила напряжённая тишина. Рафаил увидел откуда-то возникшую из глубины кармана сцены рыжую кошку. Кто-то, сидевший рядом, сказал, что Муська театралка и недавно родила котят прямо здесь, на сцене. Но её все подкармливают и очень любят. Рафа погладил рыжую «актрису». Она, урча, обошла его стул, головой потёрлась в знак приветствия, и…

В это время на сцене шёл монолог вождя революции о необходимости вводить в России новую экономическую политику. Монолог мудрого Ленина длился минут пятнадцать. И вдруг, рыжая Муся решила «блеснуть» на сцене. Она спокойно вышла из левой кулисы и села на авансцене. На первый план. Тщательно, с остановками, стала умываться. По залу прокатился смешок. «Герой» в образе Ленина невозмутимо продолжал воспитывать массы. Муся как бы невзначай услышала голоса, к ней взывающие: «Кис-кис!». Они

звучали с разных сторон сцены. Кошка уныло посмотрела то в одну сторону, то в другую. Равнодушно повернулась и прыгнула на колени к актёру, игравшему роль Ленина. Зал взорвался смехом. За кулисами предпринимались неимоверные попытки удалить кошку со сцены. Кто-то из-за кулисы протянул метлу, чтобы спугнуть «рыжую приму» с подмостков, но она подумала, что с ней заигрывают. Стала прыгать, шипеть, уворачиваться. Словом, сцена была сорвана бесповоротно. Зал зашёлся от смеха, до икоты.

А Рафаил вновь оказался крайним. Кто-то сказал помрежу, что якобы он принёс беременную кошку с улицы. И таких ситуаций в жизни Рафаила случалось много. Даже клеймо «врага народа», плен, война не погасили в нём прозрачное, лёгкое чувство юмора и самоиронию.

* * *

У каждого человека, даже самого скромного, есть тщеславие. У одного его больше, у другого меньше. Особенно развито это чувство у людей, связанных с искусством. Александр не был исключением.

Когда он после освобождения написал свою первую пьесу-сказку «Камень жизни» по мотивам Коми фольклора, она была взята в репертуар Воркутинского драматического театра. На гастролях в столице Коми Республики, городе Сыктывкаре, вдруг исчез главный герой, исполнитель роли Хановея. Пьеса шла в Республиканском музыкальном театре. До начала спектакля оставалось всего несколько минут. Александр Соломонович, как уже признанный драматург, ожидал начала премьеры. Он разговаривал с коллегами-артистами, с которыми недавно находился за колючей проволокой.

Директор Воркутинского театра Владимир Васильевич метался за кулисами в поисках замены. Замены Хановею не было.

– Саша! – бросился директор к Клейну, – Твоя пьеса. Выручай! Ты же артист!

– А что произошло?

– Не знаю… Торопись. Ты автор, текст знаешь!

– Конечно, лучше из зала смотреть творение. Но… Надо спасать положение.

Обувь, костюм, косматый парик основного исполнителя оказались Александру впору. Занавес открылся. Звуки музыки перешли в вой и свист северного ветра. Рядом стоящий за кулисами администратор подтолкнул Александра.

– Ну, пора! Пошёл!

Саша вышел без репетиций с партнёрами, только на интуитивной волне и творческой фантазии. Рисуя собственные мизансцены, стал вести спектакль, как капитан тонущей каравеллы. Партнёры, подхватывая его новую реплику, пытались вторить и дополнять игру. Текст пошёл «врассыпную». Саша чётко шёл по своему авторскому тексту, а актёры где сокращали, где забывали, а где

и добавляли новые слова и фразы.

Когда закончился спектакль, Александр ощутил в себе прилив необъяснимой энергии искусства. Как же он истосковался по настоящей сцене!

После премьеры директор театра, главные чиновники Министерства культуры, актёры ввалились в гримёрную, чтобы поздравить автора и исполнителя с огромным успехом. Заместитель Министра культуры преподнесла Александру цветы и новенькую пишущую машинку «Прогресс». Этому подарку Саша Клейн был рад особенно. Сколько ещё произведений родиться под стуком этой чудо-машинки!

* * *

После освобождения Александр активно входил в литературный мир. Его стали издавать. От Коми отделения Союза писателей он стал часто выезжать в Москву на различные семинары, пленумы, конференции.

В 1962 году, осенью, Саша вновь поехал в столицу. На одной из конференций близко познакомился с Михаилом Аркадьевичем Светловым (Шейнкманом). Жил он в доме писательского кооператива в Камергерском переулке. Они договорились о встрече.

Александр взял с собой несколько детских пьес, стихи, написанные недавно, чтобы получить рекомендацию от великого писателя. Позвонив звонком-вертушкой в дверь, Саша долго ждал, чтобы кто-нибудь открыл.

За дверью послышались шаркающие шаги и недовольный женский голос. Дверь открыла интеллигентного вида женщина с миндалевидными глазами.

– Простите, я к Михаилу Аркадьевичу. Издалека. Молодой писатель Александр Клейн. Можно пройти?

Она внимательно осмотрела Сашу с головы до ног.

– Погодите. Он немного занят. Александр стоял в прихожей, переминаясь с ноги на ногу. В коридоре располагались высокие книжные стеллажи. Висели картины, на которых были изображены кавказские горы, снежные хребты, а в центре, под высоким потолком, одиноко красовалась картина красноармейцев, скачущих на лихих конях в бой. Минуты через две дверь комнаты напротив отворилась. Навстречу Александру вышел легендарный советский поэт! Правда, вид у него был несколько не очень, он выглядел блёкло и «истёрто».

– А-а-а, Сашка! – протянул он восторженно-радостно, – Проходи!

Пока Александр раздевался в прихожей, Светлов, будучи человеком лёгкого нрава, прочитал свою эпиграмму на советского читателя:

К литературе тяготея,
По магазинам бегал я,
Не понял ни Хемингуэя!

Александр от неожиданной концовки громко рассмеялся. Женщина выглянула из кухни.

– Знакомься, Саша, моя супруга – Фодам Ираклиевна Амирэджиби, сестра моего друга, одного грузинского писателя.

– Очень приятно, Александр Клейн, писатель с Севера.

– Пошли в мою «чайхану»! – так Светлов называл свою комнату, где жили сплошные книги.

Безбытность и пустота не удивила Сашу. За свою жизнь он видал и не такое.

– Ну, рассказывай! – Михаил Аркадьевич был в приподнятом настроении.

Александр вытащил из старенького портфеля свои рукописи и начал раскладывать на маленьком столике.

– Погоди, тс-с-с, – Светлов жестом показал молчать, – Я сейчас.

Встав на табуретку, поэт поднялся и стал осторожно, отодвигая ряд книг, что-то вытаскивать из глубины.

– Вот она! Потаённая. Дождалась своего часа, – он показал Саше бутылку московской водки. – Без этого и литература не в счёт.

Быстро достал гранёный стакан и пару галет.

– Простите, но я не пью! – стал отказываться Александр.

– Тогда ты не писатель. По чуть-чуть. Только тихо. Моя опять устроит скандал.

Он быстро налил полстакана и протянул Александру.

Александра обдал резкий запах горькой. Он поднёс к губам стакан и, закрыв глаза, не дыша, залпом выпил.

– Молодец, поэт! – Светлов быстро налил себе полный стакан и словно простую воду выпил его.

– Ну, начинай! Читай!

Саша, раскрасневшись и немного захмелев от водки, выпитой на голодный желудок, начал громко, поставленным голосом читать свою лирику, поэмы о ГУЛАГе. Михаил Аркадьевич внимательно слушал. Потом, как бы для себя, стал говорить, глядя в дальний угол комнаты.

– Ты знаешь, как я стал писать? – продолжил он, не дослушав ответ, – Както отец приволок в дом кучу книг классиков, чтобы пустить бумагу на кульки для семечек. Он у меня был бедный еврей-ремесленник. Я сказал ему: сначала читаю, а потом родитель заворачивает. Так и вышло. Перечитал уйму писателей. Оттуда и пришло искромётное, острое слово.

– А как же сейчас? Вы так… можете? – Саша указал на пустую бутылку.

– Могу, Саша, могу! Пью я не от алкоголизма, а от неприятия того, что нас окружает. Порядочный человек это тот, кто делает гадости без удовольствия. А мне после войны столько нагадили… попал в опалу. И… вот.

– А кто же помог? Вы же очень значимы в нашей литературе, – Саша осёкся,

увидев, что Светлов вновь полез искать очередную бутылку.

В кабинет, резко открыв дверь, вошла супруга Михаила Аркадьевича. Начался семейный скандал на тему бытового алкоголизма.

Александр, быстро собрав рукописи, пошёл в прихожую одеваться. Скандал продолжался. Не закрыв входную дверь, он ушёл. Только через год ему позвонили от Светлова и предложили к публикации ряд произведений.

Александр не ожидал, что Светлов его ещё помнит, ведь Клейн для него был лишь неизвестным литератором с севера.

* * *

Республиканский театр кукол, базирующийся в Воркуте, свою историю отсчитывает с конца 1955 года. Не все кукольники понимали, что ширма требует своей особой драматургии. Александр решил внести свою литературную правку в произведения, которые играли в театре. В одной из первых постановок по пьесе Серёгина «Волшебный прутик» Саша играл злого волшебника. Куклы были невообразимые. Их костюмы шили из разного тряпья и лохмотьев. После премьеры, которая прошла на «ура» у маленьких зрителей, коллективу предстояла поездка в посёлок шахты № 27. Выйдя на станции Мульда, актёры тетра были в ужасе. Их никто не встречал. Поднималась злобная воркутинская вьюга, а идти до посёлка от ж/д станции почти десять километров. Вьюга выбивала последние силы. Сани, к которым были привязаны ящики с куклами и детали декораций, постоянно опрокидывались.

Александр тащил сани, проваливаясь в сугробы, а рядом, чуть отстав от него, карабкались молодые артистки. Одна из них, Людмила Ловейко, выбилась из сил и стала кричать:

– Сашка! Брось меня в тундре! Я больше не могу!

Александр, что есть мочи, кричал:

– Трусиха! Слабак! Шуруй вперёд!

– Я не могу! Легче сдохнуть! – Люда завалилась в сугроб, закрыв руками лицо.

Александр с трудом стал поднимать актрису. Она кричала, сопротивлялась. Ничего не получалось. Чтобы как-то вывести её из истерики, он слегка встряхнул её. Она сразу замолчала. И тут, завывание вьюги смешалось с голосом Ловейко:

– Всё! Я назло всем вам пойду и докажу! Артисты – не погибают!

Спустя годы Саша и Люда часто вспоминали эту фразу и смеялись. Каким-то внутренним чутьём в кромешной темноте он привел свою труппу к посёлку. Не было ни одной лампы ни вблизи, ни вдали. Только он вдруг упёрся в какую-то стену, на ощупь понял – дошли.

– Девчонки, посёлок! 27-я!

Там начинался посёлок 27-й шахты. Саша, будучи в заключении, знал здесь каждый дом. В небольшом здании наподобие клуба горело несколько керосиновых ламп. Ребятишки, распарившись за несколько часов ожидания, встретили кукольников с огромной радостью.

– Вам помочь? Я всё могу! – мальчишка с ватагой ребят выбежал на улицу, помогая затащить ящики с куклами и декорациями.

Через час в помещение набилось очень много народу. Помимо детского спектакля актёрам пришлось ещё читать и петь романсы для взрослых. Александр, имея солидный опыт ведения импровизированных концертов, был на высоте.

К вечеру полярная вьюга стихла. На автомобиле, выделенном штатным управлением, коллектив театра успешно доставили до железнодорожной станции. Первые гастроли театра кукол запомнились Александру надолго.

Глава XIV

С Александром Соломоновичем я познакомился сорок лет назад. Вспоминаю нашу первую встречу.

На крыльце Сыктывкарского училища культуры на переменах всегда было много студентов. Кто курил, кто рассказывал анекдоты, кто объяснялся в любви… Неожиданно молодые студенты примолкли, а девчонки, обезумев от радости, побежали навстречу идущему с портфелем пожилому человеку.

– Александр Соломонович! Александр Соломонович! – кричали они.

– Как первоклашки! Чему радуются?.. – спросил я студента старшего курса.

– Ты что, не знаешь? Это же сам Клейн, – он произнёс эту фамилию с особым почитанием и уважением.

– А-а-а, – неопределённо протянул я, – Понятно!

Хотя я ничего ещё не понимал, только одна мысль преследовала и повторялась в голове: «Чему торжествовать?.. Учитель как учитель. Все они одинаковые…»

Вдруг над всеми, кто находился на крыльце, вознёсся могучий голос Клейна:

– Привет животному миру Африки!

Я на мгновение замер, затем раздался коллективный заливистый смех молодёжи.

– Здрасьте! Приветствуем! Добрый день! – заверещали они наперебой.

На редкость красивый, с гордой осанкой, с профилем греческого философа человек, в доли секунды обаял и притянул к себе того, кто ещё минуту назад его ещё не знал.

Уже на индивидуальных занятиях по сценической речи я стал осознавать,

что мне очень повезло. Такой педагог встречается на миллион один раз.

– Ну, Йосич, – так всегда называл меня Мастер, транскриптируя отчество, – Начнём!

Я знал, что первым делом идёт дыхательный, голосовой, артикуляционный тренаж, затем действенный анализ произведения и прочее.

Так пролетело два года, два самых насыщенных занятиями по сценречи, постановкой моего голоса, развития способности чувствовать авторов произведений. Настало время для заключительного экзамена по сценической речи. Наша группа была одной из первых, кто решился на эксперимент: читали по три разножанровых произведения каждый. Строгая комиссия не внушала особого профессионального доверия, кроме двух человек: А. С. Клейна и старейшей актрисы академического театра Н. И. Поповцевой. В завершении экзамена студентов пригласили в аудиторию для вынесения «вердикта». Члены комиссии говорили мудрёные слова об искусстве звучащего слова, которые не очень воспринимались студентами. Каждый из молодых уже давно вообразил себя будущим «премьером» театра Большого, не меньше. Очередь дошла и до меня. Педагог, вычурная, с капризным высокомерным лицом, вечно вытянутом в удивлённой гримасе, с крашенными под блондинку волосами, надменно посмотрела на студентов. Она все годы шла в оппозиции с Клейном, претендуя на свою псевдозначимость педагога и театрального критика. Одно её спасало, это – глупость! Не задумываясь, автоматически вклинила:

– А вот Юрий Иосифович Клейн… – затем быстро поправилась, – Сегодня достиг уровня своего учителя. Я, закрыв глаза, даже не поняла, кто это читает… Посему…

– Да-да, и интонации, и тембр, и сила… – стал кто-то из комиссии подбрасывать в мой адрес комплименты.

Я был обескуражен. Как же так?.. Я не пародировал Клейна, а читал, как учил сам Мастер. Словом, после экзамена все были счастливы. С того времени и стали называть меня «Клейн-2». Я гордился этим признанием.

Действительно, даже многие привычки, литературные пристрастия, интересы в искусстве невольно вросли в моё существо и сознание. Они продолжают быть и сегодня.

Случалось, что мы с Александром Соломоновичем по распоряжению Министерства культуры вели ответственные Республиканские концерты, демонстрации трудящихся Республики. Внутри меня рождался голос великого диктора всех времён – Юрия Левитана. Голос торжеств и церемоний. Клейн лично знал «Юрбора», так он называл Левитана, в 70-х направил меня к нему на дикторский мастер-класс. Как по тонкому льду, я научился вести свои тембры, обертоны, голосовые краски к совершенству. Родился красивый, умный голос, способный воздействовать на сотни, тысячи людей.

Александр Соломонович бережно помогал «лепить» из моих природных речевых мозаик академически правильную сценическую речь, которая сегодня утрачивается, во времена скороговорения и бездумной болтовни. И востребована, увы, не так часто. Пройдут годы, а голос Клейна, «вошедший» в учеников, будет долго служить на радость людям.

* * *

Я постоянно путался только в двух именах моего великого Учителя. То называл его Александром, а то – Рафаилом. Он, зная эту двухимённую путаницу, по привычке отвечал:

– Я, как умный пёс, живу в двух ипостасях, надеясь на двойную любовь и доппаёк в виде косточки.

Мы общались с Клейном постоянно, и будучи рядом, и на расстоянии… Даже мелкие бытовые проблемы пытались разрешать сообща. Как-то, в конце 70-х годов, Александру Соломоновичу неожиданно дали ордер на новую квартиру. Он был рад тому, что его признали как значимую личность, вероятно, поняли, что для людей, создающих духовность, носителей огня Творчества, необходимы элементарные бытовые условия, хоть какие-нибудь и при жизни. «Газ», грузовая машина с деревянными бортами, подошла к новостройке микрорайона «Орбита» (пригород Сыктывкара).

– Александр Соломонович, нам необходим кот. Любой. Драный, домашний, но… Кот!

– Йосич, разгружай, потом найдём!

Мы выгрузили стопки книг, посуду, стеллажи, мебель. Водитель торопился. Оставшись один на один с разбросанными вещами, мы с Клейном стали быстро соображать: с чего же начать?

– Александр Соломонович! Вон он! – через строительный мусор я побежал к соседнему подъезду, где на скамеечке вальяжно спал рыжий грязный кот. Осторожно подкравшись сзади, схватил лежебоку. Кот безумно заорал, пытаясь меня исцарапать. Рыжая бестия стремился вырваться и убежать.

– Йосич, да брось ты его!

– Александр Соломонович! Рыжий на счастье, на семейную удачу и пополнение. Нам повезло! У вас будет новая семья! – я засмеялся.

Взбежал на этаж, остановился возле дверей квартиры. Клейн поставил две связки книг, открыл дверной замок:

– Готово! Запускай!

Я быстро выпустил обезумевшего бедолагу. Рыжий, заметавшись по квартире, пробежал в большой зал двухкомнатной квартиры. И моментально оставил на полу пахучую кошачью метку.

Примерно через час мы вдвоём наконец-то перенесли все вещи с улицы.

– Йосич, обмывать новоселье будем с чаем и колбасой.

Я обрадовался. Так заваривать настоящий индийский чай, как Александр Соломонович, никто не умел, а на колбасу моих студенческих грошей не хватало.

Слегка перекусив, мы начали хозяйским взглядом осматривать все сантехнические узлы и соединения. Электропроводку.

– Мне необходимо провести входной звонок, – по-хозяйски сообщил Клейн, – Йосич, ты в электрозвонках мастер?

– Нет, к сожалению, не обучен, – я вздохнул неуверенно, с неким бессилием и уколом совести.

– Конечно, – Александр Соломонович внимательно глянул на меня, – в вас живёт только сцена, – и засмеялся.

Кот начал громко мяукать, проситься на улицу. Я приоткрыл входную дверь, он пулей выскочил наружу.

Целую неделю мы с Клейном разбирали домашние вещи, архивы. Главным достоянием багажа являлись книги. Мы бережно протирали от пыли каждую из них и по всей комнате раскладывали тематические стопки.

Когда квартира обрела более-менее благообразный вид, до нас дошло осознание того, что это настоящий дом, где необходимо заводить новую семью. С первой супругой, которая родила сына Илью, у Александра Соломоновича отношения не сложились. Да и сын, по ряду причин, был вдалеке от отца. Казалось, что всё! Это финал жизни семейной! Но судьба готовила Александру прекрасный, светлый подарок, о котором он даже не мог и мечтать.

Разрываясь между уроками в училище, театром, написанием новых произведений, любимыми учениками, Александр Соломонович открыл для себя заново самое высокое чувство – любовь к женщине. Ему было уже около шестидесяти.

* * *

В 1983 году у Александра Соломоновича родилась дочь. Он, не задумываясь, назвал её Ксенией, в честь выдуманной фамилии «Ксенин», спасшей ему жизнь в годы немецкого плена. Жена, Светлана Александровна, была молодым начинающим режиссёром драмы.

Для Клейна то, чего вполне могло не быть, неожиданно обернулось явью. Я как-то при встрече бросил ему:

– Александр Соломонович, я – провидец, говорил вам, что Рыжик на счастье!

Он вначале не понял, а потом, вспомнив про рыжего кота-новосёла, рассмеялся:

– Да, бывает же примета в руку!

Новая, творчески одарённая семья, Республике Коми принесла немало культурных открытий. У Александра как бы открылось второе дыхание.

Появилось очень много новых художественных произведений, стали выходить поэтические сборники, очерки-книги об известных деятелях культуры Республики, пьесы и романы-биографии: «Дитя смерти», «Клеймёные», «Улыбки неволи» и другие. Светлана ставила новые пьесы в театре.

Помню, мы как-то гуляли с ним в Кировском парке. Обезумевшие грачи устроили гонки по кронам старых высоченных тополей.

– У них своя иерархия, свои сборы-разборы, почитания и отторжения, всё, как у нас, – присев на выщербленную скамью, произнёс Александр Соломонович.

– Действительно, всё вроде бы ясно и определено природой, а как, Александр Соломонович, могло случиться, что, будучи невольным человеком, вы пытались ещё нести радость другим?.. О каком искусстве, тем более «крепостном», можно говорить в заключении? – я пытался мудрствовать, чтобы не казаться «незнайкой».

– Да, ты прав. Как?! Поэтому давай-ка, друг, займёмся прекрасным делом, пока живы жертвы – свидетели режима. Я буду всё вспоминать, фиксировать на бумаге, а ты постарайся отыскивать оставшихся ещё в живых, бывших деятелей искусства, способных документально подтвердить историю театра ГУЛАГа.

Тогда ещё эта тема была закрыта, недоступна. Ни о каких архивах КГБ и достоверных источниках речи не могло быть. Я, по наивности, спросил, так, для перестраховки:

– А меня, как сына политической репрессированной, могут преследовать за инакомыслие? Аполитизм?

– Глупый. Ты же собираешь факты истории не для того, чтобы свергнуть советскую власть. А для будущих поколений, которые будут жить после тебя.

– А-а-а… – протянул я задумчиво.

Неожиданно над нашими головами, разрезая воздух, промчались две маленькие птицы. Это были стрижи. Их миндалевидные глазки, фиолетово-чёрные, с любопытством поглядывали на людей.

– Даже птицы согласны с нами. Ну что?.. Даём клятву друг другу: идти до конца к одной цели возрождения памяти «клеймёного искусства», а главное – с этой минуты можешь считать меня своим духовным отцом, а я тебя буду называть «сыном», ведь ты теперь брат сестрёнки, которая недавно родилась.

Я вначале это принял за шутку, но спустя не один десяток лет совместной верности в дружбе, приятия, сотворчества, понял: это действительно так и должно было случиться. Я стал названным братом Ксении Клейн, а Александр Соломонович – настоящим отцом и другом, на века!

Уже для своих театральных учеников я старался во всём быть похожим на «духовного» отца. В манерах: чтецкой (высокой культуры), признания всех видов искусства, актёрской игры, режиссуры, умения рождать мысли на бумаге. Вплоть до юмористических приколов.

* * *

О своём пребывании в плену, тюрьме, лагере Александр Соломонович рассказывал всегда подробно. У нас была договорённость с ним, что я буду стараться всё записывать. Вдруг придёт время, когда это пригодится. Я знал, что, пережив два инфаркта, Александр Соломонович мог и не вернуться к здоровой жизни. Шла середина 70-х годов.

Александр Клейн обладал феноменальной памятью. Имена, даты, события воссоздавались им моментально, будто это было вчера. Я по молодости записывал только факты и имена, некоторые эпизоды его жизни. Объём черновых тетрадей вырос до сорока двух. Оставалось только одно – когда-то их использовать при создании книги о неповторимом человеке-легенде А. С. Клейне.

Я тогда и не предполагал, что только через 35 лет вновь понадобятся тетради, надиктованные мне Клейном, ставшим самым родным и близким человеком. И ещё! Судьба меня неожиданно определила в город Тосно, где я живу, и почти 10 лет работал в Доме культуры, волею случая располагавшемся в бывшей церкви иконы Казанской Божьей Матери. Здесь же, в годы Великой Отечественной Войны находился госпиталь СС, где служил пленный Алекс Ксенин.

Вероятно, круги истории, времени, судьбы повторяются. Александр Соломонович звонил мне день через день. Называл места, улицы Тосно. Будучи в тяжёлом состоянии здоровья, он, заговариваясь, постоянно переспрашивал об одном:

– Сынок, а яму-то от авиабомбы зарыли?..

Действительно, такая яма существовала в центре Тосно, на месте, где сейчас находится главпочтамт. А в 41-м она напоминала глубокое озеро с вздыбленными краями-рельефами. Александр не раз, по заданию немецкого командования, ходил в посёлок Тосно мимо этой снарядной чаши, которая так и осталась в его памяти, в помутнённом сознанием войны, как безысходная рана совести и боли.

Поэтому каждый раз я отвечал:

– Александр Соломонович, только вчера зарыли котлован. Теперь нет и следа от былого…

Он прерывал меня:

– Следы останутся навсегда. Было бы кому помнить о тех, кто невольно

оказался в немецком плену и это видел. Главное – я никого не предавал, наоборот, – помогал выжить слабым, воевал… – Александр Соломонович замолкал. На обратной стороне телефонной трубки слышалось его глубокое дыхание.

– Да успокойтесь, Александр Соломонович! Всё хорошо, – я понимал, что моих слов он не слышит. Вновь ушёл в себя, провалился в болезненный от морфия сон.

Милейшая супруга Светлана Александровна позвонила мне в начале апреля 2009 года.

– Завтра должна прилететь из Израиля Ксения. Только бы успела! – тревога надежды чувствовалась в голосе Светланы.

Ксения прилетела на другой день. Успела. Почти день и целую ночь она провела возле постели отца. Александр Соломонович был без сознания. Кутя говорила ему добрые, известные только им двоим, слова-откровения, любви и признания. Гладила его тёплую руку, которая часто бережно обнимала её. Под утро она провалилась в короткий тревожный сон.

Ей снился, вот уже который раз повторяющийся «клип». Виделась какая-то разбросанная деревня с чёрными, вросшими в землю избами, и огромная яма, разрыхлённая по краям, наполненная талой водой. Во всём белом, по глади этой жижи ступает отец, который неожиданно вытягивает из грязного месива, прямо за хвост, половину огромной рыбины. Ксения кричит вслед, но он её не слышит. Белой точкой, не оглядываясь, отдаляется вдаль. И вдруг… Всё исчезает.

Единственная и обожаемая дочь Клейна Ксения продолжила врачебную династию рода. Закончив медицинский факультет Иерусалимского университета, стала работать терапевтом в одной из клиник Израиля…

– Юра, представляешь, какая-то мистика! Александр Соломонович стал выше ростом на голову?.. – с какой-то тревогой в голосе сообщила мне новость жена, – Я веду его по коридору, аж остановилась. Как такое может быть?!

Я попытался успокоить её, зная, что перед смертью человека иногда случаются био-всплески в организме и костный состав начинает «тянуться»

– Светлана, он – великий человек. Даже сам его организм подтверждает это…

– Юра, ты знаешь, он когда приходит в себя, наступает временное прояснение сознания. Единственное, что произносит: «Я боюсь умирать. А как же Кутя»? – так Александр Соломонович называл дочь Ксению, – Юра, ты… – у Светланы дрогнул голос.

– Света, исход возможен. Заболевание неисправимо, да и возраст – почти девяносто! Он прошёл, прожил одну жизнь, которой бы хватило на сотню других сполна.

Когда Ксения увидела мистический сон впервые, примерно за год до смерти Клейна, то рассказала о нём отцу.

Папа ещё посмеялся:

– Я часто кричу во сне. Всё убегаю из немецкого плена. А приснилась тебе тосненская бомбояма в годы войны. Ты видела во сне меня молодым, когда немцы заставили пленных её засыпать. Чего только природа не делает с нашей коробочкой-памятью?..

Но сегодня, в день Песах (еврейская Пасха), 8 апреля 2009 года, этот сон возвращался настойчиво, вновь и вновь. Как видеоклип, он повторялся, не прерываясь. Она резко проснулась от надоедливого кошмарного видения. Ей снился отец: он был в агонии, а вокруг лежали мёртвые кошки. Ксения резко проснулась, вбежала в комнату отца… Было раннее утро. Клейн уже ушёл. На 88-м году жизни.

Великий человек умер тихо, в любимый им с детства праздник Песах, попав сразу в Рай. Он не нарушил утренний покой близких. Так как быть обузой для родных – это не в его «компетенции», – любил повторять Александр Соломонович в иные минуты.

«Хоть бы никого не мучить…»

Клейн уснул. Кипа сползла с серебряных волос на край подушки.

Да будет царствие небесное его светлой Душе!

Эпилог

Роман-биографию о легендарном актёре, педагоге, драматурге, писателе и просто неповторимом человеке я писал год. Хотя замысел книги о нём родился ещё в далёком 1975 году.

Многие мои ученики, когда выросли и окрепли творчески, не задумываясь, как эстафетные палочки, были отданы для дальнейшего продолжения учёбы у самого Клейна. Они знали, что школа Клейна на сегодня – редкий дар. Быть дароносцами им очень хотелось. Мои и Александра Соломоновича любимые ученики «взошли» вверх.

Как, например, теперь уже режиссёр Республиканского телевидения, ведущий актёр театра «Фантастическая реальность» Евгений Буткин.

Андрей Аксеновский – обладатель редкого голоса, глубинного и ёмкого. Видеооператор и фотохудожник, актёр. Его супруга, Елена Аксеновская, молодая актриса Республиканского Академического драматического театра имени В. Савина, в дальнейшем по манере и стилю актёрской игры, внутренней психологической силе, может стать примой и украшением драматической сцены Республики Коми. Аксеновские на редкость творческая семья, в которой подрастают двое чудных малышей, стала в последние годы жизни Клейна опорой во всём.

Леонид Колосов – режиссёр Московского театра имени Вахтангова, Сте-

фан Томов – болгарский режиссёр, и десятки других известных в искусстве «детей» Клейна.

Наше педагогическое двойное воспитание учеников помогло сделать десятки новых открытий на различных сценах страны.

Довоенный друг Клейна, на год моложе его, учился в Ленинградском театральном институте. Он стал ведущим мастером и педагогом театра, – Аркадий Иосифович Кацман. В конце 70-х годов Кацман тоже был моим учителем и другом.

На гениев мне всегда везло. Для себя я отмечал, что это – люди-посохи, способные вывести к Храму Творчества и Добра. Вторым значимым для меня человеком в жизни и искусстве стала бывшая актриса, театровед, писатель с мировым именем и просто неправдоподобная красавица Тамара Владиславовна Петкевич.

Клейн и Петкевич в одно и то же историческое время «писали» схожие пунктиры судьбы. Оба были репрессированы по злополучной «58-й» статье, отбывали свой срок в лагерях Республики Коми. Как актёры играли в «невольных» условиях, в театральных коллективах ГУЛАГа. Александр Соломонович всегда с особым почитанием относился к Т. В. Петкевич, хорошо знал её супруга, известного режиссёра В. А. Галицкого. Не раз бывал у них в гостях в Санкт-Петербурге.

Я «по наследству» от него перешёл в категорию верных и близких друзей Тамары Владиславовны. Она знала мою маму и с полуслова понимала женщину, которая во многом повторила её судьбу и молодость в 40-е и 50-е годы XX века. Александр Соломонович всегда писал и настаивал в своих письмах: «Йосич, тебе повезло на меня с Тамарой. Мы вроде бы уходящие исторические натуры, но внутри нас обитает огромная энциклопедия жизни; а кому это всё передать?! Конечно, тебе!».

Тамара Владиславовна добавляла:

– Юрий Иосифович, вы посредник между нашим поколением и нынешним. Вам дана миссия свыше – пролонгировать историю тетра ГУЛАГа и рассказать молодёжи о нас, живших в том неумном историческом содержании.

Я принимал всё это как Подарок Судьбы. Действительно, почему, к примеру, мои друзья из далёкой Франции, известный писатель и театральный критик Жан-Пьер Тибода, актриса и режиссёр Джудит Деполь едут ко мне на Север, чтобы собрать какие-то крупицы о театре ГУЛАГа и его людях?.. Затем выпускают книги и пьесы об этом периоде в истории России, а я, живущий ныне в центре материка бывшего ГУЛАГа, имеющий возможность знать и дружить с реальными участниками событий – ничего не могу?! Внутренняя злость на себя, на равнодушие и некую леность, на перипетии собственной судьбы, не давшие полностью раскрыться в своих талантах, заставила меня внутренне встряхнуться и серьёзно заняться изучением столь малоизвестной

и важной темы, как театры ГУЛАГа.

Тема ГУЛАГа близка мне с рождения. Моя мама, Евгения Ивановна Баррон, была репрессирована в 1944 году по печально известной «58-й» статье. Только спустя полвека Одесской прокуратурой была реабилитирована «из-за отсутствия состава преступления».

Старшая сестра Нина – рождена в заключении на Крайнем Севере. И лишь через семь лет после освобождения мои родители отыскали её в детском Доме города Керчь. Моё детство проходило в окружении останков былых лагерей ГУЛАГа Коми Республики. Развалившиеся вышки, бараки, брошенная техника для нас, детей пятидесятых годов, служили игровой площадкой. Моими соседями являлись те, кто отбывал в 40-х, 50-х годах свой «политический» заполярный срок. Так как им уезжать после освобождения было некуда и не к кому, они оставались жить здесь навсегда, только уже по обратную сторону зоны.

Театром я занимался с 3-х лет. Хорошо знал бывших актёров и музыкантов ГУЛАГа, учился у них первоосновам мастерства.

Став взрослым, впервые в России, в 1995 году, создал единственный пока памятник – «Театр ГУЛАГа Северной железной дороги станции Печора». Установив мемориальную доску на нынешнем здании Дома культуры железнодорожников города Печоры, в память о репрессированных деятелях искусства ГУЛАГа. На открытии исторического памятника присутствовали: Народная артистка СССР Глафира Сидорова, актриса театра Людмила Третьякова и, конечно, Александр Клейн.

В своих мечтах мы с Александром Соломоновичем думали о создании монумента «Неизвестному актёру ГУЛАГа». Но, как обычно, финансовые передряги в России вновь сыграли в неизбывную мечту. Поэтому эта книга – часть меня, отданная в благодарность людям высокого духа и мастерства, вынужденных творить в годы «сталинской пустоты».

* * *

Чёрные дрозды по небесной спирали со скоростью апрельского ветра восходили к прогретым солнцем весны облакам, плоским, как маца. Достигнув необходимой высоты, предельной небесной этажности, они стремительно падали вниз. И так повторялось до бесконечности. Казалось, что птицы выписывали росчерком крыльев два имени в бездонном воздушном океане Памяти.

Церемония прощания с Великим Учителем проходила на пригородном кладбище Сыктывкара. Из официальных персон никого не было. Вероятно, чиновники не посчитали возможным проводить в последний путь человека, который около шестидесяти лет создавал культурную славу народу Коми.

* * *

Гены Александра Соломоновича говорят в его внуках, старший - Евгений Клейн стал поэтом. Когда готовился роман, на Украине у А.С.Клейна родился правнук, которого зовут точно так же, как и прадеда: Рафаил Соломонович Клейн. Великое Имя нашло своё вечное продолжение на круге жизни.

Кожевин Ю., Минникова Т.

Биография А. Клейна

Александр (Рафаил) Соломонович Клейн родился в 23 ноября 1921 года в Киеве в семье врачей. Беззаботное детство длилось недолго: в возрасте 5-6 лет он почти одновременно лишился отца и матери. Дальнейшим воспитанием мальчика занимался его родной дядя (по отцу) – учёный-микробиолог с мировым именем Борис Ильич Клейн. Главную ценность его дома составляли книги – множество книг классической литературы на различных языках. Юный Рафаил сначала читал их неохотно и, главным образом, по принуждению, но постепенно втянулся, и чтение превратилось в его любимейшее занятие.

Такое активное чтение развило в нём великолепную память, мощный интеллект и способность к независимым суждениям. Его отрочество совпало с годами Большого террора (1937-1938 гг.). Беда не обошла стороной и семью Клейнов: дядя Борис дважды арестовывался органами НКВД (в 1931 и в 1938 году). Но когда в школе от мальчика потребовали публичного отречения от родного человека, он категорически отказался это сделать, хотя на тот момент ясно осознавал, чем это могло ему грозить. В результате, заканчивать школу ему пришлось в городе Куйбышеве (Самаре), куда он перебрался к своему другому дяде (по матери) – Арону Яковлевичу Цитронблату.

После окончания десятилетки – в 1939 году, Рафаил отправился сначала в Москву, а затем в Ленинград, где без особого труда поступил Ленинградский театральный институт. Здесь его учителями и наставниками в профессии стали Л.С. Вивьен, Л.А Левбарг, Е.Л. Финкельштейн, С.С. Мокульский, Л.А. Энтелис, Р.Д. Раугул, Б.В. Зон, М.В. Кастальская и др. Студент Клейн подавал большие надежды, но... началась война. Сдав экзамены за второй курс, он вместе со своими однокурсниками ушёл добровольцем в Народное ополчение (3-й Дзержинский стрелковый полк I-й Кировской ДНО). На фронт полк отправился 10 июля 1941 года под Лугу. И отсюда же остатки разбитого полка отступали в сторону Ленинграда. Не имея карт, бойцы двигались, ориенти-

руясь преимущественно на дорогу Луга-Любань, которая пролегала через дремучие леса и болота. Здесь, в этой глуши находилось довольно много маленьких деревушек (большинство которых в ходе войны было уничтожено). Население, жившее в них, было смешанным: русским, эстонским и финским (обосновавшимся в здешних краях со времён Столбовского мира – XVII век).

С самого начала оккупации немцы стремились взять под контроль все здешние населённые пункты. В этом смысле, спрятаться даже в самой глухой лесной чаще отступавшим в направлении Любани бойцам было практически невозможно. Большинство красноармейцев было обречено попасть в немецкие концлагеря для военнопленных. Такая же судьба выпала и Александру (Рафаилу) Клейну. В этом смысле, его история была похожа на истории многих и многих солдат сорок первого года.

Нахождение в плену явилось для него подлинным испытанием совести. Вынужденный работать переводчиком, он делал всё, чтобы не противопоставлять себя массе бесправных пленных, пытался всячески облегчить их участь. Точно так же он вёл себя и в отношении гражданского населения, среди которого ему довелось находиться в деревне Вохоново. Вот почему к моменту своего освобождения из плена (побега) в январе 1944 года он даже не мог предположить, что будет осуждён по 58-й статье. Без свидетелей и защиты 21.04.44 г. А. Клейн был приговорён к расстрелу, заменённому 13.05.44 г. двадцатью годами каторги.

Истощённого и больного весь 1944 год его гоняли по этапам и пересылкам. С января 1945 до марта 1948 года он находился в одной из самых страшных каторжных тюрем страны – Александровском централе (тюрьма № 5 Иркутской области). Туда отправляли больных и немощных – неспособных к тяжёлому физическому труду. «Тихой подыхаловкой» называли эту тюрьму заключённые. Здесь, чтобы поддержать себя и соседей по камере Александр Клейн читал по памяти стихи, поэмы, прозаические и драматические произведения, развивая и укрепляя, тем самым, свои способности в области художественного чтения. И это была единственная отдушина в том нечеловеческом существовании. Как и в штрафной зоне немецкого концлагеря совхоза «Коммунар» (г. Чудово), где, умирая от голода и холода, он читал окружающим Пушкина и Лермонтова, здесь он также делал, фактически, невозможное: «Трудно описать, как мне было тяжко на душе. И физически, и духовно я чувствовал себя истощённым. Несмотря на то, что с блеском и юмором читал лермонтовскую игривую «Казначейшу», едва завершив чтение бравурной концовкой – «Друзья, пока что будет с вас», – я вновь становился самим собой, безнадёжно усталым доходягой» (книга «Клеймёные или Один среди одиноких» Сыктывкар, 1995). Мечта о театре никогда не покидала его, давала силы бороться в самые тяжёлые минуты жизни.

1948-50 гг. (март) он провёл в Златоустовской режимной тюрьме, 1950-51 гг. – на стройке плотины в Сиблаге (ст. Суслово Кемеровской области), с конца января 1951 года по ноябрь 1955 года находился в городе угольщиков Воркуте.

Здесь впервые его пригласили участвовать в лагерной художественной самодеятельности, и это событие стало поворотным в его судьбе: «Первым делом после устройства на голых нарах в бараке я поинтересовался сценой. Находилась она в столовой, была неуклюже маленькой и высокой. Но, всё-таки, это было подобие сцены и сердце болезненно сжалось, когда я поднялся на неё. Сцена! Даже такая, как долго я шёл к тебе!» («Клеймёные или Один среди одиноких»).

Став артистом Центральной культбригады культурно-воспитательного отдела Воркутлага, он вёл концертные программы, выступал с музыкальными фельетонами, отдельными репризами и художественным чтением. Культбригада, в которой находился Клейн, должна была обслуживать лагеря, расположенные к востоку от основной Печорской магистрали через реку Усу, Уральские горы к великой реке Обь. Самодеятельный театр ГУЛАГа существовал там, куда профессиональный театр – в зону за колючей проволокой – никогда не заглядывал, «где профессиональные и самодеятельные режиссёры и актёры, осуждённые на безнадёжно длительные и жестокие меры наказания, после тяжёлого трудового дня находили в себе силы и вдохновение поддерживать товарищей по несчастью и самих себя сценическим искусством». И в этом смысле, «искусство, в частности театральное, играло выдающуюся роль, являясь стимулом жизни и выживания, постоянным напоминанием о существовании других условий бытия и человеческих отношений» (книга «Улыбки неволи» Сыктывкар, 1997).

Александр Клейн проработал в культбригаде Воркутлага до 1955 года, когда он был освобождён по амнистии. В Киев он не вернулся, а остался там, где отбывал свой срок каторжника – на севере. Это давало ему, – амнистированному, но не реабилитированному, – хоть какую-то надежду найти работу. Однако устроиться даже в Воркуте для бывших заключённых ГУЛАГа было довольно трудно. Тем не менее, ему удалось стать внештатным корреспондентом воркутинской газеты «Заполярье», где его фельетоны, очерки и стихи заметно помогли укрепить авторитет газеты. Это, в свою очередь, позволило редакции сделать ему предложение занять по совместительству должность корректора. В тех условиях оно выглядело очень заманчиво. Однако органы власти, курировавшие газету, посчитали, что эту должность должен занимать человек с более безупречным прошлым. В приватной беседе Клейну было сказано: «Мы Вас уважаем, как человека и творца, но, к сожалению, не имеем к Вам... политического доверия». Стать корректором шахтёрской газеты и, таким образом упрочить своё положение ему было не суждено.

С другой стороны, будучи прирождённым артистом, страстно мечтавшим о сцене, Александр Клейн не мог удовлетвориться единственно только ролью внештатного рабкора газеты. Его творческая натура искала выхода. Помимо того, что в этот период он являлся художественным руководителем культур-

но-самодеятельного коллектива шахты № 4, он принял активное участие в организации Воркутинского литературного объединения при редакции газеты «Заполярье», а также создании Воркутинского театра кукол, в котором с 1957 года начал работать актёром. Именно в это время формируется и новое направление в его творческой деятельности: драматургия для детских кукольных театров. Особенно популярной стала его пьеса «Ракета «Пионер»» (1962), поставленная во многих регионах страны. Большой успех выпал на долю его детских пьес по мотивам коми фольклора : «Камень жизни» (1961), «Тайна Хэстэ» (1965), «Ожерелье Сюдбея» (1973). По мотивам коми фольклора была написана также его повесть-сказка «Волшебный камень и книга Белой совы» (1977, 1986). Впоследствии всё это сделало возможным его членство в Союзе писателей СССР.

На его работу в 1959 году обратил внимание автор бессмертной книги «Кондуит и Швамбрания», член правления Союза писателей СССР и заведующий отделом детской литературы, Л.А. Кассиль, который пригласил А. Клейна в Москву. Благодаря его помощи, а также помощи Н.Н. Масальского (заслуженного деятеля искусств Коми АССР) Александру Клейну было возвращено доброе имя. Военной коллегией Верховного Суда СССР 21 июля 1966 года он был реабилитирован – «за отсутствием состава преступления». Ему, как бойцу Ленинградской армии народного ополчения, вернули звание Ветерана Великой Отечественной войны, возвратили полагающиеся награды, среди которых, конечно, особо чтимой являлась медаль «За оборону Ленинграда». (Медаль учреждена указом президиума Верховного совета СССР от 22 декабря 1942 года. Всего эту награду получили около 1.5 млн. человек).

В 1964 году Александр Клейн перебрался в столицу Республики Коми Сыктывкар, где начал работать артистом и режиссёром Коми Республиканской филармонии. Клейн очень любил свою профессию. Он всегда мечтал стать исключительно драматическим актёром, но судьба привела его на эстраду. И здесь он словно пытался наверстать упущенное за годы плена и двенадцать лет лагерей и тюрем. Как высокий мастер художественного слова он мог с убеждённостью воздействовать на зрителя. Не имея возможности выступать в драматических спектаклях, он начал проводить (первым в Республике Коми) поэтические вечера. Его подборка стихов отличалась отменным вкусом: в его репертуаре доминировали авторы Серебряного века. Соответственно, на его чтецких концертах всегда были аншлаги. Их знали и любили тысячи зрителей.

Стремясь завершить своё профессиональное образование, через десять лет после освобождения А. Клейн вновь стал студентом Ленинградского театрального института – в 1965 году дверь на Моховой 34 открылась перед уже поседевшим абитуриентом. В 1969 году он окончил театроведческий факультет ЛГИТМиК, а в 1987 – защитил диссертацию на учёную степень

кандидата искусствоведения. Всё это открывало перед ним дорогу к педагогической деятельности. С 1974 по 1999 год он преподавал сценическую речь и историю мировой художественной культуры в Коми Республиканском культурно-просветительном училище (Колледже культуры им. В.Т. Чисталёва). Отдавая свой опыт и знания ученикам, он любил повторять: *«Вам жить многими жизнями, чтобы на примере многих судеб, характеров, душевных переживаний зрители могли лучше познавать окружающее и выбирать себе правильный, честный путь к счастью!»*.

Являясь подвижником возрождающегося Коми искусства, Александр Соломонович жил активной творческой жизнью: читал лекции, организовывал мастер-классы и проводил актёрские тренинги. Одновременно он вёл и огромную работу по линии Союза театральных деятелей России. В Академическом театре драмы имени В. Савина Республики Коми – одном из центров духовной и художественной культуры на севере – многие годы служили его близкие соратники и друзья: старейшая актриса, единственная в Коми Народная артистка СССР – Глафира Петровна Сидорова, сыгравшая десятки главных ролей в этом коллективе; народные артисты России: И.Н. Кривошеин, Н.Н. Турубанов. Ю.И. Трошева, молодые актёры и актрисы. Он всегда всем сердцем делил их радость и успех. Писал театральные рецензии на премьеры, монографии о деятелях искусства, статьи в республиканские и центральные журналы и газеты.

Но всё же, наибольшее признание Александру Клейну принёс именно его роман «Дитя Смерти». Автор долго сомневался: поймут ли современники? Как отнесутся власти к бывшему немецкому переводчику и политическому заключённому? И, вот, рукопись готова, её утвердили. Клейн, преодолев все круги хождений по бюрократическим кабинетам, наконец-то отдал её в Коми республиканскую типографию. Вряд ли, он думал тогда, что после того, как книга будет готова к печати, весь её набор будет кем-то рассыпан! Трудно, очень трудно шла к читателю эта книга! Для автора история её выхода обернулась инфарктом. И только в конце лета 1993 года она всё-таки увидела свет.

В последующие годы в Коми были изданы новые романы: «Клеймёные или Один среди одиноких» (1995), «Улыбки неволи» (1997); сборник стихов «Жертва и свидетель» (2001), (а до этого, в 1992 году им был выпущен автобиографический сборник стихов «Мой номер 2П-904»).

Александр Клейн ощутил новый прилив сил после того, как впервые в России, в апреле 1995 года, по его инициативе и при поддержке председателя Российского Театрального союза, народного артиста М.А. Ульянова и Председателя Госсовета Республики Коми И.Е. Кулакова был организован и проведён мемориально-творческий вечер, посвящённый памяти актёров ГУЛАГа. Это торжество, посвящённое репрессированным деятелям искусства, проходило в городе Печора, республики Коми, в Доме культуры

железнодорожников (бывшем Театре культурно-воспитательного отдела Печорлага Северной железной дороги). Реализовывать идею воссоздания истории тюремного искусства взялись тогда работники этого учреждения, а также бывшие актёры театра ГУЛАГ. Все они считали святым долгом воскресить прошлое, спасти от забвения имена тех, кто нёс культуру в огромный регион севера России.

Клейн мечтал создать памятник «Актёру ГУЛАГа», который должен был быть установлен перед уцелевшим театром в Печоре. А пока что на стене этого театра силами общественности была открыта лишь мемориальная доска. На митинге, состоявшемся по поводу этого события, Александр Соломонович произнёс: *«Театр ГУЛАГа прочно укоренён в отечественной традиции. Прямая линия от крепостных трупп, создававшихся в имениях честолюбивыми барами, ведёт к театрам лагерных управлений и масштабных строек. Их начальники тоже соперничали друг с другом. Любили показать свой товар лицом. Это было действительно их искусство – но одновременно и наше».*

В конце девяностых в Республике зародилась идея создания мартиролога «Покаяние», в котором отразились бы судьбы тех, кто находился на её территории в годы сталинских репрессий. Ясно, что такая книга требовала тщательной подготовки. Александр Соломонович активно включился в процесс формирования группы авторов, а также общественной редколлегии данного издания. Накануне нового тысячелетия из типографии вышел первый том мартиролога. Мысль и идея А.Клейна – написать на его обложке: «Хранить вечно», по сей день присутствует на выходящем в Коми издании.

Однажды Александр Клейн получил письмо-просьбу из Парижа от одной молодой актрисы, мечтавшей приехать к нему в Сыктывкар. Просьба несколько удивила его, но он не отказал, и весной в дверь его квартиры позвонили. Это были французы: театровед и актриса Юдит Деполь и известный в Европе театральный критик, корреспондент газеты «Либерасьон» Жан-Пьер Тибода. Французов интересовали частные архивы бывших актеров ГУЛАГа. Юдит готовилась к защите докторской диссертации в Сорбонском университете по теме театров ГУЛАГа. Она решила, хоть коротко, но самой «прожить» северную жизнь, как можно точнее, достовернее рассказать в Европе о том, что такое артист за колючей проволокой. С Клейном гости общались на французском языке.

Долгие годы Александр Соломонович поддерживал дружеские отношения с бывшими подконвойными артистами Коми. Одна из них Тамара Владиславовна Петкевич – писатель и драматическая актриса из Санкт-Петербурга. Её книга «Жизнь – сапожок непарный» потрясла в середине девяностых читателей не только России, но и других стран.

В последние годы Клейн преподавал в театре-студии при Академическом театре драмы им. В. Савина, готовившей профессиональных актёров. Его за-

нятия по сценической речи и мировой художественной культуре строились исключительно по авторской методике. Но постепенно возраст и болезни брали своё: ему становилось всё сложнее не только преподавать, но и писать. Год от года почерк делался всё более трудночитаемым, поэтому свои письма он старался печатать на старенькой машинке, из уважения к адресату. Но отвечал на письма сразу, не мешкая.

К концу жизни А.С. Клейн совсем ослеп. Офтальмологическая операция катаракты была не рекомендована по состоянию здоровья. Чтобы совсем не потерять вкуса к жизни, обессиленный, он лежал на диване и пытался сочинять стихи, не записывая их, а исключительно держа в памяти. В телефонном разговоре с дочерью в самом начале апреля 2009 года (ему на тот момент исполнилось 87 лет) он сказал: *«Есть не только умение жить, но есть ещё и умение умирать. Я – счастливый человек: успел написать всё. После смерти меня и ругать будут, и хвалить будут, и изучать будут. Всё будет... ».*

В последнюю неделю жизни он позвонил всем своим родным и близким – попрощался.

Ушёл Александр Соломонович 8 апреля 2009 года. Похороны состоялись на одном из пригородных кладбищ столицы Республики Коми города Сыктывкара.

Заботясь о будущем, ответственно относясь к документам истории, многие свои архивы он успел передать Всероссийской мемуарной библиотеке литературного представительства А.И. Солженицына (Москва), в Коми Республиканский Общественный Фонд жертв политических репрессий «Покаяние», а также в Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина (Москва).

А. Клейн

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Стало явью, не кошмаром:
Голод, холод испытал,
Ждал награды – и задаром –
В Александровский централ.
Был крещён жестоким боем,
Жил в окопах, знал суму…
От врагов из-под конвоя
Убежал к своим… в тюрьму.
Угодил от смерти к смерти,
Из-под петли – на расстрел.
Чудом в этой круговерти

До сих пор почти что цел;
Не пойму, где черпал силы,
Проходя дорогой той,
Что когда-то завершилась
Заполярной Воркутой?
Не устану удивляться,
Но не смею унывать:
Мне уже три раза двадцать,
Плюс «довесок» – двадцать пять.
Без Вергилия поэта
(Ни к чему загробный гид)
В пекле жизни несусветной
Я изведал все круги.
В мир иной открыты двери,
Там не жду ни бед, ни зол:
Ад – не Данте Алигьери –
Я в «земном раю» прошёл.

Воспоминания А. Клейна о пребывании в немецком плену в г. Чудово
(по материалам романа «Дитя смерти»)

Рабочая рота лейтенанта Фёрстера. Сюда Клейн попал в первые недели плена:

«Пленных рассортировали. Те, что назвались плотниками, столярами, печниками, кровельщиками, стояли в стороне. Мне приказали стать вместе с ними. Затем нас повели мимо развалин посёлка или города, привели к полуразрушенному двухэтажному дому типа общежития. Здесь конвоиры передали нас другим солдатам, а те приказали войти внутрь и там разместиться. Нас набралось около двухсот человек. Все обрадовались, что, наконец, после долгих мытарств у нас крыша над головой; растянулись на грязных полах, прижались друг к другу и заснули.

Утром нас выстроили во дворе, обнесённом колючей проволокой. Сухощавый бледный лейтенант с узким лицом, седой, подозвал двух пленных, перебежчиков Карла и Франца из немцев Поволжья, не пришедших с нами, а уже находившихся при взводе лейтенанта. Через них он объявил, что мы должны привести в порядок это общежитие, но, конечно, после своей основной работы. Нам, так называемой рабочей роте, предстоит строить и ремонтировать дома и квартиры офицеров немецкой армии, так как они не привыкли жить в таких условиях, как в России.

У ворот уже дожидались конвоиры. Каждая часть, которой требовались

строительные работы, с утра делала заявки, высылала сюда своих конвоиров, и доктор Фёрстер распределял по ним рабочую силу. Опоздавшие заказчики её не получали.

В рабочей роте, благодаря самому Фёрстеру, пленных не били. Полиции не заводили. Когда один пленный пожаловался лейтенанту, что на работе конвоир его ударил, Фёрстер на следующий день утром отказал в рабочей силе той части, где это произошло. Но кормили плохо. Одну немецкую буханку хлеба давали на семь человек (около двухсот грамм на одного). Приварком была жидкая баланда. Фёрстер приказал сливать в неё остатки от немецкой кухни. Но много ли их у взводной кухни?» («Дитя смерти»)[1].

Об этом лагере А.С. Клейн рассказывал в письме (от 1. 06. 99 г.) чудовскому краеведу В.Н. Папешину: «В нем было около двухсот человек. Мой номер был не то 78, не то 178: попытались перед отъездом в Тихвин сосчитать и записать. Это была так называемая рабочая рота военнопленных д-ра Фёрстера (лейтенант, тогда комвзвода). Там ни одного штатского не было. Было привели 3-х евреев, но через пару дней отправили (об этом я пишу). Что касается полка, который уже почти вошел в Чудово, то дело не в том, что он вырвался вперед, а в том, что наши растяпы, включая Мерецкова, его вовремя не поддержали. Думаю, что «рабочая рота военнопленных Фёрстера» у Вас просто не числится. Она находилась по дороге на север (в сторону реки) от ж-д полотна. Помню: после нее к северу через примерно полкилометра или меньше был деревянный мост. Вы понимаете, что находясь за проволокой, в географии разобраться трудно. Мне кажется, что мимо 2-х этажного барака, где жили мы, военнопленные д-ра Фёрстера, шла дорога (через мост) куда-то к Званке, к Волхову, очевидно. По ней туда ехали танки и т.д., оттуда вели после форсирования реки колонны пленных. Сам лагерёк Фёрстера существовал всего около месяца, с конца сентября до 2-й половины последних чисел октября. Когда немцы взяли Тихвин, военнопленных из нее, кроме двух немцев, отправили в большой лагерь (или в совхоз или в другой), а меня взяли в Тосно (обо всем этом я писал в «Дитя смерти»)»[2].

Концлагерь в совхозе «Коммунар», куда А. Клейн попал зимой, после Тосно: «Чуть свет у ворот зоны появились повара с вёдрами баланды. Все ринулись к воротам. Полицейские плётками наводили порядок. Когда выстроилась очередь с котелками, касками, пустыми консервными банками, ржавыми кастрюлями, даже ночными горшками, – всем, что могло служить посудой, началась раздача завтрака.

Подняв пустую консервную банку, видно оставшуюся после убитого, я тоже встал в очередь; съёжился, как все, поднял ворот шинели, так как опасался быть узнанным полицаями. Стоявший на раздаче ткнул мне в руки малюсенький кусочек цвелого хлеба, граммов полтораста, а в банку другой тип из лагерной обслуги плюхнул какой-то жижи. Я отошёл в сторонку, слил жижу и на дне

банки увидел несколько крупинок. Жижа воняла керосином, но большинство жадно пило эту гадость, по ней плавали пятнышки керосина.

Сосед сообщил, что немцы при взятии Чудова захватили наши эшелоны с продовольствием. Их не успели вывезти или сжечь, а только облили бензином и керосином. Теперь фрицы скармливают нам «трофейную крупу»...

Не дав доесть даже это подобие завтрака, полицаи стали выгонять нас на работу, подхлёстывая плётками. Опять нас вели через бесчисленные ограждения вокруг свинарников к выходу из лагеря, где уже стояли в ожидании своей рабочей силы конвоиры из разных частей. Я попал в большую группу человек из тридцати-сорока. Нас погнали к корпусам неподалёку от станции. Здания походили на пакгаузы. Из них пленные выносили огромные мешки, на которых чернел орёл со свастикой в когтях, и укладывали на высокие повозки, запряжённые огромными бельгийскими лошадьми. Мешки были с овсом, крупой, мукой. Всё время торопили. Но истощённые, измученные бессонными ночами, мы, надрываясь, еле-еле ухитрялись вчетвером тащить один мешок. Немцы ругались. Иногда возмущаясь «медлительностью ленивых русских», хватали палки и колотили кого попало, куда попало» («Дитя смерти»)[3].

Из сводки «О положении в тылу противника. Выписка. Из разведки штаба Ленинградского фронта от 11 декабря 1941 года»: «В лагерях военнопленных, расположенных в Любани в помещении железнодорожного депо и в свинарнике Чудовского совхоза установлен следующий распорядок: подъём в 6.00, завтрак, во время которого дают так называемую «баланду». Обед в 2 часа, состоит из той же «баланды», ужин в 17.00. Больные, не могущие работать, кормятся один раз в сутки только «баландой». Перед завтраком или обедом пленные выстраиваются партиями у кухни и кушают, не выходя из строя, после чего направляются на работу. Основные работы, на которых используются пленные, – погрузка и разгрузка боеприпасов, продовольствия и пр. грузов. Медлительность в работе наказывается резиновыми палками, прикладами винтовок, а иногда и расстрелом. Медицинская помощь во время работы пленным не оказывается. Покалеченный при избиении пленный остаётся на месте и здесь же умирает. Имел место такой случай: один из пленных, не в силах нести одновременно два ящика с патронами, взял только один. Немецкий солдат возвратил его обратно и заставил взять второй ящик, после чего с ящиками на плечах было приказано стоять на одном месте в течение часа. Военнопленный часто падал, за что каждый раз избивался и после этого умер. Отощавшие от голода военнопленные умирают в лагерях большими группами»[4].

«Напротив входных ворот лагеря возле двух разрушенных бараков были ещё одни «выходные» ворота. Сразу за ними начиналось кладбище. Чьи-то честные руки с разрешения оккупантов поставили там над одной из братских могил огромный деревянный шестипалый крест с надписью «Русские солдаты. 1941 год» («Дитя смерти»)[5].

Согласно архивным документам, в концлагере совхоза «Коммунар» было уничтожено не менее 50 000 человек (Государственный исторический архив Новгородской области (ГИАНО). Ф. 1793. Оп. 1. Д. 33. Л. 135)[6]. В Акте судебно-медицинской экспертизы, проводившейся на территории лагеря «Коммунар» говорится следующее: «... 1945 года апреля 26 дня, мною, главным судмедэкспертом Ленинградского фронта подполковником медицинской службы, профессором Владимирским А.П. в присутствии членов Чудовской районной комиссии по расследованию немецких злодеяний на территории Чудовского района ... произведена судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов советских военнопленных из ям-могил на территории совхоза «Коммунар», где у оккупантов был расположен лагерь советских военнопленных. Около лагеря располагается кладбище на площади 60 на 50 метров, обнесённое колючей проволокой. На указанной площади вскрыты 12 рвов длиною каждый 50 метров, шириною 4 метра и при разрывании рвов глубина последних установлена в 3 метра. При входе около кладбища стоит высокий крест с надписью «Русские солдаты 1941 года» (ГИАНО. Ф. 1793.Оп. 1. Д. 33. Л.120)[7].

Рабочая команда при немецком лазарете, куда Клейн попал из лагеря:

«Всего нас человек десять. Из того, что бормочет унтер с офицерской эмблемой, мы догадываемся, что должны будем пилить дрова, носить воду... У выхода из лагеря к нам присоединяются ещё два санитарных ефрейтора, и мы топаем через город. Он ещё пустыннее, чем осенью. Вокруг обугленные остовы домишек. Торчат закопченные кирпичные трубы. Гражданских не видно.

Переходим железнодорожную насыпь. Справа и слева валяются обгорелые остовы вагонов, паровозы, платформы, цистерны. От пакгаузов, возле которых мы работали неделю назад, не осталось следа. Не зря ночами трудились наши лётчики.

Останавливаемся перед длинными двухэтажными домами с большими окнами. Поблизости группа солдат стреляет в воздух. Раз, другой, третий. Рядом свежевырытая могила. Вокруг белые берёзовые кресты. На них каски» («Дитя смерти»)[8].

1. Клейн А. Дитя смерти. Невыдуманный роман. – Сыктывкар: Министерство культуры Республики Коми, 1993. – С.47-48.

2. Цит. по: Семёнов В.М. Тень Освенцима на Чудовской земле. Примечания // Чудовский краевед. – 2010. – №1.

3. Клейн А. Дитя смерти. – С.98-99.

4. ЦАМО РФ Ф. 217. Оп. 1217. Д. 28. Л.159 – 161.

5. Клейн А. Дитя смерти. С.123.

6. Семёнов В.М. Тень Освенцима на Чудовской земле // Чудовский краевед. – 2010. – №1.

7. Там же.

8. Клейн А. Дитя смерти. С.111.

Минникова Т.

Презумпция виновности

«Обо мне будут спорить», – говорил Александр Клейн. Так оно и вышло на самом деле. Кто-то воспринимает его роман «Дитя смерти» с полным доверием – без вопросов к автору. Кому-то же, наоборот, кажется спорным то, о чём он рассказал читателю, и это побуждает его всё время взвешивать имеющиеся «за» и «против». В чём же причины сомнений?

На первый взгляд может показаться, что читатель здесь попросту следует «голосу» интуиции. Однако, если этот «голос» может одновременно выдавать столь противоречивые посылы, то, значит, дело здесь не только в интуиции. По всей видимости, судьба Александра Клейна является, своего рода, маркёром каких-то более сложных процессов, протекающих в глубинах общественного сознания, сущность которых может быть сформулирована следующим образом: насколько мы можем верить тому, что человек, оказавшийся в нечеловеческих условиях, способен оставаться Человеком?

Соображений «против» – множество, и они, к сожалению, выглядят весомо. Хорошо известно, что на оккупированных территориях и в концлагерях для военнопленных нравственное состояние находившихся там людей было далеко не однозначным. Немалое число советских граждан вступило на путь предательства и сознательного сотрудничества с немцами. С другой стороны, как бы ни велико было их число, всё же не эти люди определяли общую картину народной жизни: «Уровень правового сознания населения на оккупированной территории Ленинградской области на протяжении всего периода оккупации оставался очень высоким и вполне соответствовал нормам международного права, а также нормам традиционной морали» (Н.П. Волоковых «К вопросу о правовом сознании населения на оккупированной территории Ленинградской области (1941-1944 гг.)» в сборнике «Ленинградская область в Великой Отечественной войне по документам муниципальных архивов и музеев», Кириши, 2000).

Тем не менее, о людях, находившихся на оккупированных территориях, сложилось стойкое, идущее ещё из советского прошлого, представление, как о пособниках врага, и прежде всего потому, что они участвовали в экономической жизни данных регионов – расчищали завалы, строили и ремонтировали дороги, участвовали в перевозке грузов и т.д. Но размышляя о проблеме коллаборационизма (сотрудничества), и в частности – экономического, существовавшего массово и повсеместно в тех районах, где присутствовал враг, следует иметь в виду, что и военнопленные, и мирное население работали на немцев не столько добровольно, сколько по принуждению – под действием жесточайшего террора или невыносимого голода (а по сути – и

того, и другого одновременно). И если уж этих людей называть «коллаборационистами», то следует признать таковыми вообще всех, кто за многотысячелетнюю историю человечества так или иначе попадал в руки захватчиков и, соответственно, был принуждаем к рабскому труду. Так что, в указанном смысле, данное положение отнюдь не означает, что каждый, кто оказывался в контакте с оккупантами, автоматически превращался в предателя Родины.

Существуют две, одинаково ценные, с точки зрения нравственного опыта, стратегии поведения человека в экстремальных условиях. Первая связана с героическим сопротивлением индивида обстоятельствам и с возможной гибелью его в ходе борьбы. Вторая – с терпеливым переживанием им этих обстоятельств, при обязательном условии сохранения им в себе человечности. Именно эту, вторую линию поведения и выбирало большинство наших сограждан, попадавших в условия оккупации или плена. У одних следование этой линии получалось лучше (последовательнее), у других – хуже. Но задачу переживания обстоятельств и сохранения в себе человечности, так или иначе пытались решать все.

Эту же жизненную стратегию выбрал для себя и Александр Клейн.

Сложность состояла в том, что отлично зная немецкий язык и имея, тем самым, реальный шанс неплохо приспособиться к условиям плена, он мог потерять чувство сострадания к товарищам по несчастью и начать использовать своё положение для получения допустимых (и недопустимых) преференций. Недаром, переводчиков не любили: «... если пленный просил (его) перевести какую-нибудь просьбу, то (тот) сперва ругал беднягу, а потом или отказывал, или нехотя переводил, снабжая самую безобидную просьбу своим комментарием. Обычно это приводило к отклонению просьбы» (А. Клейн «Дитя смерти»).

Но сам Клейн так обозначил свою позицию в данном вопросе: «Я же не перебежчик, не служу у них. Если перевожу, то этим только облегчаю положение товарищей, иначе им бы доставалось ещё больше. Кто скажет, что я кого-то обворовал или обидел?» (А. Клейн «Дитя смерти»).

Конечно, в чём-то он мог бы и уступить обстоятельствам, как это отчасти и делалось многими, но Александр Клейн, похоже, пытался бороться до конца, ибо сказано: человек, доказавший свою верность в малом, верен и в большом. В этом смысле, может быть, следует обратить внимание на то «малое», что поддерживало в нём «большое», а именно:

нежелание носить на рукаве шинели повязку со свастикой, хотя это существенно могло бы облегчить его жизнь в плену и сделать возможным побег;

нежелание поменять красноармейскую форму на немецкую;

отказ участвовать в пропагандистской деятельности;

отказ стать «хиви» (добровольным помощником вермахта);

отказ войти в состав РОА (Русской освободительной армии генерала Власова);

отказ стать членом концертной пропагандистской труппы.

И если Александр Клейн действительно, как он пишет, сумел устоять в этих «мелочах», то такое поведение может быть обозначено именно как поведение мужественного человека, для которого вопросы сохранения порядочности имели первостепенное значение.

В 1966 году он был полностью реабилитирован. Здесь важно указать на следующий момент: в данный период реабилитаций, подобных Клейновской, было уже немного – основной их «вал» прокатился гораздо раньше. По этой причине Прокуратура имела достаточно времени и сил, чтобы подробно разобраться с его случаем – собрать необходимые сведения, разыскать и опросить свидетелей. Вот почему всякому, кто сомневается в достоверности проведённого расследования должно быть понятно, что если бы оно было не вполне удовлетворительным с точки зрения закона, то на его просьбу о восстановлении доброго имени последовал бы неизбежный отказ. И этот вердикт был бы уже окончательным.

Откуда же тогда при упоминании имени этого человека у некоторых наших сограждан возникает внутреннее отторжение самого факта его возможной порядочности? Откуда это огульное обвинение – раз был в плену переводчиком, значит, заведомо являлся предателем или пособником врага? Очень похоже, что людям, масштаба Клейна, в ситуации войны просто нет места, потому, что после войны в их честность никто не верит. Не верит, ибо действует в народном самосознании презумпция виновности – своеобразная, закреплённая в национальном менталитете форма отрицательного отношения ко всякому, кто так или иначе не вписывается в рамки общепринятой организации народной жизни.

А ведь известно, что выжившие в фашистской неволе люди все долгие послевоенные десятилетия являлись изгоями в собственном Отечестве. Они были поражены в гражданских правах, и, самое главное, – подверглись общественному остракизму. Женщин, угнанных в Германию и вернувшихся оттуда домой, население, переселившееся сюда после войны из других, не знавших ужасов оккупации регионов, презрительно называло «немецкими подстилками». От бывших военнопленных отказывались родственники и односельчане. Людей отправляли в составе рабочих батальонов в спецлагеря НКВД валить лес, добывать торф, заниматься другими тяжёлыми работами: «Было создано 100 лагерей, в каждом из которых содержалось от 2 до 15 тысяч человек. В Ленобласти, например, был лагерь №0137, заключённые которого восстанавливали Кировскую ГЭС, а также лагеря № 0323 и 0326, поставлявшие сюда лес и железобетон. Официально рабочие батальоны существовали до 1948 года, но и после переименования номерных лагерей в стройуправления люди не имели права покидать определённое им место жительства и работы. Неблагонадёжными были признаны все, побывавшие

в оккупации, а тем более – в фашистском плену. Им запрещалось проживать в 32 городах Советского Союза, учиться в вузах и занимать престижные должности» (И.А.Иванова. Вступительная статья. «За блокадным кольцом» (Воспоминания) СПб, 2007).

Через много лет после войны бывшая военнопленная женщина-врач писала в частном письме: «... мне порой очень жаль, что я осталась жива, потому что всегда ношу на себе тёмное пятно плена... Многие не верят, что мы там честно переносили тяжести плена и остались честными гражданами Советского государства» (А. Шнеер «Плен», Москва, 2004). А Александр Клейн вспоминал следующее: «Не забыть, как по улицам крупнейшего города Сибири вели колонну оборванных измученных доходяг – «врагов народа» – в большинстве своём бывших красноармейцев, имевших несчастье побывать в немецком плену. Из толпы, стоявшей на тротуаре, звучали реплики, вроде «у-у, гады», «сволочи», «продажники», «сразу видно – предатели», «вон какие рожи», «убить их мало, фашистов проклятых... ». Люди выкрикивали ругательства, не давая труда себе представить, в каких обстоятельствах и в большинстве не по своей вине оказывались эти, ёжившиеся от потока оскорблений оборванцы, конвоируемые автоматчиками с собаками» (А. Клейн «Улыбки неволи», Сыктывкар, 1997).

Или вот воспоминания женщин-фронтовичек, попавших, как и бывшие военнопленные, под мощный прессинг презумпции виновности: «Как нас встречала Родина? Без слёз не могу... Сорок лет прошло, а до сих пор щёки горят. Мужчины молчали, а женщины... Они кричали нам: «Знаем, чем вы там занимались! Вы спали там с нашими мужьями! Оскорбляли по-всякому... » – «Вернулась в свою деревню с двумя орденами Славы и медалями. Пожила три дня, а на четвёртый мама меня поднимает с постели словами: «Доченька, я тебе собрала узелок. Уходи, у тебя ещё две младшие сестры растут. Кто их замуж возьмёт? Все знают, что ты четыре года на фронте... Не буду больше вспоминать. Напишите, как другие, о моих наградах... » (С. Алексиевич «У войны не женское лицо», 2008).

Так и получается, что тяжёлый, всенародно выстраданный опыт не идёт нам впрок. Он не может принести пользу следующим поколениям, потому что до сих пор не осмыслен. Народ, который заранее убеждён, что всякий человек в условиях оккупации, фронта или плена делается бесчестным; который с удовольствием судит и обвиняет любого, кто попал в двусмысленные обстоятельства; который в вопросах морали никогда не сомневается в своей правоте, – обречён ходить по кругу: ситуации, которые не были разрешены им в прошлом, будут повторяться вновь и вновь.

И проблема здесь отнюдь не в идеологической подоплёке – презумпция виновности не является порождением советской системы. Корни этого явления лежат гораздо глубже.

Всякий, кто прибегает к моральному осуждению «провинившегося», испытывает в этот момент своеобразное чувство удовлетворения от факта своего

превосходства над ним. Жажда господства над чем бы то ни было, характерна для всего человечества. Но в нашей истории она обрела особенно тягостный вид. Бывшие военнопленные, репатрианты и т.д. – вот объекты псевдо-морального давления на беззащитных! И здесь самым мучительным является не само обвинение, как таковое, а принципиальная невозможность защититься от него – вечная угнетённость человека коллективно-бессознательным «эго» целого народа. В этом смысле, история Александра Клейна есть одно из многих обращений к разуму, совести и милосердию этого народа: «Я надеюсь, что мои воспоминания помогут людям оглянуться на жизнь, на себе подобных и стать добрее... » («Дитя смерти»).

А. Клейн

Иду – и не верю:
один,
без охраны!..
И радость, и робость,
и нежность во мне,
И всё удивляет,
и кажется странным,
Что номер
не надо
носить
на спине.
Иду – и не верю,
что с лагерных вышек
Зрачки автоматов
за мной не следят,
Что я конвоиров
не вижу,
не слышу
Напоминание:
«Руки назад!»
Иду – и не верю,
что долгие годы
Жестокой неволи
расстались со мной,
Что выжил,
что вышел,
дождался
свободы?!.
А руки
привычно
держу за спиной …

Валентин Гринер об А. Клейне

(Отрывок из «Саги о снежных евреях»)

* * *

На «закуску» я оставил одного из главных воркутинских евреев, потому как он никогда не пил, а только закусывал. Этот редчайший феномен в истории Воркуты навечно засвидетельствовал в городских поэтических анналах наш общий друг и коллега, большой любитель похохмить и безобидно поизощряться над близкими людьми, автор прекрасной поэтической книги «Над пропастью во лжи» Юра Гринько. Много лет назад он написал:

Я встретил Сашу Клейна
С бутылкою портвейна…
С бутылкою портвейна?! -
Значит, – не Клейна…

Да, господа евреи, речь именно о нём: о поэте, прозаике, драматурге, журналисте, артисте, телевизионщике, кандидате искусствоведения, члене многих творческих Союзов и Обществ, моём земляке-киевлянине, добровольце-фронтовике, военнопленном, заключённом, прошедшем ад немецко-фашистских и советско-фашистских лагерей, дважды приговорённом к смерти и выжившем – всем смертям назло.

Саша Клейн (Рафаил Соломонович Клейн) уже отметил своё 85-летие и намерен продолжать священное действо жизни – до 120, как и положено любому правоверному еврею. А что же?! Разве может иначе поступать человек с таким послужным списком, с такой стойкостью, с такой, в конце концов, творческой автобиографией и биографией житейской?!

Саша, ты помнишь наши встречи в «Заполярье», наверху, в угловой комнате справа от лестницы, где проживал отдел культуры во главе с Ниной Степановной Котовой?! Ах, какая это была женщина! Она была такая высокая, такая худая, такая красивая и такая угрюмая, как нет моей фантазии подыскать достойных слов и выражений. Она была такой потому, вероятно, что в 40 лет пребывала в девичестве, к тому же всю жизнь мечтала и таки поступила в ВПШ. (Владелец даже пяти университетских дипломов всё равно был жирный ноль в сравнении с любым безгранично тупым выпускником ЭТОЙ ШКОЛЫ)…

Слегка приоткрывалась дверь нашего культурного отдела, и в щелку звучало незабвенное «Ку-ку!». Затем просовывался твой знаменитый портфель. Затем появлялся ты сам – в полный рост: в заснеженном до бровей семисезонном сереньком пальто и в шапке с завязанными под бородой тесёмками и в кашне – до самых карих еврейских глаз с мохнатыми ресницами.

Вот здесь наша угрюмая старая дева расцветала всеми оттенками сполo-

ховых переливов: своими тонкими чертами лица, черными глазами с чёрными бровями и такими же волосами. А ты уже входил, ответно улыбался, присаживался на посетительский стул возле, конечно же, Нины Степановны, раскрывал свой знаменитый портфель и доставал из тесного заточения очередную порцию поэзии под общим названием «Шахтёрские частушки».

Ах, какой это был юмор! И какая это была сатира! Тогда в многогранном творчестве А. Клейна свирепствовал сатирико-юморной период. Московский «Крокодил» вкупе с украинским «Перцем» и сыктывкарским «Чушканзи» не имели такой убойной силы в деле пособничества выполнению и перевыполнению месячных, квартальных, годовых и пятилетних планов (в целом), как эти, казалось бы, никому не нужные шахтёрские частушки. Нина Степановна Котова широко улыбалась во всё своё черноглазое лицо и кокетливо говорила:

– Не скромничай, Саша… Доставай, доставай главное…

И ты доставал, нет, не «из широких штанин дубликатом бесценного груза», а из того же бездонного портфеля – очередную (главную) информацию о новых успехах твоего родного Театра кукол. Перед воркутинским Театром кукол бледнел и краснел сам Сергей Образцов – даже в то время, когда ему уже построили новое шикарное здание с разными финтифлюшками на фасаде, а твой альма-фатер продолжал оставаться в подвале. Но ты же прекрасно знал с арестантских времён, что не место красит человека. Скорее – наоборот.

Твой театр был знаменитым и популярным в кругу младших школьников и воспитанников детских садов Воркуты и всей Коми республики, включая Коми-Пермяцкий национальный округ и даже город Кудымкар Пермской области, куда театр выезжал на гастроли.

Слава театра взлетела на недосягаемую высоту вместе с «Ракетой «Пионер», несшей на своём космическом борту «Тайну Хэстэ», замаскированную под «Ожерелье Сюдбея». И всё это, Саша, были твои личные сочинения, воплощённые в живые образы кукол.

Ах, какие это были куклы! Шендерович со своими куклами может сморкаться в тряпочку. Твои были натуральные красавицы и форменные умницы! Особенно мне запомнились Хэстэ и её муж Хановей (по-моему, в нём было что-то от знаменитого еврейского праздника Хануки или библейской же Ханны?!).

Как истиный творец, ты не остановился на драматургическом образе своих героев и понёс их дальше, на более высокую ступень Парнаса – в поэзию. Особенно храню я в памяти и помню до сих пор вот это:

Даже в северном краю
Самый злой и сильный ветер –
В Хальмер-Ю…

А если вспомнить о твоих «Секундах»! Рождественский с Таривердиевым и Кобзоном думали, что не думать о секундах свысока – их философское открытие и творческое воплощение. Эти ребята были младенцами, когда ты уже сидел в камере смертников Александровского централа и собственной кожей ощущал, что мгновения раздают кому позор, кому бесславье, а кому бессмертие. Затем воплотил этот феномен в поэтические строки задолго до знаменитых плагиаторов, означенных выше. Даже выпустил первую поэтическую книжку, названную «Секунды».

И разве только в этом странные телепатические совпадения? Например, твой портфель! От портфеля Клейна вся наша «Заполярка» была, как теперь сказали бы сквернословы, – в отпаде! Миша Жванецкий со своим новеньким портфелем бегал в первый класс одесской средней школы, в лучшем случае был бы на побегушках у А.И. Райкина. А ты со своим уже очень неконди-ционным спутником творчества приходил в редакцию газеты «Заполярье», доставал из него и торжественно вручал Нине Степановне Котовой новый цикл шахтёрских частушек.

А наша заведующая съедала тебя чёрными цыганскими глазами, и весь отдел явственно слышал её неровное дыхание. Но между вами стояла, как танк Т-34, грозная фигура Нелли – твоей законной (тогдашней) жены. К тому же ты всегда торопился куда-то бежать или что-нибудь делать: читать, писать, репетировать, одним словом – ни минуты без дела. Я понимал, что ты навёрстывал упущенное за 12 лет лагерей и тюрем. Но если в нашей редакции тебя настигал общегородской обеденный перерыв, ты, как неистовый Уинстон Черчилль, бросал всё и немедленно приступал к трапезе: открывал, опять же, бездонный свой портфель, доставал из него чёрный термос и традиционный бутерброд с яичницей, поджаренной на постном масле.

Мимоходом замечу: надо было мне эмигрировать в англоязычную страну для познания того, что английские жены всю жизнь дают на завтрак мужьям традиционную яичницу с беконом. Твоя бедная Нелли не имела в наличии бекона, потому что в Воркуте бывало плохо с мясом. Вернее, с мясом было бы хорошо, если бы оно было. К тому же (как стало мне известно, тоже в англоязычной стране) бекон делается исключительно из свинины. Но ты, Саша, не мог себе позволить того, что позволяла, угрожая фельетоном, заведующая отделом писем из соседней редакционной комнаты – Варвара Алексеевна Охлопкова. Она заходила в мясной магазин и требовала: «Дайте мне кусок хорошей свинины. Я знаю, что свинина лежит у вас в подсобке…». Ты не мог допустить подобного шантажа потому, во-первых, что это не к лицу знаменитому воркутинскому поэту; во-вторых, – и это главное: насколько мне известно, ты строго придерживался кашрута даже в лагерях и тюрьмах, что, несомненно, способствовало твоему выживанию в нечеловеческих условиях.

Поэтому свинина тебе решительно противопоказана, будь она золотой или даже беконной…

Так вот, Саша, пока ты за свободным столом отдела культуры доедал свою яичницу на постном масле и запивал чаем из чёрного советского термоса ёмкостью 0,75 литра, а Нина Степановна Котова обедала в диетической столовой (если помнишь, она была круглая диетчица)… В свободное от работы время твой верный слуга и сотрудник отдела культуры Витя Кличановский тоже успевали опорожнить ёмкость 0,75 литра. В этой ёмкости градусы исчислялись не по Цельсию, даже не по Реомюру (хотя они и знаменитые евреи), а по шкале Рихтера (не выдающегося пианиста, а выдающегося землетруса).

Как ты нас тайно презирал в те роковые минуты! Во-первых, презирал за то, что до конца рабочего дня было ещё далеко, а мы уже расслаблялись. Во-вторых, ты всегда выступал принципиальным противником холодных горячительных напитков. В-третьих, тебе это категорически запрещала Нелли из-за страха, что ты можешь простудить горло и потерять голос. А без голоса – артист не артист, а мим. Но какой может быть мим за ширмой кукольного театра?..

Однажды в студеную зимнюю пору, когда мы в указанном составе обедали и вели одновременно высокоинтеллектульные разговоры о литературе, ты высказал сентенцию, волнующую меня до сих пор. Ты сказал:

– Валя, мы оба страдаем существенными творческими недостатками: ты много чего можешь, но мало чего знаешь, я много чего знаю, но мало чего могу…

Мысль была настолько глубокой, что я не сразу переварил её философский смысл. А когда переварил, подумал: если объединить наши достоинства и недостатки в одно целое, тщательно перемешать отрицательные значения и положительные, то может получиться неплохой (почти еврейский) тандем наподобие Ильфа и Петрова. Конечно, я брал в расчёт твою главную убойную силу – шахтёрские частушки. Но тут же немножко испугался при мысли: кто будет Ильф, а кто Петров? Кто будет сидеть в тепле и писать, а кто будет по морозу бегать в «Коганторг» за бумагой и чернилами? Само собой, ты, как чистокровный, располагал преимущественными правами на звание Ильфа, нежели я со своими славянскими примесями. Но я тут же напряг еврейскую часть полушарий и нашёл простой выход: в случае образования творческого союза я немедленно отказываюсь от псевдонима «Петров» (тоже мне псевдоним!), возвращаю родную фамилию и становлюсь Катаев. Валентин Катаев! Это уже само по себе – алмазный мой венец! Попробуй доказать: кто настоящий, а кто Лжекатаев. Что, по форме носа?! Ты когда-нибудь разговаривал тет-а-тет с живым Катаевым? Я разговаривал, как с тобой, на расстоянии папиросной бумажки, и видел его горбатый нос, нависавший над губами так

низко, что можно было, как в босоногом одесском детстве, вполне обходиться без носового платка…

Теперь, Саша, всерьёз о главном: о твоём знаменитом портфеле из натуральной кожи. О портфеле, в котором перебывали не только несчётные ланчи в виде яичниц на постном масле, холодных говяжьих котлет и чайных термосов емкостью 0,75 литра. Там ещё поочерёдно и в полном собрании сочинений побывали все созданные тобой произведения литературы, театрального искусства и другие духовные ценности.

Поскольку в настоящее время мы не имеем с тобой эпистолярно-компьютерно-телефонно-факсовой связи, то я поручил своим собственным корреспондентам в Сыктывкаре выяснить: а жив ли мальчик – твой талисманный ребёнок, твой Хэстэ, переполненный неразгаданными тайнами Сюдбэя?

Этот вопрос взволновал меня ещё больше в связи с необычными приключениями, бывшими с М.М. Жванецким на даче в Серебряном Бору. Ты находишься значительно ближе к месту происшествия и, будучи несравненно опытнее меня в вопросах следственной практики и юриспруденции (в целом) знаешь, что нашему знаменитому писателю-сатирику набили лицо, выбросили из новенького «Мерседеса» и угнали вышеназванный в неизвестном направлении. Мировые СМИ сообщили мировой же общественности, что Михал Михалыч на Петровке, 38, заявил:

– Мне наплевать на железа многопудье (вместе с немецкими производителями, преступно производящими товар, за которым идёт постоянная охота российского преступного мира. Верните мне мой талисман, мою судьбину – мой портфель. Возвративший получит гонорар – 100.000!!!

Скажи, Саша, как человек, носивший в своё время в своём заполярном портфеле, который намного старше жванецкого аналога, немалый груз сатиры и юмора в лице шахтёрских частушек, скажи честно и откровенно: мог ли знаменитый ныне М.М. бросаться стотысячными гонорарами, если бы оставался подёнщиком у А.И. Райкина «в греческом зале»? Да ни в жисть! Самое большее – это суп-лапша с двойной (!) курицей в замызганном ресторанчике под Ленинградом, но никак не на собственной даче в Серебряном Бору… А кто-то там гундосит: «В рыночном нале… в рыночном нале…».

В последний раз я видел Жванецкого вместе с его портфелем, когда он выступал перед русскими эмигрантами в переполненном зале Grand-House города Окленда. Он привычно доставал из своего старого портфеля не очень новые «штучки», написанные на потрёпанных листах большими буквами. И когда некоторые любители из зала попытались снять его на видеоплёнку, М.М. сказал: «Меня снимать не надо… Лучше снимайте мой портфель – на случай, если его украдут, и будет объявлен розыск через Интерпол…». Накаркал! Дай Бог ему здоровья и всё найти. Вплоть до «Мерседеса»…

Перебирая в памяти все даты, я останавливаюсь на одной: приближав-

шемся 40-летии Клейна. Это, помнится, было в конце марта 1962 года. Боже, как молоды мы были! По этому поводу состоялось заседание редколлегии во главе с Егором Николаевичем Терентьевым. На повестке дня стоял один вопрос: о подарке лучшему рабкору газеты «Заполярье» Клейну Р.С. Предложений было много и самых разных: книгу, как источник знаний и лучший подарок; сувенир «Камень жизни», потому что кукольный театр получил право первой постановки твоей одноимённой пьесы. А в это же самое время Воркутинский механический завод запустил в серийное производство (по линии ширпотреба) кусок лакированного угля с хромированным карандашом в виде отбойного молотка.

Я выступил с собственной инициативой: «Предлагаю подарить товарищу Клейну новый кожаный портфель за 7.40, потому что его старый портфель, как старое бабкино корыто из пушкинской сказки, совсем прохудился». Некоторые члены редколлегии сделали кислые мины: мол, 7.40 – дороговато, даже за натуральную кожу, хотя сомнительно, чтобы за такие деньги сделали из натуральной. Но я настаивал: подумайте сами, у нашего активнейшего рабкора совсем износился портфель, в нем даже появились дырки наподобие мышиных нор. Неровен час, он может однажды потерять не только бутерброды на постном масле, но и новый китайский термос «Дружба», который (по непроверенным слухам) ему собираются подарить от имени творческого коллектива администрация, партийная и профсоюзная организации Большого Кукольного Театра Воркуты. Это будут ощутимые, но не самые большие потери. А вот если по пути в редакцию, да ещё во время пурги, когда в одном шаге не видно ни зги, у Рафаила Соломоновича ускользнёт в портфельную дырку юбилейный цикл шахтерских частушек – это будет катастрофа не только для коллектива редакции и 30 тысяч подписчиков газеты, но и для самого автора, который потеряет, как минимум, 5 рублей гонорара. О переживаниях в данном случае Нины Степановны Котовой и говорить не приходится… (Заведующая отделом согласно и гордо кивнула, опустив долу глаза).

Вопрос оставили открытым, но поручили Виктору Кличановскому позвонить имениннику (подумать только, в то время театр кукол уже имел собственный телефон!) и осторожно выяснить отношение к предполагаемому подарку. Потом Витя докладывал на втором специальном заседании редколлегии (совместно с партбюро и профкомом), что портфельный намёк был встречен в штыки, как полное непонимание редакционным коллективом творческого человека, для которого старый друг лучше новых двух.

Короче говоря, Саша, ты, конечно, хорошо помнишь, что на 40-летие коллектив редакции подарил тебе модную шляпу в арифметику, с узенькими полями. Ах, какая это была шляпа! Точно такая шляпа появилась на лысой голове Никиты Хрущёва (он демонстрировал её в Америке накануне карибского ядерного конфликта). В знак с боевой солидарностью генсека советская

шляпная промышленность в лице фабрик «Белка» и «Стрелка» приступила к серийному производству шляп «а-ля Хрущев» светлокоричневого цвета – в арифметику. Воркутинский УРС под руководством товарища Когана завез пульмановский вагон этих шляп и напялил их на головы всего мужского населения города в возрасте от восемнадцати до сорока восьми. Так что ты, Саша, не был одинок среди массы грибов-поддубников (они же – «решётки»)…

Своё 50-летие ты отмечал уже будучи столичным жителем – сыктывкарцем. Поэтому о подарках полувекового юбилея я ничего не знаю, как не знаю ничего о подарках к 60-летию, потому что в то время я уже проживал в другом месте. Чего не знаю – врать не буду. А вот твоё 70-летие, Саша, я запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Вот как это было.

Ко времени твоей славной даты я уже пару лет отбыл в Израиле. 22 марта 1992 года лежу в своей схар-дире (съемной квартире) на восьмом этаже в городе Хайфе. Лежу на новом диване, который именно во время знаменательного события мне подарил сосед с двенадцатого этажа. Его звали Шмулик. Ко дню твоего юбилея Шмулик из Бобруйска уже тридцать лет проживал на исторической родине. За это время он слегка освоил иврит и уже второй раз менял мебель.

Однажды утром я услышал на лестничной площадке сильный грохот и решил узнать, не случилось ли землетрясение или очередная «Буря в пустыне»? Оказалось, это Шмулик с сыном Ициком волокут по лестнице (как репинские бурлаки) свой старый диван. Такие красные и потные, как невозможно передать. Шмулик жалуется:

– Сосед, вы представляете, что эта ничтожная развалюха не вмещается даже в грузовой лифт…

– А как вы его заносили наверх?

– Ой, это было так давно… пятнадцать…или даже семнадцать лет назад… Тогда я был совсем молодой и здоровый. А заносил его ещё более здоровый и молодой араб…Что такое для араба занести на двенадцатый этаж самую крупную вещь?!

– Вниз – не вверх, – ободрил я соседей. – Потихонечку снесёте…

– Как сказать…если нет араба… Послушайте, сосед, только что у меня промелькнула гениальная мысль: вам случайно не нужен этот шикарный двухспальный диван? Зачем его выбрасывать? Он же почти новый…

Я хихикнул, вспомнив знаменитый шпионский фильм:

– А ваш диван с тумбочкой?

– Конечно! Будет вам тумбочка. Полная белья. Бельё мы тоже меняем… вместе с мебелью…

– А как насчет клопов?

– Чтоб я так жил, – ни одного! Можете лично проверить? Ицик, ты с дет-

ства спал на этом диване, скажи дяде: тебя хоть раз кусали клопы?

– А кто это такие? – наморщил Ицик свой вундеркиндовский лобик.

– Это кровопийцы, – подсказал я. – Наподобие хозяев моей квартиры.

– Нет, я их давно не видел. Говорят, они построили себе шикарную виллу в миллионерском районе – на Кармеле…

– Тогда заносите, – разрешил я, открывая вторую половинку двери. – Только не поцарапайте стену, потому что кровопийцы высосут остатки моей крови.

Втроём, по команде «раз-два-взяли!», мы занесли и установили в моём салоне шикарный двухспальный диван, как раз напротив телевизора «Тошиба». Этот замечательный цветной телевизор я привёз из дома. Продал в Киеве двухэтажный дом, заработанный на Крайнем Севере, и на все вырученные деньги купил «Тошибу», видик и электрический кухонный комбайн днепропетровского производства, с двенадцатью насадками, из которых работала только одна – мундштук для начинки домашних колбас… вручную…

Между тем, счастливые отец и сын – Шмулик с Ициком – сделали ещё несколько ходок на двенадцатый этаж и осуществили операцию по доставке тумбочки (почти новой) и большого количества постельного белья (почти целого).

– Ну, теперь включите телевизор, – предложил Шмулик. – Посмотрим, какая хорошая будет видимость с вашего нового дивана.

Я покорно взял «палочку» и нажал четвёртый – московский – канал…

И тут, Саша!.. Ты уже догадался, что именно произошло тут... потому что вынос и внос соседского дивана происходил 22 марта 1992 года – в день твоего славного 70-летия. Я увидел тебя по телевизору – молодого, нарядного, красивого… Почти новые, ещё очень упругие пружины дивана стали подбрасывать меня до потолка – вот так я радовался твоим успехам. А Шмулик и сын смотрели на меня, как на безумного и, вероятно, думали, что высокими подскоками я выбиваю из дивана пыль или пытаюсь вытрясти клопов, если они там затаились в ожидании ночи. Потом я набрал полную грудь воздуха и закричал на всю израильскую, как на всю ивановскую:

– Смотрите, смотрите!.. Наш человек – Саша Клейн!

В это время ты поднимался на сцену за получением очередной почётной грамоты из рук республиканского руководства. Тебя показывали долго, не менее, а может быть, и более десяти секунд…

– Кто этот человек? – спросил Шмулик.

– Он еврей и знаменитый поэт!

– Что, как Маршак или Маркиш?

– Ещё лучше! – Выкрикнул я в запале от невероятности происходящего. Кто бы мог подумать, что когда-нибудь я буду жить в Израиле и, лёжа на новом диване, увижу Сашу Клейна прямо и непосредственно из юбилейного

зала города Сыктывкара…
– А где живёт ваш друг? – не унимался Шмулик.
– В Сыктывкаре!
– Судя по названию, это в районе Южной Америки?
– Ещё дальше…
– Подумать только, теперь уже во всём мире говорят по-русски…

Минникова Т.

Театр за колючей проволокой (на территории Коми края)

Революция – это не только изменение политической, экономической и социальной структуры общества. Это и изменения в сфере культуры. Обычной задачей искусства в данных условиях является формирование в новых (революционно созданных) условиях нового человека. Так было во Франции во время Великой французской революции, так было и в России в 1917 году. Искусство в советской стране, в этом смысле, носило утилитарный характер. И данное обстоятельство касалось абсолютно всех сторон жизни советского общества. Особенно же ярко указанный момент проявился в лагерной системе принудительного труда.

С самого начала планы создания подобных лагерей строились на идее перевоспитания («перековывания») человека и одним из важнейших инструментов в этой работе должно было стать искусство. С первых лет существования советской лагерной системы культурно-воспитательная работа с заключёнными была встроена в пропагандистскую систему страны. В исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 года говорилось, что обязательный труд заключённых должен сочетаться с культурно-просветительнй работой. Но позже, когда система ГУЛАГ превратилась в важнейшую экономическую силу, данный момент также был отражён в соответствующих документах. В исправительно-трудовом кодексе 1933 года, заменившем кодекс 1924 года, говорилось, что «перевоспитание личности» по-прежнему является важнейшей целью системы исполнения наказаний. Но, кроме того, культурно-воспитательная работа в лагерях должна служить также и «целям повышения производительности труда» 1.

История возникновения художественной жизни в разных уголках «ГУЛАГ-овского материка» почти одинакова. Рассмотрим её на примере лагерей, расположенных на территории Коми края. Схема была проста: при каждом отдельном лагерном пункте (ОЛП) существовала культурно-воспитательная

часть (КВЧ), которая должна была заниматься повышением культурного и интеллектуального уровня заключённых. КВЧ, как правило, располагала набором музыкальных инструментов, здесь имелись шахматы и хорошие библиотеки (из конфискованных у «врагов народа» книг).

Одним из важнейших моментов деятельности КВЧ была организация художественной самодеятельности среди осуждённых. Последние должны были участвовать в подобных мероприятиях только после трудового дня (от общих работ они не освобождались). Играть приходилось в столовых, где часть помещения отгораживалась для сцены. Однако начальству всё же было понятно, что чисто самодеятельными формами искусства в решении поставленных задач не обойтись. Так в крупных подсистемах ГУЛАГа на территории Коми АССР начинают возникать профессиональные и полупрофессиональные театры, а также концертные коллективы. Например, существовали театры, состоявшие из заключённых (а частично и из вольнонаёмных) в Ухте, Печоре, Инте, Абези и Воркуте. По всей Печорской магистрали разъезжал передвижной театрально-эстрадный коллектив (ТЭК), базировавшийся в Княж-Погосте.

Ещё раз повторим, что официально сценическое искусство должно было являться «мобилизующей силой», способствовавшей росту производительности труда на шахтах Заполярья. Но все, конечно, понимали, что как бы ни позиционировалась необходимость создания подобных театров в системе ГУЛАГ, основным мотивом, побуждавшим лагерное начальство организовывать театрально-музыкальную жизнь, было, прежде всего, развлечение лагерного персонала.

В чём же проявлялись особенности работы подобных театров?

Каждый начальник ОЛПа, где имелся театр, гордился им и стремился всячески «перещеголять» своих «коллег» по части организации театрального процесса, качества актёрского состава, устройства сцены, оформления театрального здания и т.п. Из воспоминаний Г.М. Литинского : « Странная смесь вольнонаёмных и заключённых здесь никого не удивляет. Привыкли. В зале странная публика. Администратор не рискует пускать в продажу «бронированные» места, покамест не обзвонит их владельцев. Начальник любит свой театр, как отец любит своего первенца и не прощает равнодушия к нему. Когда в театре дела плохи, администратор пускает слух, будто «сам» собирается сегодня в театр, и тогда зал бывает полон. Впрочем, к этому сильнодействующему средству редко приходится прибегать. Здесь привыкли ходить в театр, как в кафе – каждый вечер. Послушают любимую арию и возвращаются в буфет, где утоляют жажду шампанским. Начальство покрупнее оккупировало кабинет администратора. Им туда носят выпивку и закуску …» 2.

Театр, безусловно, являлся объектом престижа. Например, чтобы удов-

летворить своё самолюбие начальник Управления Воркутстроя НКВД СССР М.М. Мальцев приказал «на спор» построить новое здание Воркутинского музыкально-драматического театра за 1 месяц (!). Опять же, по воспоминаниям Г. М. Литинского: «Строительство вели каторжники в три смены … 15 сентября здание театра было готово, и вернувшиеся накануне (из гастролей по ОЛПам) артисты сыграли, как было обещано, приготовленную в поездке оперетту Кальмана «Марица»…3.

Искренне любя театр, многие представители лагерного руководства старались всеми правдами и неправдами – с этапов и пересыльных пунктов «доставать» лучших артистов для «своих» театров. Для самих же артистов попасть сюда считалось большой удачей. Работать в театре означало – работать в тепле, в «человеческих условиях», в культурном окружении единомышленников. Это был реальный шанс выжить.

И, действительно, условия существования артистов отличались от условий жизни других заключённых. Но надо помнить, что актёры и актрисы, находясь в лагерной зоне, отнюдь не были защищены ни от своеволия охранников и надзирателей, ни от произвола блатных, любивших подчеркнуть, что они, воры и бандиты – «честные советские люди», а заключённые по 58-й статье – «враги народа». Редкий день в лагерной зоне обходился без убийств. Блатные по ночам не успокаивались, доставали спирт, напивались, дрались, шумели, лишая сна и отдыха и без того измученных людей.

Кроме того, «служители Мельпомены» голодали так же, как и прочие заключённые лагеря. Единственная надежда получить улучшенное питание – это гастрольные поездки по ОЛПам, где каждый начальник, стремясь похвастаться перед своими коллегами, оказывал артистам всевозможное внимание. Но когда занавес закрывался, их пересчитывали и отводили в зону, за колючую проволоку.

Какими бы талантливыми они ни были, они оставались людьми подневольными, целиком зависевшими от прихоти начальства. По словам В. К. Ясного: «Лагерный театр органично восходил к крепостному. А дальше кому как выпадало: или к Салтычихам или к Шереметевым»4.

Из воспоминаний Л.И. Богораз: «Борис Дейнека (певец) попал в лагерь в 46-м году, и был взят на общие работы. Но пресловутый Мальцев, искавший везде таланты, перевёл его в свой театр. Помню его худым, изможднно-зелёным, напуганным человеком. А рядом на сцене – цветущая, пышная, чисто вымытая, невероятно активная Виолетта-Мальцева, которая, как известно, умирает от туберкулёза. Довольно странная получилась картина, не правда ли: представитель золотой молодёжи Альфред, выглядел не только истощённым туберкулёзником, но всё время буквально трясся от страха? Когда же Виолетта надвигалась на него, чтобы зажать в своих объятьях, Дейнека неизменно отступал и косился в зал (в зале находился её муж – всесильный

Мальцев). Не могу, конечно, точно сказать, о чём Мальцев тогда напряжённо думал, но его лысина покрывалась красными пятнами»5.

И опасения актёра были отнюдь не напрасными. Известен следующий случай: «Ревнивому мужу – высокопоставленному чиновнику из Управления лагеря – сообщили, что артист Г. ухаживает за его женой, артисткой театра. Взъяренный начальник немедленно позвонил в театр и потребовал, чтобы артиста тотчас же заперли в зону и исключили из состава труппы. Шёл как раз спектакль «Весёлая вдова». Никакие попытки уговорить разъярённого самодура не помогли. Присутствовавший всегда в театре конвой получил приказ немедленно доставить Г. в зону. И вот сразу после первого акта не разгримированный «граф» под конвоем с собаками был водворён – и надолго, до окончания срока – за проволоку. Публика немало изумилась, увидя во втором акте весёлой оперетты весьма заметно «постаревшего» графа Данилу в исполнении другого, срочно вызванного актёра. Понятно, что такие казусы возможны только в крепостном да в лагерном театре»6.

Далеко не всегда учитывалось и состояние здоровья артистов. Иногда они вынуждены были выходить на сцену больными, с высокой температурой, не имея возможности восстановить свои силы в нормальных условиях.

Из воспоминаний Э.И. Котляра: «Ночью после очередного спектакля конвой ведёт заключённых актёров в зону. Конвоиры торопят – поздно. Метёт пурга. Льдистая дорога запорошена снегом. Дейнека упал, сломал руку. В зоне разбудили врачей – наложили гипс. А завтра петь Мефистфеля. Отложить нельзя: приехала какая-то московская комиссия – увеличивать отгрузку угля. Но ей нужно показать и театр. На загипсованную руку накладывают яркую косынку, в тон алому костюму Мефистофеля. С повисшей тяжёлой левой рукой Дейнека поёт. И только несколько человек в зале знали, чего это стоило заключённому Дейнеке»7.

И всё же, находясь на сцене, артисты подневольного театра забывали о своём бесправии, о постоянном чувстве голода, о конвое, поджидавшем их с овчарками у служебного входа. По мнению Т. В. Петкевич, театр в ГУЛАГе – это «уродство в уродстве», но именно он заставлял помнить актёров, что они – люди. Кроме того, артисты получали ни с чем не сравнимое моральное удовлетворение от своей работы, ведь лагерные театры являлись мощными очагами культуры в тех регионах, где они создавались. Театры представляли собой настоящие центры просвещения, пользовавшиеся любовью и поддержкой зрителей. Интересен следующий факт: особую заботу о заключённых артистах проявляли женщины, часто – жёны крупных начальников из системы ГУЛАГ. Не взирая на запреты, поклонницы талантов передавали им тайком от мужей и охраны продукты питания, лекарства, папиросы, конфеты, а также парфюмерию: туалетное мыло, духи и пудру 8.

Театр дисциплинировал зрителей, приучал их к культуре: «Пришедшие

с лесоповала работяги, узнав о нашем приезде, спешили отмыться, быстрее поужинать и заполнить клуб или преображённую в него столовую. В первые ряды усаживалась вохра. За ними зэки. Начинался концерт. Все смолкали. Слушали, затаив дыхание…» (Т. В. Петкевич)9.

Выступления проводились не только на русском языке, но и на немецком, а также на языках народов Прибалтики. При этом репертуар концертов подвергался строгой проверке. Запрещались такие произведения, в которых упоминались даже в хвалебной форме имена Ленина, Сталина и других вождей мирового пролетариата; запрещалась критика вольнонаёмных инженеров и рабочих, какого-либо начальства, включая самого рядового охранника. Запрещалось упоминание о тюрьме, как, например, у Пушкина – «Сижу за решёткой в темнице сырой…»; запрещались лихие застольные песни, вроде «Ирландской» Бетховена и так далее. Из режимных соображений не допускалось исполнение произведений, где речь шла о побегах и ещё многое другое10.

Угасание театральной жизни в лагерях Заполярья началось с началом ужесточения лагерного режима по всей стране. Последнее привело к тому, что в 1949 году многие театры лишились ряда ведущих артистов: их загнали за колючую проволоку на общие работы. В виду полной безнадёжности и бесперспективности будущего несколько человек покончили жизнь самоубийством. После смерти Сталина Воркуту и другие центры театральной жизни Коми края начали покидать ведущие артисты и музыканты, хотя часть из них после освобождения осталась и составила в последствие основу труппы Воркутинского драматического театра.

Безусловно, при всей противоречивости положения театров в системе ГУЛАГ, большинство бывших актёров, а также простых заключённых всю жизнь с благодарностью вспоминали эти островки культуры в тёмном мареве тогдашней жизни: «Театр учил не поддаваться. И, может быть, здесь он был нужнее, чем агитбригады на фронте. Там кругом свои. В руках оружие. Враг впереди. Здесь в руках была тачка и лопата. И отверженность от своих. Театр помогал выстоять» (В.К. Ясный) 11.

1. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР Об утверждении исправительно-трудового кодекса РСФСР, в ГУЛАГ (сноска 10) с. 73, 81.

2. Клейн А.С., Попов А.А. Заполярная драма …// Покаяние: Мартиролог. Т. 2. / Сост. Г.В. Невский Сыктывкар, 1999. С. 233.

3. Там же. С. 230.

4. Там же. С. 305.

5. Богораз Л. На каникулы в Воркуту // Театр ГУЛАГа / Сост., вступ. статья М.М. Кораллова. М.: «Мемориал», 1995. С.62 – 63.

6. Клейн А.С., Попов А.А. Заполярная драма …// Покаяние: Мартиролог. Т. 2. / Сост. Г.В. Невский Сыктывкар, 1999. С. 248.

7. Котляр Э. И. «Фауст» в ИТЛ // Театр ГУЛАГа / Сост., вступ. ст. М.М. Кораллова. М.: «Мемориал», 1995. С. 49 – 50.

8. Клейн А. Улыбки неволи. (Невыдуманная жизнь. События. Судьбы. Случаи). Из-во «Пролог», 1998. С. 203.

9. Петкевич Т. Нечаянная профессия // Театр ГУЛАГа / Сост., вступ. ст. М.М. Кораллова. М.: «Мемориал», 1995. С. 133.

10. Клейн А.С. Музы за колючей проволокой // Покаяние. Мартиролог. Т. 2. / Сост. Г.В. Невский Сыктывкар, 1999. С. 280.

11. Клейн А.С., Попов А.А. Заполярная драма ...// Покаяние: Мартиролог. Т. 2. / Сост. Г.В. Невский Сыктывкар, 1999. С. 305.

Письма Александра Клейна

Публикацию подготовила Минникова Т.

Письма Александра Клейна, предлагаемые читателю, представляют собой лишь небольшую часть его эпистолярного наследия. Они охватывают период с 1993 по 2005 год и отражают заключительный этап его многотрудной, но яркой жизни. Именно в этот период им было завершено и окончательно оформлено то, что задумывалось и вынашивалось все предыдущие годы – написаны главные книги, отправились в самостоятельный творческий полёт его ученики, началась активная (и, наконец-то, востребованная обществом) работа по сбору материалов и написанию статей (о театрах и актёрах ГУЛАГа) для Мартиролога памяти жертв политических репрессий Республики Коми в рамках общественного благотворительного фонда «Покаяние».

В своих письмах Александр Клейн предстаёт перед читателем человеком разносторонних интересов, воодушевлённым идеей служения обществу. Это – романтик, но романтик, который уже не похож на того наивного юношу, что стоял когда-то на пороге жизни в надежде на встречу с Прекрасным. Это – человек, по жизни которого судьба прокатилась роковым колесом. Однако она не смогла изменить при этом его внутренней сущности: он так и остался романтиком, но обретшим в итоге значительную долю трезвости и самоиронии.

Такое сочетание особенностей характера сделало его личность достаточно оригинальной в глазах окружающих. Её обаяние испытали на себе многие, кому довелось общаться с А. Клейном. В конце концов, пройти столь тяжёлую жизненную школу и не разочароваться в людях, в их способности творить добро – это факт, безусловно, заслуживающий внимания и уважения. Всё это вместе взятое не могло не притягивать к нему людей.

В данной подборке представлены письма только двум адресатам – людям разного возраста, разного социального статуса и разного жизненного опыта, но близких Клейну своими духовными и творческими устремлениями. Это – Тамара Владиславовна Петкевич и Юрий Иосифович Кожевин. С Тамарой

Владиславовной он познакомился в 1996 году после прочтения её знаменитого романа «Жизнь – сапожок непарный». Переписка двух незаурядных людей переросла в настоящую дружбу.

Юрий Иосифович Кожевин – любимый ученик Клейна, который со временем стал не только его верным помощником в деле собирания материалов по заключённым-актёрам театра ГУЛАГ, но и близким другом, которому он поверял свои самые заветные мысли и чувства.

Письма к Т.В. Петкевич адресованы в город Санкт-Петербург, к Ю.И.Кожевину – в город Печора (Республика Коми), а затем – в город Тосно (Ленинградская область), куда Юрий Иосифович переехал в 2001 году по семейным обстоятельствам. Ниже приводится биографическая справка об адресатах.

Тамара Владиславовна Петкевич

Родилась в Петрограде в 1920 году в семье Владислава Иосифовича Петкевича, члена ВКП(б) с 1918 года, арестованного и репрессированного в 1937 году. В 1938 году, закончив десятилетку, она поступила в 1-й Государственный институт иностранных языков. В 1940 году Тамара Петкевич уехала в ссылку к мужу в город Фрунзе. Там в 1943 году она была арестована и осуждена по ст. 58-10 на 7 лет лишения свободы, три года поражения в правах и конфискацию имущества. Срок отбывала в лагерях Киргизии, затем в Коми АССР (Северо-железнодорожный лагерь – СЖДЛ). Её мать и младшая сестра погибли в Ленинграде во время блокады. Находясь в заключении Тамара Петкевич родила ребёнка, с которым в последствии была разлучена. Во время пребывания в СЖДЛ она работала медсестрой, участвовала в деятельности Театрально-эстрадного коллектива (ТЭК), состоявшего из заключённых. Освобождена в 1950 году. Как театральная актриса Т.В. Петкевич служила в театрах в Шадринске, в Чебоксарах и в Кишинёве. В 1957 году она была реабилитирована. Вернувшись в Ленинград, в 1962 году поступила на театроведческий факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК). Закончив его в 1967 году, работала заведующей репертуарным отделом в Ленинградском Доме художественной самодеятельности.

В 1993 году она опубликовала книгу мемуарной прозы о жизни в сталинских лагерях «Жизнь – сапожок непарный», которую высоко оценила российская и зарубежная общественность. Книга выдержала несколько переизданий. Вторая книга – «На фоне звёзд и страха» стала продолжением первой. В ней она рассказала о своей жизни после освобождения из лагеря. Документально-художественная проза Петкевич – это яркое и трагическое

повествование о том, как через судьбу отдельного человека преломилась судьба целой эпохи.

В 1996 году Т.В. Петкевич была принята в Союз писателей Санкт-Петербурга.

18 октября 2017 года она ушла из жизни, оставив о себе добрую память в сердцах тех, кто её знал и любил.

Юрий Иосифович Кожевин

Родился в 1957 году в городе Печора Коми АССР в семье участника Великой Отечественной войны, кавалера Ордена Славы Кожевина Иосифа Сильвёрстовича и Барон Евгении Ивановны, бывшей политзаключённой.

Закончил в 1974 году среднюю школу в Печоре, затем получал образование в Ярославском театральном училище, в Коми республиканском культурно-просветительном училище (г. Сыктывкар), в ЛГИТМиКе и в Ленинградском государственном институте культуры им. Н.К. Крупской по специальностям: актёр драмы и руководитель драматического коллектива. После окончания учёбы Юрий Кожевин вернулся в Печору, где создал свой авторский Театр Юмора и Клоунады (ТЮК). Здесь им было поставлено 27 авторских пьес для взрослых и детей. Многие воспитанники ТЮК впоследствии стали профессиональными актёрами и режиссёрами, пять учеников продолжили обучение у А. Клейна.

С 1994 по 2001 год Ю.И. Кожевин являлся директором Дома культуры железнодорожников станции Печора Северной железной дороги (бывшего театра Печорлага). Его усилиями на фасаде ДКЖ была установлена мемориальная доска в память служивших в системе Печорлага заключённых-актёров, а самому Дому культуры был придан статус «Памятника культуры, охраняемого государством».

С 1995 г. – член Союза театральных деятелей Российской Федерации. В 1997 году ему присвоено звание «Заслуженный работник Республики Коми». Юрий Кожевин являлся членом общественной редколлегии при создании 2-го тома Мартиролога «Покаяние» Республики Коми.

С 2002 года Юрий Кожевин работал режиссёром театра в Тосненском районном Доме культуры, затем – в Тосненском культурно-спортивном центре. Здесь им был создан стихо-театр «Рифмы», на базе которого поставлено более 10 оригинальных театрализованных представлений и спектаклей. Сегодня Ю.И. Кожевин продолжает работать над темой «Театры ГУЛАГа», пишет статьи и книги, обучает молодёжь, готовит будущих студентов театральных вузов.

О составителе:

Минникова Татьяна Николаевна

Родилась в 1960 г. в г Гатчина Ленинградской области, с 1961 г. проживает в г. Тосно. В 1982 году окончила Ленинградский электротехнический институт связи им. проф. А.М. Бонч-Бруевича (Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций и связи им. проф. А.М. Бонч-Бруевича), а в 1992 году получила дополнительное образование (с правом преподавания в средней школе) в Санкт-Петербургском Государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена. Специализацию проходила на кафедре религиоведения, что позволило получить специальность преподавателя истории, истории религии и Библии. Работала преподавателем в общеобразовательной школе №1 города Тосно с углублённым изучением предметов.

Активно занимается общественной деятельностью, связанной с краеведением, выступает на краеведческих чтениях. Регулярно публикуется в местной прессе, а также опубликовала ряд статей в региональных газетах: «Санкт-Петербургские ведомости», «Вести» и «Комсомольская правда в Петербурге». Имеются публикации во всероссийском журнале «Живописная Россия» и региональных журналах «История Петербурга» и «Чудовский краевед». Участвует в культурной жизни района (пишет рецензии на спектакли). В 2017 году выпустила брошюру «Юрий Кожевин и его стихо-театр «Рифмы». Сборник рецензий».

Регулярно участвует в научных семинарах и конференциях в Доме Учёных в Лесном, в РПГУ им. А.И. Герцена, в ЛГУ им. А.С. Пушкина. Является членом Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева, постоянно публикуется в научных сборниках, а также в научном академическом журнале для историков «Клио». Является одним из авторов сборника «Шла война народная» (авт.-сост. А.И. Веретин). Участвовала в юбилейных Лермонтовских чтениях в Санкт-Петербурге (2014 год). Доклад помещён в юбилейном сборнике. В 2012 году выпустила брошюру «Забытые концлагеря», в 2014 – книгу «Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные в Ленинградской области: Тосненский район». В 2016 году книга была переиздана и помещена на электронный сайт Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина. С рассказом о военнопленных многократно выступала перед школьниками и студентами в городах Тосно, Отрадное и посёлке Саблино. Постоянно работает над темой: «Оккупация».

Письма. 1993 – 2005 годы

1

А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 13 октября 1993.

Дорогой Юра! Спасибо за письмо. Мне было очень радостно получить весточку от тебя, да ещё такую приятную. Аркашу Кацмана1 я знал хорошо. Он поступил в институт на Моховую2 в 1940 году, был моложе меня на курс. Это был превосходный паренёк и из него вышел замечательный педагог, а вот в жизни у него, увы, ничего похожего на счастье не состоялось, и умер он, как ты знаешь, тоже в одиночестве.

Он меня как-то, когда мы виделись в Ленинграде, очень приглашал на свой спектакль «Наследники Рабурдена» (по Э. Золя). Не помню уже, почему я не смог пойти. Смотрел, правда, у него другие спектакли. Какой-то из виденных в последние годы не устроил меня. Но огорчать его я не стал и не высказал ему. Но, повторяю, педагог он был отличный.

Что у меня? Я сейчас уже скоро два года не преподаю сценическую речь. Мне трудно вечерами подолгу заниматься с учениками, тем более, что способные среди них – редчайшая из редкостей... Не скрою, мне часто хочется заниматься с кем-нибудь СПОСОБНЫМ художественным словом. Но... наши педагоги, вероятно, очень рады, что я не претендую на большее, чем на одну ставку. А её мне даёт преподавание Мировой художественной культуры. Увы, и это становится мне подчас тяжело. Вот и сегодня опять были сердечные приступы, и я с трудом добрался из училища домой...

Да, мой сборник «Мой номер 2П-904»3, хотя не принёс мне вовсе денег, но резонанс получил огромный. В Тель-Авиве в центральном еженедельнике отвалили целый огромный газетный лист, в Екатеринбурге, у нас в нескольких газетах и журналах, в Москве, в «Невском времени»4 в СПб, в Париже, в Стокгольме. И ещё будут добрые отзывы. Не знаю, доживу ли до выхода «Дитя смерти». Это большая книга (420 печатных страниц). Очень подводит зрение. Почти вовсе ослеп на левый глаз, и правый видит неважно. Операционное вмешательство, сказали, не поможет. На носу 72... А сколько прошлых лет можно посчитать за три-пять каждый, если не больше?.. Кто ещё из бывших учеников и учениц у вас, в Печоре? Приветы им всем! Обнимаю! Твой бывший, но не забывший тебя учитель.

1. Кацман Аркадий Иосифович (1922-1989) – режиссёр и театральный педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор. В 1946 году Аркадий Кацман закончил актёрский факультет Ленинградского театрального института. 1948-1989 гг. – профессор кафедры режиссуры. Умер от

острой сердечной недостаточности. Похоронен под Санкт-Петербургом, в посёлке Комарово.

2. «институт на Моховой» – Моховая, 34. С 1939 года это – Ленинградский театральный институт; с 1962 года – Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК); с 1993 года – Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства (СПб ГАТИ).

3. Сборник стихов «Мой номер 2П-904». Сыктывкар, 1992.

4. «Невское время» – общественно-политическая газета, официальный публикатор сообщений Губернатора, Правительства и иных исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга.

2

А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 28 января 1996.

Дорогой Юра! Огромное тебе спасибо за прекрасную книгу «Жизнь – сапожок непарный». Читаю взахлёб. Многое мне известно, многое неизвестно. Ведь каждый лагерь, как монастырь, имел свой «устав». Во многом судьба Петкевич похожа на судьбы других женщин-заключённых. Конечно, судьба страшная, обидная. В наших судьбах, конечно, много различий, начиная с биографий довоенной поры. Написана книга хорошо. Мне кажется, напрасно автор так много внимания уделяет детству и времени до 1937 года (до арестов). Я боюсь сравнивать эту книгу с «Клеймёными»1. Мне кажется, эта подробнее. Но, в общем, обе они в одном почти духе, хотя очень разные при всей, на первый взгляд, схожести. < … >

Давно не писал рецензий и опять надолго воздержусь. Противно. Так толком ничего не пишу. Иногда какую-нибудь мелочь информационного толка. Из хорошего написал летом в «Трибуне»2 очерк «Камерная музыка» об Артуре Дреслере3, муже Тамары Алексеевны4, с которым дружу с Воркуты с 1951 года и очерк «Игра судьбы» (кажется «Красное знамя»5) от 6 октября 1995 года (о великом ленинградском певце Н.К. Печковском6, отбывавшем часть срока в Инте7). Написал, по-моему, оба очерка неплохо. Огромная моя статья, посланная в «Культуру»8 об открытии мемориальной доски на вашем ДКЖ9, о твоей огромной работе и т.д. так и не появилась, хотя посылал заказным письмом с уведомлением. Думаю, там просто такая прогрессивная тема пришлась не ко двору: «Культура» – не очень передовая газета...

1. Роман «Клеймёные или Один среди одиноких. Записки каторжника». Сыктывкар, 1995.

3. «Трибуна» – общественно-политическая газета республики Коми.

3. Дреслер Артур Юлианович (1925-2004) – музыкант. Родился в г. Минске. Приговорён в 1949 году Особым совещанием при МВД СССР к 20 годам каторжных работ. После освобождения и реабилитации остался жить и работать в республике Коми. Служил в Коми республиканском музыкальном театре (ныне Государственный театр оперы и балета Республики Коми, г. Сыктывкар) в оркестре (группа скрипок). После выхода на пенсию был известен как один из квалифицированнейших настройщиков музыкальных инструментов в республике.

4. Дреслер Тамара Алексеевна (1939-2011) – почётный работник среднего профессионального образования РФ. Отличник культуры СССР. С 1972 года преподаватель дисциплин: «Актёрское мастерство», «Режиссура», «Грим», «Сценическое движение» Коми республиканского колледжа культуры им. Чисталёва (г. Сыктывкар).

5. «Красное знамя» – общественно-политическая газета. До 1991 года являлась официальным органом Коми обкома КПСС, Верховного Совета и Совета Министров Коми АССР. Регион распространения – Республика Коми.

6. Печковский Николай Константинович (1896-1966) – оперный певец. С 1924 года служил в Ленинградском театре оперы и балета (Мариинском театре), где прославился совершенством своей вокальной техники. В начале войны не успел эвакуироваться и с 1941 по 1944 гг. находился на оккупированной территории Ленинградской области. Добывая себе и своим близким пропитание, он вынужден был давать концерты в районах, занятых врагом. За это все его родственники, оставшиеся на советской территории, были репрессированы, а сам Н.К. Печковский был осуждён на 10 лет по статье 58-1 «а» УК РСФСР за «сотрудничество с оккупантами». Освобождён в 1954 году и в том же году полностью реабилитирован.

7. Инта – город, расположенный на северо-востоке Республики Коми. Основан в 1942 году в районе залежей энергетических углей. Статус города получил в 1954 году.

8. «Культура» – общероссийская газета.

9. ДКЖ – Дом культуры железнодорожников города Печора Северной железной дороги, бывший театр Печорлага (официальное открытие – 1945 г.). Само здание этого театра уникально: в его строительстве участвовали заключённые ГУЛАГа, воплотившие в жизнь проект репрессированных ленинградских театральных архитекторов. На месте бывшего деревянного здания без использования строительной техники за один год было возведено кирпичное. Первый концерт в новом здании состоялся в мае 1949 года. С 1994 по 2001 год ДКЖ руководил Кожевин Ю.И. Став директором, он добился, чтобы бывший театр Печорлага был включен в государственный список памятников культурного наследия Республики Коми. По его инициативе в 1995 году на его здании была установлена мемориальная доска в память

заключённых – деятелях культуры и искусства, служивших в системе Печорлага. На доске также, приведены слова А. Клейна:

«Это бремя от времени не спрячешь:
Время своё найдёт и отдаст»
(Мой номер «2П-904»)

3

А. Клейн – Т.В. Петкевич. 5 августа 1996

Чудо-люди, уважаемые и дорогие Тамара Владиславовна и Владимир Александрович1!

Получил Ваши оперативные письма-ответы, такие добрые и внимательные, включая прекрасную открытку с видом на Никольский собор С.-Петербурга. Спасибо! Узнавал в отношении презентации «Жизнь – сапожок непарный». Увы. Сейчас причина одна – полнейшее отсутствие денег. Сами работники финно-угорского центра2 уже месяца три не получают зарплаты, даже в отпуска уходят без отпускных денег. У нас в республике такое положение повсеместно.< … > Если будет всё же у нас презентация, я буду рад в ней оперативно (слово-то какое – бррр...) участвовать, даже с удовольствием скажу вступительное слово. Что ж, будем надеяться.

Пока же положение тяжелейшее. Все бюджетники – учителя, врачи, служащие, артисты и т.д. без денег: не получали с апреля, мая и т.д. Все деньги расшвыряли на выборы (сумасшедшие деньги!), всякие «мероприятия» – встречали Патриарха и выкинули свыше 4-х миллиардов рублей: шёл снег, а ему дорогу к аэропорту уставили розами (каждая 22 тыс. руб.). В общем, хозяйничать умеют.

Таковы «бытовые детали» жизни. Но на судьбу не ропщу: спасибо, что книги издаются. Коми госиздат водил меня за нос со стихами больше двадцати лет, бессовестно обманывая. А «Дитя смерти»! – ухитрились после известного письма Андреевой3 рассыпать набор. В общем, нервотрёпок хватало. Сейчас, можно сказать, готов сборник миниатюрных новелл-зарисовок из тюремного и лагерного жития под общим заглавием «Улыбки неволи». Там представлены комически-драматические эпизоды, которые могут быть только в тех условиях. <…> Но теперь найти спонсора на эту книжку будет нелегко, да и искать нет сил и времени. Объём её примерно 10 печатных листов, может быть, немного больше.

Вы пишете о нашем институте на Моховой, 34. Он обязан был приобрести для своей библиотеки несколько Ваших книг. О своих я писал, писала и дирекция колледжа, на складе которой залёживается «Дитя смерти». Стоимость этих книг копеечная («Дитя смерти» 2 тыс. руб.). Но из института никто не ответил никому. Сейчас вообще никому ничего не надо. Людей, которым что-то

требуется, помимо пищи и одежды, становится всё меньше. А жаль.

Не скрою, меня до глубины сердца трогают Ваши добрые отзывы о моих книгах. Вы – очень доброжелательные и добрые люди, это заметно. Ваша сердечность уникальна. Нельзя ли с ваших рукописей, Владимир Александрович, сделать несколько ксерокопий, чтобы не волноваться, когда отправляешь куда-то на отзыв? В своё время с «Дитя смерти», ныне покойный друг А.А. Католиков4 сделал 10 ксерокопий, и я «стучался» в разные инстанции. Кроме того, 10 ксерокопий – это уже тираж. Уже знак того, что не пропадёт. Уверен, что Ваши воспоминания5 очень и очень интересны. Таких сейчас почти вовсе нет. Одни «столичники». А у Вас опыт и в столицах, и на периферии.

Всего Вам самого наилучшего.

Ваш А. Клейн.

1. Галицкий Владимир Александрович (1907-1998) – театральный режиссёр, Заслуженный деятель искусств РСФСР. Родился в г. Казани. Служил в театрах Харькова, Владивостока, Твери, Днепропетровска. Возглавлял театры в Тамбове, Куйбышеве (Самаре), Кишинёве, Вильнюсе. Отойдя от активной режиссёрской деятельности, поселился в Санкт-Петербурге. С 1935 года вёл педагогическую работу. Автор мемуаров «Театр моей юности» (Л., 1984) и «Записки периферийного главрежа» (Тамбов, 2003).

2. Финно-угорский культурный центр Республики Коми (г. Сыктывкар) – государственное бюджетное учреждение, имеющее своей целью формирование и удовлетворение культурных потребностей народов и этнических групп, проживающих в Республике Коми.

3. Нина Андреева – преподаватель Ленинградского технологического института, кандидат технических наук – автор письма «Не могу поступиться принципами», опубликованного в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 года. В письме прозвучали антиперестроечные настроения. В частности, в нём давалась позитивная оценка личности Сталина и высказывалось требование вернуться к оценке исторических событий с партийно-классовых позиций.

4. Католиков Александр Александрович (1941-1996) – российский педагог, член-корреспондент Российской Академии образования, народный учитель СССР. С 1973 года – директор школы-интерната для детей-сирот (г. Сыктывкар). Создал систему воспитания, обеспечивающую детям-сиротам близкие к семейным условия жизни.

5. Речь идёт о книге «Записки периферийного главрежа».

4

А. Клейн – Т.В. Петкевич. 3 ноября 1996.

Дорогие и уважаемые, Тамара Владиславовна и Владимир Александрович!

Простите, что только сейчас собрался написать. Во-первых, после приезда одолели дела (плюс заочники); во-вторых, доставал интервью с Тамарой Владиславовной, чтобы выслать. Как я понял, Ваше пребывание в Коми1 было интересным и болезненным для Вас (от памяти никуда не денешься). Мне довелось мельком увидеть кусочек фильма, снятого на презентации Вашей книги. Конечно, на телеэкране не то, что на киноэкране. Но всё-таки впечатление оставалось большое.

Конечно жаль, что мы так «календарно» разминулись. Но пропускать возможность было нельзя: как раз в это время в Петербурге была большая делегация немцев из союза «Примирение»2 и «Союза по уходу за воинскими захоронениями»3. Довелось встретиться с ними, и вот получил приглашение поехать в Гамбург, чтобы с 16 по 20 ноября там принять участие в днях поминовения погибших во Второй мировой войне4.

Снова спасибо нашему министру культуры: наскребли денег на ж/д билет до Петербурга и обратно (у нас уже три месяца не дают зарплату, и вся семья сидит на одной моей пенсии). Конечно, еду. Я там ни разу не был. Не знаю, сколько сумею повидать. Хотелось бы очень много. Но и Гамбург, и Любек, и Альтона – города, известные с 9 века нашей эры, и там должна быть тоже интересно представлена готика. Конечно, Лессинг-театр увижу только, как здание... Но всё же. Вообще-то моя мечта – поездить по Германии, повидать Кёльнский собор внутри, в Наумбурге – статуи Эккехардта и Утты в соборе, в Дрездене – галерею и знаменитый «цвингер», в Берлине – Пергамский алтарь, и многое ещё. Но... это всё, вероятнее всего, придётся отложить...на следующую жизнь...

Я по телефону говорил Владимиру Александровичу, как меня радостно поразил и растрогал его приход и выступление на презентации «Дитя смерти»5. Потрясающий человек!

У нас 31-го было собрание местного «Мемориала»6 и там демонстрировали видеозапись встречи с вами в финно-угорском центре. Было человек 70-80, в основном старые люди, старики и старухи, поседевшие и... посидевшие. Так что понимание было полное.

Сейчас думаю: как бы и где бы пристроить свои «Улыбки неволи». Примерно 13 печатных листов, 33 эпизода – новеллки и один большой очерк «Воркута театральная», с доселе неизвестными фактами и описаниями внутрилагерной культурной жизни, так сказать. Там же лучшие были не только в известном Воркутинском музыкально-драматическом театре7, но и в тех зонах, откуда в него не брали, и куда он не имел права заглядывать. А театральная жизнь была. Особенно в речлагах8, где скопилось очень много интеллигенции. Кто-то даже назвал среди сидевших в речлаге князя Ухтомского. Он действительно там сидел. Мне о нём рассказывали, но при этом

замечали, что будучи образованным человеком, он заодно был и стукачом... Не исключено и такое. В речлагах было много прибалтийцев, украинцев, евреев-космополитов (их всех направляли туда). В общем, состав был не такой сероватый, как в Воркуте, где были обыкновенные каторжники, в том числе и я.

1. В октябре 1996 года Т.В. Петкевич по приглашению Финно-угорского культурного центра Республики Коми побывала в четырёх городах: Сыктывкаре, Княж-Погосте, Ухте и Сосногорске. Везде состоялись её встречи с читателями. Особенно ярко прошла презентация книги «Жизнь – сапожок непарный» в Финно-угорском центре (г. Сыктывкар). Более подробно о поездке см.: Т. Петкевич. Жизнь – сапожок непарный. Книга вторая. На фоне звёзд и страха. – Спб.: «Балтийские сезоны», 2011. – с. 391-410.

2. Петербургский центр движения «Примирение» (1994-2005) – общественная организация, поставившая своей целью задачу примирения бывших противников (немцев и русских). Начало Движению положило соглашение по уходу за воинскими захоронениями, подписанное Россией и Германией в декабре 1992 года. Становлению петербургского «Примирения» содействовали видные общественные деятели Петербурга, и в первую очередь – поэт-фронтовик М. Дудин и писатель-фронтовик Д. Гранин. Начало активной работы организации – 1994 год, когда была сформирована инициативная группа, председателем которой был избран подполковник запаса, военный переводчик Ю.Лебедев.

3. Народный союз Германии по уходу за воинскими захоронениями – организация, которая возникла после Первой мировой войны с тем, чтобы ухаживать за немецкими солдатскими могилами. С 1952 года по поручению правительства ФРГ Народный союз занимается вопросами обустройства немецких военных могил за рубежом. Свою работу он финансирует на 90% за счёт членских взносов и пожертвований.

4. День памяти погибших в Германии отмечается как день траура по всем погибшим в Первую и Вторую мировую войны, а также по всем жертвам фашизма. Проходят официальные церемонии на кладбищах, где похоронены немецкие, русские солдаты, а также солдаты других национальностей. Постепенно сложилась традиция в третье воскресенье ноября возлагать цветы к их могилам. День памяти погибших существует с 1919 года.

5. Презентация романа «Дитя смерти» состоялась в Петербурге в сентябре 1996 года.

6. «Мемориал» – неправительственная организация, основной задачей которой является исследование истории политических репрессий в СССР, реабилитация и увековечивание памяти их жертв, а также просветительская и правозащитная деятельность.

7. Воркутинский музыкально-драматический театр – организован в 1943 году приказом Начальника Управления Воркутстроя НКВД СССР М. Мальцева в «целях наилучшего систематического обслуживания вольнонаёмного населения Воркутинского угольного бассейна художественно-зрелищными мероприятиями». Силами вольнонаёмных и заключённых ГУЛАГа здесь ставились балеты, оперы, оперетты и драматические спектакли. Театр сыграл важную роль в становлении театральной культуры в Республике Коми.

8. Речлаг – Речной лагерь – Особый лагерь для политзаключённых. Организован 27 августа 1948 года на базе лагерных подразделений Воркутлага. Максимальное число заключённых – 35459 человек. Закрыт 26 мая 1954 года. В июле-августе 1953 года в Речлаге произошло восстание заключённых, которое было жестоко подавлено.

5

А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 23 декабря 1996.

У меня в истекшем году было много всякого, и радостного, и мелкогрязного (от завистливых «товарищей по перу»). Но больше было приятного. Из плохого то, что вычеркнули опять в Коми книжном издательстве мою книгу «Волшебный камень и книга Белой совы», которая выдержала два издания и полностью разошлась. Но если бы в издательстве были умные люди, они бы сделали хорошее издание – красочное, подарочное (а то, ведь оба те издания хамские: для детей и без иллюстраций) и заработали бы порядочно.

Но всё же, это мелочи, по сравнению с тем, что у меня было! В сентябре в Петербурге в большом актовом зале Центральной русской библиотеки1 – бывшей им. Салтыкова-Щедрина, Фонтанка, 36 – состоялась презентация «Дитя смерти». Организовал международный центр «Примирение» (пред. Ю.М. Лебедев, с участием Д.А. Гранина). Было множество корреспондентов прессы, радио, теле. Транслировали по телевидению и радио. Организовали интереснейшие встречи, поездки по местам действия моей книги по всей области, а также в Кронштадт, Гатчину, Новгород и т.д. Были прекрасные встречи с немецкой делегацией, банкет. А после моего возвращения через две недели я получил приглашение в Гамбург. С деньгами было жутко туго (зарплаты не давали), но спасибо Маргарите Григорьевне Приме2 и А.С. Безносикову3, наскребли мне на билеты поездом и суточные (без квартирных) до Петербурга. (Там я останавливался у моей двоюродной сестры в весьма неважных условиях).

В Гамбурге меня роскошно – от души – встречали. Там идёт речь о переводе моей книги на немецкий язык < … > В Петербурге была запись на теле и передача по радио и теле, а также пресс-клуб в газете «Невское время», где

присутствовали наши и иностранные корреспонденты, представители мэрии (на уровне зама), немецкого консульства и посольства, а также ряда других газет, журналов и теле. Были и другие волнующие встречи и выступления.

Денег, правда, ни на грош не прибавилось. Корреспонденты разных газет, наших и немецких, на мне хорошо заработали. А я получил в Гамбурге тьму подарков – толстых тяжёлых книг на немецком языке, с которыми и вернулся. Но вечерами с интересом читаю, т.к. книги в большинстве посвящены событиям войны, геноцида и т.п., что не может не волновать меня.

Расхвастался на старости (а что ещё остаётся старику?)

Будьте здоровы, берегите здоровье и друг друга!!!

Всегда ваш

А. Клейн

1. Российская национальная библиотека (с 1992 года). С 1925 года Библиотека официально именовалась Государственной Публичной библиотекой в Ленинграде, с 1932 года – Государственная Публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Библиотека включает в себя комплекс зданий. В 1949 году ей было передано здание бывшего Екатерининского института благородных девиц на набережной реки Фонтанки дом 36.

2. Прима Маргарита Григорьевна – заместитель Министра культуры Республики Коми (90-е годы)

3. Безносиков Алексей Семёнович – Министр культуры Республики Коми (1993-1999)

6

А. Клейн – Т.Н. Петкевич. 13 февраля 1997.

< … > В ноябре Петербург, как и в сентябре, встретил меня исключительно тепло. Было много запомнившихся тёплых встреч. Очень сердечным был приём в Гамбурге. Я и сейчас, несмотря на дороговизну, нет-нет да звоню туда своему гостеприимному хозяину, бывшему советскому военнопленному, прекрасному простому труженику Эрнсту Августу и его милой жене фрау Ильзе. Посещение Гамбурга, всего четыре дня, оставило большое впечатление: другие люди, другие нравы, другие отношения. Как и положено, особенно чувствовалась доброжелательность у женщин. Они искреннее нас, мужчин, в выражении своих чувств. Всю жизнь моими лучшими друзьями были женщины разных возрастов, друзьями настоящими. Считаю, впрочем, что на друзей мне везло (многих уже, увы, нет...).

7

А. Клейн – Т.В. Петкевич. 14 ноября 1997.

Дорогие чудо-юдо ленинградцы-петербуржцы! Получил Ваше письмо, Тамара Владиславовна. Спасибо! К сожалению, я не нашёл газеты, но она есть, в которой напечатано сообщение о выдвижении Вашей книги «Жизнь – сапожок непарный» «Мемориалами» Сосногорска и Печоры на соискание Гос. премии. Что ж, будем надеяться. Но хочу предупредить: заранее не стройте планов и не радуйтесь. Жизнь научила меня заранее ничему не радоваться и ни на что не рассчитывать. А то порадуешься, а затем, чем больше надеялся, тем горше разочарование. Но уже сам факт – великое дело. Правда, я думаю, что там, в «верхах», куда как много кандидатов, имеющих куда более крепкие связи «с тем, кем надо», чем люди, нам подобные.

Сейчас у Юры1 в Печоре гостили французы из «Либерасьон»2, и он дал им Вашу книгу и рассказал о Вас. Мне они тоже позвонили, и я был рад хоть по телефону, услышав отличную французскую речь, чуточку поболтать на французском.

1.Кожевин Юрий Иосифович.

2. «Либерасьон» – крупнейшая национальная французская газета. Выходит с 1973 года. Уделяет большое внимание острым проблемам современного общества.

8

А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 23 марта 1998.

Дорогой Юра! Свершилось! Спасибо Ивану Егоровичу1 и другим2, указанным на обороте суперобложки! Книга вышла3. Тираж невелик. < … > Сигнальный экземпляр получил накануне нового старого года. Распоряжаться тиражом буду не я, но подсказать, если потребуется, вероятно, смогу.

< … > Петкевич я посылал телеграмму и открытку. Книгу пока посылать не буду. Она, писали мне, очень слаба и её тревожить мне не советовали ничем. Сейчас ей не до этого. Хотя мне очень бы хотелось знать её мнение. Я ведь её тоже упоминаю в «Улыбках неволи» на стр. 189.

Кое-что я упустил и вижу это, в который раз перелистывая книгу. Если будет второе издание, дополню написанное, расширю, допишу. К стыду своему, я забыл своего большого друга Б.Гольдфарба4, о котором мог бы вставить пару тёплых слов, говоря о шахте 26. Многое вылетело из памяти. Ведь я писал исключительно по ней. Но на первый раз и эти, правильно названные

мною в подзаголовке «Отдельные наброски», будут, надеюсь, играть какую-то роль для человеческой памяти.

1. Кулаков Иван Егорович – Первый Заместитель Председателя Государственного Совета Республики Коми.

2. Спиридонов Юрий Алексеевич – Глава Республики Коми, Торлопов Владимир Александрович – Председатель Государственного Совета Республики Коми.

3. «Улыбки неволи». Сыктывкар: «Пролог», 1997.

4. О Борисе Иосифовиче Гольдфарбе А. Клейн в статье «Музы за колючей проволокой» (Покаяние: Мартиролог. Т.2./Сост. Г.В. Невский. – Сыктывкар, 1999. с. 276) сообщил следующее: «В 1953 году в ОЛП (отдельный лагерный пункт – сост.) доставили только что осуждённого студента театроведческого факультета ГИТИСа Бориса Гольдфарба. Несмотря на срок – 25 лет – его удалось пристроить в КВЧ (культурно-воспитательная часть – сост.). Гольдфарб (впоследствии известный московский журналист Б. Анин) писал стихи и в начале 1954 года в «Производственном бюллетене» стали печатать из номера в номер его поэму «Василий Шахтёркин». Времена к тому времени изменились: в весёлой и остроумной поэме-подражании «Василию Тёркину» автор сумел создать обаятельный образ неунывающего заполярника. Интересно, что в газете даже пропустили явно крамольное «Шахтёркин, одного героя брат». Так что можно считать, что ещё одного ближайшего родственника героя Твардовского не миновала Воркута ... На многих сценах ОЛП-ов читали отрывки из «Василия Шахтёркина». Писал Гольдфарб также дежурные стихи о шахтёрском труде и рядовые корреспонденции в «Производственный бюллетень», ставший с начала 1955 года газетой «Шахтёр»».

9

А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 1 декабря 1998.

На днях была презентация 1-го тома «Покаяние»1. Я даже не ожидал: великолепно издан и, по-моему, хорошо отредактирован. Во втором томе будет культурная жизнь Коми ГУЛАГа – театры, агитбригады, художественная самодеятельность лагерей, культурно-воспитательная и просветительная работа. Всё это надо собирать и собирать.

< … > Кому это ты передал «Улыбки неволи», что они больше чем полгода не могут (или не хотят) рассчитаться? Деньги мне очень нужны. Зарплату не дают, (приехали из отпуска), вся семья живёт на мою пенсию. Гонорары ниоткуда не поступают, в газетах зарабатываешь в месяц десять-пятнадцать

рублей.

23 ноября мне (не по паспорту, а на самом деле) стукнуло 77 лет. По этому весёлому поводу в магазине у меня украли портфель со съестными припасами, кучами черновиков, календарных планов, фото, некоторых документов и т.п. Так что «жизнь продолжается».

Нашёл ли ты что-либо по Печорскому театру и по деятелям искусства, бывшим в лагерях Печоры? Когда, если что собрал, сможешь представить какие-либо материалы? Нашёл ли что новое в литературе, в мемуарах? Сейчас кончаются занятия у заочников, и я пойду в архив искать там что-либо.

Будь здоров и действуй! Жду!

Клейн.

1. Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар: Коми книжное издательство. Это научно-публицистическое издание, в основу которого положены архивные данные и богатый краеведческий материал. Начало всему положило создание Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние». Фонд появился в январе 1998 года по инициативе Кулакова Ивана Егоровича, чьё высокое положение во властных структурах способствовало тому, что Фонд получил поддержку республиканских властей. Задача, которую Фонд должен был решать, заключалась в сборе материалов по увековечиванию памяти жертв политических репрессий. Точно такие же задачи ставили перед собой и местные отделения «Мемориала» в Сыктывкаре, Ухте, Сосногорске и Воркуте. Это способствовало тому, что Сыктывкарский «Мемориал» и стал одним из учредителей «Покаяния». Первым редактором Мартиролога, 1-й том которого вышел в 1998 году, был Г.В. Невский. Нынешний его редактор – историк М.Б. Рогачёв. За 18 лет издано 12 томов в 16-ти книгах. Восстановлено около 125 тысяч биографий реабилитированных политзаключённых и спецпереселенцев. Это самая большая региональная база по России.

10

А. Клейн – Т.В. Петкевич. 22 марта 1999.

Меня ввели в редколлегию огромного труда «Покаяние», посвящённого истории ГУЛАГа в Республике Коми. Я взял на себя театральный отдел. Есть у меня и помощник (всё на общественных началах). Но труд нужный. По Воркутинскому музыкально-драматическому театру, благодаря многочисленным воспоминаниям, напечатанным и ненапечатанным, мы уже собрали достаточное количество материала, и скоро сдадим рукопись главному редак-

тору. По театру в Абези1 материал есть. Помог В.Ясный2. Осталось немного подредактировать – и всё. По Ухте3 местные любители собирают материалы. Не уверен, что там всё будет хорошо. Но... основа, наверное, будет. По Инте ряд материалов есть, есть и в воспоминаниях Печковского, и ещё кое-где. В общем, выйдет. Хуже по Печоре, хотя там ответственный сборщик Ю. Кожевин. Что-то у него застряло. По ВТЭКу4 материалов достаточно в Вашей превосходной книге «Жизнь – сапожок непарный». НО ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ ВЫ НАПИСАЛИ ЭТУ ИСТОРИЮ. У других она будет изложена суше, казённее, «научнее». Этот материал планируется уже на следующий том. Всего их будет не меньше тридцати ...

1. Абезь – посёлок в городском округе Инты Республики Коми, расположенный на правом берегу реки Уса. В 1938-1948 гг. – это столица Печжелдорлага, строившего железную дорогу Печора-Воркута. В 1943 году в Абези появляется театр Управления 501-й стройки. Его коллектив составляют заключённые и вольнонаёмные.

2. Ясный Вадим Кононович (1917-2003) – переводчик, литературовед, кандидат технических наук. В 1938 году был репрессирован по ст. 58-10 УК РСФСР. По приговору Особого Совещания получил 5 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). В 1943 г. – освобождение. Работа электриком на Воркутинской ТЭЦ. В 1954 г. – реабилитация. Работал в Москве в Центральном институте технической информации угольной промышленности. Автор мемуарной прозы «Год рождения – девятьсот семнадцатый». М.: ИНТЭК ЛТД, 1997.

3. Ухта – город (с 1943 года) расположен в центральной части Республики Коми. После Сыктывкара это второй по количеству жителей город республики.

4. ВТЭК – Воркутинский театрально-эстрадный коллектив Севжелдорлага (существовал с 1943 года). Базировался в Княж-Погосте. Разъезжал с концертами и спектаклями по всей железнодорожной магистрали Коноша-Котлас-Княжпогост-Ухта-Кожва-Воркута. За исключением Воркутинского музыкально-драматического театра, предназначенного для обслуживания вольнонаёмных, все остальные театры (и ВТЭК в том числе) обслуживали заключённых и лишь иногда, по особым случаям (например, торжественным датам) – вольнонаёмных.

11

А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 19 июня 2000.

Увы, просмотрев экзамены в театральной студии1, пришёл в ужас, особенно от сценической речи. Но брать сценическую речь я не хочу: я не привык халту-

рить, а работать, спустя рукава, не хочу. Сценречь мой любимый предмет. Здесь я чувствую себя нерядовым специалистом (признаюсь, что этот предмет вёл лучше, чем, знаю, его вели в ГИТИСе2 и ЛГИТМиКе3 не во всех отношениях, но во многих, – безусловно). Но сейчас может не хватить здоровья: надо переучивать молодых людей. А переучивать труднее, чем учить.

1. Театр-студия при Академическом театре драмы им. Виктора Савина (г. Сыктывкар).

2. ГИТИС – Российский университет театрального искусства (с 1991 года), а до этого (с 1931 года) – Государственный институт театрального искусства.

3. ЛГИТМиК – Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. С 1993 года – Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства.

12

А. Клейн – Ю.И.Кожевину. 5 февраля 2001.

Милый, дорогой Юра! Прости меня тысячу раз за то, что так задержался с ответом на твоё письмо. А ведь всё время собирался и... замотался. Неорганизованно провожу время. Правда, собираю стихи, в т.ч. многие довольно удачные экспромты, посвящения и т.д. на новый сборник1. Он будет как бы состоять из нескольких крупных подборок – фронт и плен, заключение, а среди всего этого нечто вроде сатирических вставок. Вроде: «Двое, убийцы-прибалтийцы, лежат не в родной земле, один – на Новодевичьем, другой – чуть не в Кремле»...

Ещё в планах собрать свои десять пьес-сказок для детей, для театра кукол и для драмтеатра или ТЮЗа. Из них 7 по Коми фольклору.

В актёрскую студию меня возят два раза в неделю читать историю театра. Платят гроши, но куда мне девать свои знания?.. Предлагали и сценическую речь. Я её обожаю, это мой «конёк», но силы у меня уже на исходе, а по сценической речи надо с каждым хорошенько работать, халтурить я не могу.

Часто звонит Юрий Арсеньевич Дмитриев2, один из ведущих театроведов, эстрадоведов и цирковедов страны. Человек редчайшей эрудиции. Мне повезло, что мы с ним дружны уже три десятилетия.

На предложение уехать в Израиль – но в моём возрасте перемена образа жизни (хотя и тут у меня «образа» нет)... да ещё без знания языка (я ни бум-бум, английский основательно подзабыл, а с французским и немецким там даже милостыню не попросишь)... Говорят, правда, что там хорошая пенсия, такая, что можно жить. Но за морем телушка – полушка, да рубль перевоз...

Надо дать объявление: «Меняю... кладбище на... крематорий». Как в моём стихотворении: «Мне бы место потеплее». Помнишь, я тебе его писал (4 строчки из инфарктного отделения больницы)?

Иногда вдруг приходит в голову – написать бы пьесу! Знаю, что мог бы. Но пишут и ставят такое местное сырьё, что неудобно. Да и собраться уже не так-то просто, хотя уверен, что моё «сырьё» бы поставили (имя-то какое-то есть).

Много читаю. Обычно возвращаюсь к классике. В современной литературе отстаю, как и в театре. Кончаю курс истории русского театра и начинаю историю Коми театра, чтобы знали её и тех, с кого надо брать пример.

1. А. Клейн. Свидетель и Жертва. Сыктывкар, 2001.

2. Дмитриев Юрий Арсеньевич (1911-2006) – российский театровед, театральный критик, доктор искусствоведения.

13

А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 6 сентября 2001.

В начале лета мне вдруг предложили бесплатную квартирку в Израиле с освобождением от квартплаты. И я – дурак-патриот, отказался... Здесь все мои воспоминания, ученики-друзья, как ты, друзья по трудному времени. Здесь их могилы...

14

А. Клейн – Ю.И. Кожевину. Декабрь 2001.

Теперь точно знаю, где стоит в Тосно дом, в котором ты живёшь1. Да, пройтись бы вместе по Тосно по следам моей книги «Дитя смерти»!

1. В конце 2001 года Ю.И. Кожевин переезжает из города Печора (Республика Коми) в город Тосно (Ленинградская область).

15

А. Клейн – Ю.И Кожевину. 15 апреля 2002.

Сил нет. Вдохновляет пример моего большого друга, профессора Юрия Арсеньевича Дмитриева. Ему 89-й год. Сейчас он работает сразу над пятью книгами, в т.ч. над учебником истории русского драматического театра для

театральных вузов, над третьим томом своего труда «Московский Малый театр», очерком «Звёзды провинциальной сцены», книгой о цирке и его мастерах. Вчера он мне звонил. Он выступает с докладами на конференциях, торжествах, семинарах ЦДРИ, Малом и других театрах, просматривает премьеры московских и гастролирующих в Москве театров, работает зав. Сектором в Научно-исследовательском институте искусствознания, является членом правления ЦДРИ, СТД, цирков и т.д. И пишет! Его пример – великое дело! Это выдающийся театровед, критик, историк театра, цирка, эстрады и т.д. Кроме всего, Юрий Арсеньевич регулярно пишет мне подробные умные письма. Работоспособность его потрясающая. Умница, блестящий эрудит и душевный человек. Вот с кого надо пытаться брать пример...

16

А. Клейн – Ю.И. Кожевину. Зима 2003.

Бездельничаю... Не читаю, слепой. Это для меня страшное наказание. Письма мне читает Ксения или Светлана (дочь и жена – сост.). Вот пиши покрупнее и чётко, тогда и я смогу прочесть.

< … > Любовь к художественному слову я пронёс через всю жизнь и рад, что вырастил ряд одарённых учеников и учениц, которые меня не забывают. Я и сейчас читаю хорошо и могу преподавать. Но кому нужен 82-летний старик? Правда, когда я выхожу на сцену, люди забывают о моём возрасте, да и я сам о нём не думаю... Когда я читаю, я вижу всё, о чём говорю, что рассказываю, лучше зрячего. Ты это понимаешь. Вùдение – великая вещь. Я, читая, вижу и передаю свои вùдения аудитории – и могу других этому учить.

17

А. Клейн – Ю.И. Кожевину. 16 июня 2005.

Дорогой Юра! Вот видишь, какие каракули написал – вслепую...

Кое-что иногда с большим напряжением сочиняю без бумаги и карандаша, всё держа в памяти. Так родились несколько стихотворений, переводы с немецкого и даже маленькая поэма «Санкюлот». Моё «Дитя смерти» печатают в Израиле в русских газетах, конечно без гонорара. Самый желательный перевод был бы на немецкий!!! Похвастался и легче стало. А за каракули не взыщи, пускай они будут тебе как память о твоём учителе и друге!

* * *

«Сыктывкар» Литературный альманах. 2010
Последняя публикация А. Клейна

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ НАГРУЗКИ
(очерк)

В конце пятидесятых-шестидесятых годов прошлого века были в моде массовые действа, массовые представления по всякому поводу. В них бывали заняты тысячи людей; а любопытных зрителей собиралось до нескольких десятков тысяч.

Эти массовые празднества, в которых были и выступления синеблузников, должны были заменять религиозные праздники, носить атеистический характер. Правда, новые представления строились по образцу средневековых мистерий.

Не миновала эта «эпидемия» и Сыктывкара. Встреча нового года: проводы зимы, праздники строителей, доярок, бумажников, слёта женщин республики и т.п. - становились поводом для театрализованных представлений.

Их сценарии и режиссуру на общественных началах осуществляли заслуженный деятель искусств Коми АССР Н.Н. Масальский и я, ваш покорный слуга. К этому уже привыкли основные организаторы торжеств: горисполком и идеологический отдел горкома КПСС. В последнем, особенно ревностной почитательницей театрализованных выступлений была заведующая тем самым отделом, фамилию которой я уже: к сожалению, запамятовал.

Чуть что: она вызывала ответственных и для политической острастки «накачивала» их. Творчески эти мероприятия Масальскому и мне, кроме хлопот и нервотрёпки, ничего не давали. И вот в конце шестидесятых годов меня вызывает заведующая идеологическим отделом и приказывает:

- Так, шестого мая в день поминовения умерших вы должны обеспечить массовое городское представление... Срочно представьте мне сценарий.

- Простите, - говорю, - не так давно кончилась война, и я не скажу, кого я больше видел живых или мёртвых, избавьте меня от этой нагрузки.

- Не отговаривайтесь, а срочно представьте сценарий!

«Ну, - подумал я, - представлю... » И на следующий день принёс план сценария. Вот он вкратце:

«Весь город украшен траурными флагами, везде крупные стрелки-указатели с призывом: «Все на кладбище!». На воротах городского кладбища большой транспарант с надписью: «Добро пожаловать!» Слева от них на щите стрелка с наконечником, указывающим вниз, с надписью: «Жди меня... (К. Симонов)». С правой стороны такая же стрелка и надпись: «Не плачь

напрасно... (М. Лермонтов)».

Почти напротив ворот на здании детского сада крупно: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть... (А.С. Пушкин)». На здании республиканской больницы рядом с кладбищем надписи: «Пускай умру - печали мало... (Н. Добролюбов)» и «Устал я жить в краю родном... (С. Есенин)». Рядом с моргом надпись: «Тяжело умирать, хорошо умереть... (Н. Некрасов)».

Прочитав, завотделом спросила:

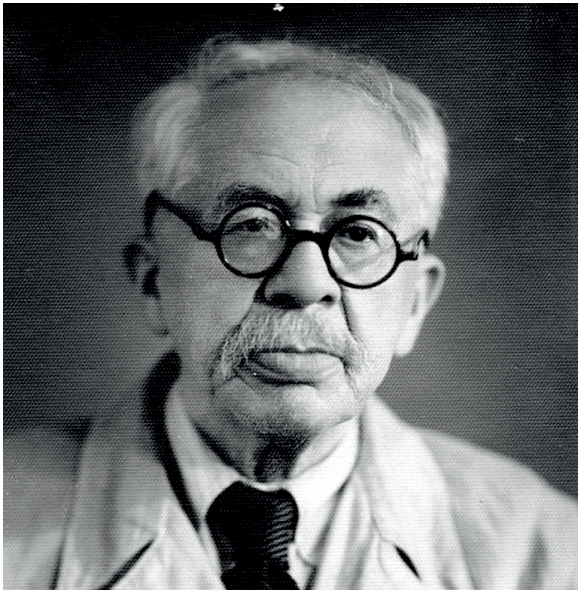
- Вы это серьёзно?

- Да, - ответил я с невозмутимым видом.

- Оставьте...

И она швырнула план сценария в мусорную корзину. Так весёлое представление по поводу дня поминовения усопших не состоялось. Да и другие сценарии мне стали заказывать всё реже и реже. Так я постепенно избавился от общественной нагрузки..

Дина Яковлевна и Соломон Ильич с сыном.
Конец 20-х годов. (Личный архив Ю.Кожевина).



Дядя Борис Ильич Клейн, учёный - микробиолог.
(Личный архив Ю. Кожевина).

Студент Ленинградского театрального института
Рафаил Клейн. 1939 год.
(Личный архив Ю. Кожевина).

СПРАВКА

дана гр-ну Клейн Рафаилу

Справка выдана для представления по требованию

Справка о том, что Р.С. Клейн добровольно вступил
в Ленинградскую армию народного ополчения.
(Личный архив Ю. Кожевина).

Рафаил Клейн перед уходом на фронт.
4 июля 1941 года. (Личный архив Ю. Кожевина).

Немцы под Ленинградом. 1941 год. (Гундлах Г.
Волховская битва: документы ужаса
1941 - 1942 гг. Бинген на Рейне, 1997).

Слева: захваченные под Ленинградом советские пленные. 1941 год (URL: http ://waralbum/ru (14. 05. 2014)).

Справа: обыск советских солдат в момент пленения. 1941 год. (URL: http ://waralbum/ru (14. 05. 2014)).

Тосно, разрушенный вокзал. 1944 год.
(Из фондов Тосненского историко-краеведческого музея).

Современный город Тосно. 2016 год.
(Личный архив Т. Минниковой).

Указатель на шоссе в Тосно. 1941 год.
(Личный архив Ю. Кожевина).

В загоне за колючей проволокой.
(URL: http ://waralbum/ru (14. 05. 2014)).

Вокзал в Чудово. (Гундлах Г.
Волховская битва: документы ужаса
1941 - 1942 гг. Бинген на Рейне, 1997).

Город Чудово: средняя школа № 1 на улице Некрасова - здесь находился немецкий госпиталь, где работал Александр Клейн. (Из фондов Чудовского краеведческого музея).

Чудово: улица Некрасова - напротив школы № 1 - за этим зданием располагалось немецкое кладбище. 1942 год. (Из фондов Чудовского краеведческого музея)

Чудово: современный вид здания, за которым располагалось немецкое кладбище. 2016 год. (Личный архив Т. Минниковой).

Чудово: немецкое кладбище. 1942 год. (Гундлах Г. Волховская битва: документы ужаса 1941 - 1942 гг. Бинген на Рейне, 1997).

Деревня Вохоново, где с 1942 по 1944 гг. работал переводчиком А. Клейн. Современный вид. 2016 год. (Личный архив Т. Минниковой).

А. Клейн - заключённый Александровского централа (тюрьмы № 5 Иркутской области). 1945 - 1948 гг. (Личный архив Ю. Кожевина).

Л. А. Левбарг - любимый педагог Клейна.
(Личный архив Ю. Кожевина).

А. Клейн - концертный конферанс в культбригаде Воркутлага. 1955 год.
(Личный архив Ю. Кожевина).

Слева: А. Клейн - первые дни после освобождения.
1955 год. (Личный архив Ю. Кожевина).

Справа: А. Клейн. Воркута,
1955 год. (Личный архив Ю. Кожевина).

Редакция воркутинской газеты "Заполярье".
(Личный архив Ю. Кожевина).

А. Клейн: Воркутинский театр кукол.
1956 год. (Личный архив Ю. Кожевина).

А. Клейн. Сыктывкар. Конец 60-х годов.
(Личный архив Ю. Кожевина).

За нашу Советскую Родину!

СССР

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

ЛЕНИНГРАДА

Клейн

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награжден медалью

«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Ленинграда»

Слева: Р.С. Клейн

Справа: наградной лист Р.С. Клейна к медали "За оборону Ленинграда". (Личный архив Ю. Кожевина).

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

27 июня 1956 г.

№ 3/002196/44г.

Москва, ул. Воровского, д. 15

СПРАВКА

Дело по обвинению КЛЕЙНА Рафаила Соломоновича, до ареста 26 января 1944 года бойца Ленинградской армии народного ополчения, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 21 июня 1956 года.

Приговор военного трибунала Ленинградского фронта от 21 апреля 1944 года и определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 15 мая 1944 года в отношении КЛЕЙНА Р.С. по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело прекращено.

КЛЕЙН Р.С. по данному делу реабилитирован.

НАЧАЛЬНИК СЕКРЕТАРИАТА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

(В. ЧИЖИН)

тп-27

Справка о реабилитации Р.С. Клейна.
(Личный архив Ю. Кожевина).

Слева: А.С. Клейн. Санаторий в Сочи. 1998 год. (Личный архив Ю. Кожевина).

Справа: А.С. Клейн.

Петкевич Тамара Владиславовна.
(Личный архив Ю. Кожевина

Кожевин Юрий Иосифович.
(Личный архив Ю. Кожевина).

Минникова Татьяна Николаевна.
(Личный архив Т. Минниковой)